

**Андрей Белянин Эва Бялоленьская Анджей Пилипик
Галина Чёрная Кынчо Кожухаров Сабина Тео Христо
Поштаков Анастасия Чёрная Наталья Татаринцева Лев
Жаков**

Дневник кота с лимонадным именем (Сборник)

by SeaCat

«Антология «Дневник кота с лимонадным именем»»: Альфа-книга, Армада; Москва;
2007

ISBN 978-5-93556-947-1

Аннотация

Ура, они снова встретились! Год назад Андрей Белянин предпринял попытку собрать под одной обложкой произведения своих друзей — славянских писателей-фантастов, популярных у себя на родине, но, увы, почти неизвестных в России. И попытка эта оказалась удачной! Вы ждали новой встречи — и не напрасно. Кроме уже известных и полюбившихся нашим читателям авторов, талантливая и остроумная компания Андрея Белянина пополнилась новыми именами, и новички не подкачали. Год назад Андрей написал: «Рано или поздно наши народы вновь повернутся лицом друг к другу и распахнут объятия, вспомнив голос крови и общих корней. Так почему первыми не быть нам?!» Будем дружить! Фантасты всех стран, объединяйтесь!

Андрей Белянин и его друзья

Дневник кота с лимонадным именем

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Дневник кота с лимонадным именем

Весна, вторник, месяц не помню...

Уехали. Счастливого пути, ветер в паруса, не забудьте куру в дорогу и т. д. и т. п... Мр-руф-ф, свалили — и ладно! Дома всё как всегда: сосиски в холодильнике, молоко там же, сметана (с просроченной датой годности..., зато целая банка) — короче, жируй, котик, наслаждайся жизнью! Пять дней относительной свободы, и не кипешуй...

Просто наслаждения у нас разные. ИМ — тиражи, гонорары, конвенты, премии... Мне — безвылазная пахота за компьютером, импортный набор жиров и химикалий под названием «Вискас», боль в пояснице и наглая тупорылая рыбка в аквариуме, которая вечно прячется у самого дна! Вторую неделю её прикармливаю, на поверхность не идёт, зараза, а лапы мочить не хочется...

Среда, рабочий день...

Сижу, вожу мышкой, правлю свой очередной шедевр. У самого от скуки скулы сводит, но мои всё равно умудрятся за него что-нибудь отхватить. Там своя политика: не дать нельзя, ай- ай-ай, как же так, ИМ — и не дать; неприлично даже...

Мр-р, мне-то что? Все люди играют в игры, не замечая, что рано или поздно игра начинает играть людьми. Просто... обидно бывает иногда. Выйдут оба на сцену, приз заберут и этак с улыбочкой в микрофон: «Вообще-то на самом деле этот роман написал наш кот...» Ой как всем в зале весело-о! Какой тонкий юмор, какая изысканная самоирония, какие интеллектуальные аплодисменты... тьфу!

Они же вам правду сказали! Я этот роман написал, идиоты, я! И прошлый — тоже я, и позапрошлый, и позапозапоза... А что толку? Правду, оказывается, тоже можно ТАК сказать, что никто не поверит...

Вон, даже рыбка вертит плавником у виска — работай, котик, работай, солнце ещё высоко...

Четверг. То же самое...

Звонил Генрих, толстый пижон и сноб. Хвастался, что у него в квартире хозяева обилие все стены войлоком на метр вверх, дабы их светлость могла точить когти где вздумается. Вот жизнь у кого-то... А тут сиди, пиши, не разгибаясь, когда на крыше в последний раз был — не помню. Рыбка — стерва, хвостом плеснула, знает, что я в три прыжка от монитора не добегу, издевается...

Генрих сказал, что в Сети новую подборку вывесили — вроде рассказы современных фантастов исключительно про котов. Надо глянуть хотя бы мельком. То, что мы про людей пишем, давно известно, интересно, что они там про нас накропали...

Почему мы? Мр-ряуф, а вы думаете, я один такой, подневольный?! Да нас трое как минимум, все за хозяев вкалывают. Вон, тот же Гофман ляпнул разок, что «Житейские воззрения» написаны самим котом Мурром, так наши до сих пор себе на этом имидж делают. Вроде как сами такую фишку придумали, ага... К классику примазываются!

Рыбка-рыбка, вот скажи, ну почему у Генриха хозяева сами пишут?! Молчишь... Ладно, сейчас подойду, помолчим вместе...

Пятница, день скорби...

Нашёл. Читал. Не дочитал, плевался и плакал. Убийцы-ы!!! Сколько можно нас убивать ради ваших окололитературных экспериментов?! Слов нет, кровь кипит, хвост трубой, уже всю клавиатуру когтями расцарапал, этих умников представляя...

Один философию молот молот, дозрел, резюмировался: «Каждой кошке по мышке, на каждую мышку своя кошка!» Блин, прямо Жириновский какой-то: «Каждой семье по квартире, каждой бабе по мужику!» Да и чёрт бы с ним, проехали, но убийцы эти...

Нашёл котёнка, пустил в дом, вырастил, а когда заметил, что тот электричеством больно бьётся, — взял и убил! Ей-богу, своей рукой, без малейшего зазрения совести — шлёпнул уникальнейшее для науки животное и счастлив по уши: типа, спас человечество...

Другой вообще своими руками кошку создал, а она козлов из научного совета не устроила, ну и... Ну и под нож её, естественно! Тоже мне, Тарас Бульба: «Я тебя породил, я тебя и убью!» А ведь какая прелесть кошечка была, всем нравилась: трёхцветная красotka, умница, преданнейшая душа...

Зачем? Я спрашиваю: а убивать-то зачем? Ради возвышающей вашу же душу трагедии?! Ну конечно, куда вам без трагедии, без неё никак — реализм не катит, да?! Тем паче кошку убить легко, дело-то неподсудное, кто за неё заступится...

Отвали, рыбка. Пойду попить валерьянки.

Суббота. Ага...

Приехали? Здрасте. Ну да, первым делом новый приз на полочку поставить, пыль собирать. Вторым, понятно, за компьютер — проверять, много ли я наработал. Не извольте сомневаться, уж не мышей ловил. Сюжетная линия, характеры героев, двойственность выбора, душевная драма — пальчики оближешь, всё как ВЫ любите. Может, разве концовку смазал слегка, торопился...

Все довольны? Так я пойду? А почему нет?! Какая ещё рыбка? Знать не знаю, в глаза не видел, и вовсе морда у меня не подозрительная... Она же на дне пряталась, и вообще, я сырую рыбу не ем, у меня, вон, ещё «Вискаса» полмешка, поделиться?

За что же сразу веником?! Может, тут воры были, поймали сетью и зажарили, я-то весь день у монитора, носом в экран, не разгибаясь, как прокляты-ый! ай! ой!

За что? Ах за рыбку... Подумаешь... Я тут книжку одну читал, короче, не убили — уже спасибо! Главное, роман-то я ВАМ закончил. Когда теперь на следующий конвентик? Мр-руф, значит, через месяц — ещё пять дней свободы.

А рыбку можно и новую купить... лучше селёдку... копчёную!

Лето, понедельник, месяца не знаю, сто лет на улицу не выходил...

Мря-уф! Зла моего не хватает, офигели, окончательно офигели! Нет, прошу пардону, оборзели они, это и литературнее, и точнее, вот! Кто оборзел?! Да хозяева мои, кто ж ещё... Почему? Хороший вопрос, психологический... Рыбку забрали с собой, вот! Умотали на очередной конвент, оставили меня за них работать, а новую рыбку увезли с собой в портативном аквариуме на колёсиках. Теперь, поди, заявят со сцены, что это она им новый роман пробулькала, а они лишь записали...

Мря-уф! Я тут, значит, сижу в одиночку, как в камере, прикованный к ноутбуку, и даже без рыбки, хотя с той, с покойницей, мы очень даже ладили... Слов нет, одни восклицательные знаки! Нет, вы представляете себе мои условия труда? Да чтоб их через таможню не пустили за контрабанду экзотических вуалехвостов!

Мне, как всегда, один конвертик оставили, с творческим заданием... Мурр-ну-с, чего они там накарывали, какие пожелания по сюжету, теме, стилю? Небось опять философских туманностей побольше, бредней романтических, перипетий всяких, про невозможную любовь, сострадание к ближнему, мучительность выбора пути меж большим и меньшим злом, потому что добро у них всё одно никто не выберет...

Ну-кась, ну-кась, ну-кась? Чего-о-о-о?! Я один — и мне одному вот это всё?! За пятерых?! И за такой мизерный срок, потому что «с редактором уже договорились»?!

Нет, вы как хотите, а мне нужна разрядка. Пошёл гадить в тапки.

Вторник ...Пью валерьянку. Тьфу на всех!

Среда вроде... ..Тьфу дв-ва раза... ик! Вал-леррррр-янк-а к-кончилась... ик! Мама-а...

Четверг. По-моему, всё-таки четверг... Ой, башка-то как трещит... хочу повеситься. Пробовал покончить счёты с жизнью лбом об монитор — не вышло: он мягкий, жидкокристаллический. Можно обожраться «Вискасом», но тогда никто не поймёт, что я умер в знак протеста! Ладно, пора взять себя в лапы и честно назвать причину моей глубокой депрессии, погрузившей меня в состояние, близкое к психическому расстройству, выражаемому в двух днях непрерывной валерьяновой пьянки. Но сначала придётся навести хоть какое-то подобие порядка в квартире. Похоже, что, пока я спал, здесь резвилось стадо мамонтов в обнимку с русскими геологами, отмечая на моей жилплощади годовщину «оранжевой» революции. Кстати, не забыть перезахоронить тапки в кошачий туалет...

Пятница, рабочий день

Итак, конкретизируем задачу — у моих хозяев куча литературных премий за мои же романы, но... стабильно невысокий тираж. Что делать, я пишу для интеллигентного читателя, а их во все времена мало. Однако тираж — это деньги! Премии, конечно, греют, но приди с этой железякой в магазин — тебе её на сметану не обменяют. Тут моих и переклинило — слава есть, хотим денег! Идею они мне сформулировали просто сногшибательную, ей-богу...

Взяли ещё трёх своих корефанов, из той же группы «мыслеизвержение на философпогружении поэтично умничает и альтернативной историей погоняет». У тех тиражи тоже такие же, но ведь если пять авторов в один роман запихнуть, то, следовательно, и тираж в пять раз увеличится, да?! Ну, с точки зрения математики, кто бы спорил, железобетонно! А вот писать всю эту винегретину кому?

Мне! Ясен перец, мне, не Генриху же... Этот жирный сноб только на своих хозяев орать может, а литературных талантов у него кот наплакал. Плачущий кот — это я...

Наверное, мои всё ещё за прошлую рыбку дуются, хотя вроде мне вполне внятно удалось доказать версию о похищении несчастной страшными ирландскими террористами. Даже письмо о требовании выкупа показал...

Не поверили. Мстительные стали, жуть... Сбежал бы давно, хоть в те же «Оборотни...» сбежал, у них на Базе образованные коты в большой цене.

Выпить нечего... Поработать, что ли, с горя?

Да, загаженные тапки в туалете не умещались, сунул их под шкаф. Вроде и не пахнет...

Суббота. Трудюсь, трудюсь, трудюсь...

Мыр-мыр, мырмыр-мыр, мыр-мырмыр, уф...

Всё равно намурлыкивать «Тореадор, сме-е-ле-е-е в бой!» дело бесперспективное по сути. Мои не любят, когда я что-либо героически-любовное пою. Они считают, что котам положено сыто урчать и мурчать на коленях, создавая уют и иллюзию взаимопонимания.

А любое моё стремление к воле, крышам и (никто не слышит?) к кошечкам расценивается как гражданский бунт и попытка государственного переворота. Вывесить плакат «СВОБОДУ ЗАКАБАЛЁННЫМ КОТАМ!!!»? Побьют веником... и попрекнут всё той же занюханной рыбкой.

Ладно, что у нас там по первому рассказику... Да полный ажур! Сюжетец бытовой и ностальгический: ходил мужик в бассейн плавать (добровольно! в воду! псих...) и типа там у него кроссовки спёрли, а взамен выдали импортные туфли. Ну, этот гражданин сознательный всё время пытается от туфелек избавиться, хотя именно из-за них ему по жизни — одно сплошное счастье...

Плюс там ещё сапожники умные категорически не советуют. О, это моя гениальная идея — сапожник-гностик-философ-интеллектуал! Да не один, их там целый клан — тайный орден ремонтников обуви, все мастерские города укомплектованы этими мудрыми парнями с мистическим креном на всю башку...

А за туфлями импортными охотится голубоглазый некто, и шиш его разберёшь,

хороший он или плохой. Сапожники говорят, что гад, и уходят в дзен без объяснений...

Короче, в мужика все тётки влюбляться стали, а он, как слюнявый интеллигент, со всеми только дружит и всё выбирает, чтоб никого не обидеть... Сам от себя устал и решил обувочку голубоглазому подленько сбавить, но под машину попал.

Очнулся в больнице, туфель нет, рядом мама, в коридоре невеста силуэтом, и всем наконец-то настал сплошной хеппи-энд!

В чём смысл? А кому он нужен... Кто голубоглазый? Да выдумал я его, чё пристали... Какая тётка из трёх в больничку пришла с кроссовками? Да уж ясно, та, что их и стырила!

Короче, у моих читатели интеллектуальные, вот пусть они себе мозги и парят, моё дело написать, а там уж кушайте с маслицем!

Короткий отдых, ложка «Вискаса» (убить бы того, кто этот фастфуд придумал!), и за клавиатуру. Господи, да что же так пахнет из-под шкафа весь день?! Дышать нечем...

Воскресенье-э-э!!!

Мря-уа!!! Нашёл пузырёк валерьянки в таблетках! Все во-о-он! Я до вечера на колёсах... Тореадор, чавк, чавк, чавк-чавк-чавк-чавк!!!

Понедельник

...Не помню...

Вторник

...Где я?! И где моя последняя жёлтая таблеточка-а-а?..

Среда. Хорошо, веду дневник, а то бы и дней не помнил...

Всё. Я в норме. Строг, подтянут (чуть не написал — выбрит!) и готов ко всему. Про квартиру умолчим... Если тиражи действительно вверх пойдут, моим будет проще купить новую. Честно слово, я бы так и сделал...

Второй рассказ выписан в лучших традициях жанра. Четвёрка вооружённых суперров резво бежит, переодевается, спасает мир, гасит дебилов-охранников, отбирает у нехороших диск с ОЧЕНЬ важной информацией, опять бежит...

Куда бежит? Судя по смыслу, скорее всего, в родную психушку. Потому как потом я вывел мысль о том, что вообще-то все они дети и во всё играют понарошку. Это их взрослый дядя с собачьим именем и подозрительной любовью к маленьким ребятишкам из неблагополучных семей в который раз так куда-то погружает. Они там мир спасут, он чей-то у них в психике навыправляет, и опять в погружение...

Причём ведь выстроил всё на нарочитом примитиве, интеллектуалы на такие фенечки круто ведутся. Они же сразу не въезжают, что я прикалывался, а признаться сами себе не могут, вот и подводят самостоятельно псевдофилософскую базу под всё прочитанное. Удобно-о! Люди себя любят, что с них взять...

Только я ещё там дракона впихнул. Зачем, с чего, почему — вот стукнуло, и всё, валерьянки перебрал. Да пусть себе остаётся, драконы обычно всем нравятся. Чего бы ещё туда запихать? А, сойдёт, не мне же читать?!

Тапки я перепрыгал ещё вчера ночью. В комод с хозяйкиным бельём, поглубже, на самое дно, чтоб в глаза не бросались, и дезодорантом побрызгал, «Запах свежей ёлки».

Или это освежитель для туалета? Нам, красивым котам, без разницы...

Четверг. Сплошные стрессы...

...Куда перезакопать эти ВОНЮЧИЕ тапки-и-и?!!

Пятница

Хм-мир-мым... а ведь, кажется, что-то получилось. Третий рассказик вышел — пальчики оближешь! Археологи черепом в футбол играли, а один умненький его отобрал,

портвейном облил, кровью мазанул и захоронил со стихами.

Ну и естественно, за его спиной тут же девица, с намёками, вроде это она (а может, и не она?) из мёртвых оживела. Страсть, болтовня, взаимные упрёки, семейные разборки, курят оба, а кончается тем, что она вообще мусульманка!

Это круто, это политкорректно, это в тему сейчас, ислам форева! Хотя, по совести, откуда в древнескифском кургане мусульманка?! Тогда ведь ещё и христианства не было, а ислам его гораздо моложе... Ну и без разницы, не историкам же фантастику читать?

А вот Стругацких сюда приплёл очень кстати... Их всегда стоит упомянуть, от них премийка-другая зависит, и не надо нос воротить!

Ну и концовочка лаковая: сердолик краснеет, инфантильный паренёк в охмурёже, девицу родня прокляла, но «нэ зарэзала», всем всё шоколадно, трупов нет и, главное, над миром тает оттенок могучего феминизма! Могут перевести на английский, за рубежом такое катит...

То есть я практически протоптал себе дорожку к относительной свободе, мягкими лапками, взад-вперёд по клавише ноутбука. Думаю, мои будут довольны. Старался, как мог. Все пожелания учтены, читательский успех гарантирован. Если и после этого их тиражи не попрут вверх, в поднебесье, то можете обозвать меня «бесхвостым пуделем», великодушно разрешаю!

А знаете, в марлевой повязке на носу дышится значительно легче. Полезное изобретение...

Суббота. Типа всё...

Упс... Приехали. Лежат. Да-да, рухнули прямо на пороге. Я даже не успел их обрадовать новым произведением. Надо было запасти ещё пару масок...

А лежат красиво, друг на друге, в приватной позе, приз новый из сумочки выпал, по полу катается зазывно... Потом поиграю.

И ведь самое обидное, что когда они придут в себя и прочтут весь мой титанический труд, то благодарить будут коленопреклонённо! А пока — веник я snyкал, ружьё разрядил, ножи-вилки от греха попрятал, хотя... в унитазе утопить, конечно, могут.

И ведь я-то им ещё по-хорошему тапочки к порогу вынес...

Как там людей приводят в чувство? Хлопают по щекам?! Тогда главное — поглубже спрятать когти... Ну-ка, раз-два! И тебе, раз-два!

Мря-уф! А в этом что-то есть... Продолжаем, раз-два, раз-два!

ЭВА БЯЛОЛЕНЬСКАЯ **(Перевод с польского Дины Коган)**

Профессиональный охотник на драконов

Староста деревни Любавы стоял на улице, которая носила громкое название Главная, и, задрав голову, с некоторым трудом разбирал буквы на вывеске.

— М... О... Д... МОД. — Староста наморщил кустистые брови и тоскливо поскрёб затылок.

Как человек бывалый и в свете потершийся, он знал слово «мода» и прекрасно понимал, что означают наряды, чепчики и прочие безделки, составлявшие смысл жизни его жены и дочек. Неужели не туда попал? Ведь он всячески расспрашивал в городке о драконоборце, и все направляли его именно сюда. Даже вывеска соответствовала: дракон был на ней намалёван ну просто как живой, точь-в-точь. Только что может быть общего у драконов с модой? Или у моды с драконами? Драконы нарядами не интересуются. Может, городские шутники просто посмеялись над деревенщиной и тут живёт портной? А, двум смертям не бывать, а одной не миновать, подумал староста и решил войти в дом. Зазвенел

колокольчик над дверью. Внутри было ещё больше изображений драконов, что староста отметил с некоторым облегчением. Значит, тут не портной и не сапожник живёт, хотя, говорят, есть такой обычай, что сапожник может вдруг стать драконоборцем. Правда, надо сказать, что обычай этот редко применялся на деле... А тут драконы висели повсюду на стенах: нарисованные на картонках, вырезанные из дерева, Даже набитые паклей чучела — разумеется, только одни головы, потому как весь драконище — о-го-го! — даже в избе не поместился бы.

— Бродячим торговцам спасибо и до свидания!

Староста даже подскочил от неожиданности, потому как, заглядевшись на диковинки, не заметил девушки, сидевшей за столом, пока она сама не заговорила. А голосок у неё был такой, что в пору стекло резать. Староста вежливо приподнял шапку.

— А и хорошо, что спасибо им говорите. Ведь нелегкое это дело: целыми днями на ногах, — сказал староста.

— Шнурки нам не требуются! — резко отозвалась девушка, глядя на торбу, которую староста зажал под мышкой.

— Да и мне они ни к чему, потому как сапога ношу. — Староста топнул обувью в сапог ногой. — Я относительно енто... ну... дракона.

Девушка вскочила с места, и тут староста с неудовольствием заметил, что на ней вместо платица али юбчонки, как пристало порядочной молодежи, были кожаные портки.

— Никакого возмещения не будет! Дракон и дракон! Неужто каждый болван в этом клятом месте думает, что если у него курица пропала, так это непременно Шарик?! — Девушка орала так, что у старосты даже в ушах зазвенело. — Он по закону зарегистрирован! И ведёт себя вежливо! С утра тут сидит и никуда сам не летает! — Палец крикливой девушки указывал в угол, где на сене спал кудлатый пёс.

Услышав своё имя, псина застригла ушами и слегка поколотила хвостом об стену.

— Вот так всегда и во всём я один виноват, — отозвался пёс, открывая один красный глаз. — Хватит с меня...

Он встал, потянулся, позёвывая, и только тут староста заметил, что пёс выпускает когти, точно огромный котище, а из хребта у него торчит крыло, только одно, да к тому же ещё как бы кривоватое и несуразное.

Староста едва не ударил шапкой об пол.

— Так и с меня хватит, нелегкая вас возьми!!! Не об этой дворняге речь, а совсем даже о другом, о моём драконе.

Девушка в портках тут едва по стойке «смирно» не вытянулась и зашебетала:

— Чем можем помочь? Местный Отдел Драконизации оказывает широкий спектр услуг. Прошу описать пропавшего дракона, есть ли у него какие-то особые приметы, был ли он зарегистрирован в нашей картотеке...

— Дак... — попробовал остановить её несчастный староста.

— ...регистрационный номер, место пропажи. Если имеется, регистрация драконовода...

— Да этот дракон вола у меня сожрал! — рявкнул староста.

Девушка и увечный дракончик соорудили одинаково изумленные мины.

— Ну, Чешуйка, тут пахнет чем-то серьёзным, — сказал маленький дракончик. — Дракон? Вола? Не может быть. Господин хороший, верно, то был зомбак.

— Точно, — подтвердила девушка, которую называли Чешуйкой. — Зомбак, вывери или в крайнем случае пофрунка. Посмотрите-ка на схему. Так он выглядел? Или так? Да вы его вообще-то видели?

— Ну, чтобы сказать сблизка — так нет, — уже менее уверенно сказал староста. — Не дурак же я, чтоб дракону в пасть соваться. Однако сдаётся мне, не такой он был и не этакий... — Староста потыкал пальцем в чешуйчатый лоб выверна и в свиноподобную саблезубую морду зомбака. — Только наверняка летает.

— Так, может, такой? — с надеждой спросила девушка, пододвигая к нему картинку с

пофрункой.

— Э-э-э... не-а, не аж такая малютка.

— Сударь, так ведь маленькое оно, потому что на картинке. Поглядите-ка на человечка, что рядом нарисован для сравнения.

Клиент вдруг разозлился:

— А по-вашему, если из деревни — так непременно дурак, да? Глаза-то у меня есть! Говорю же: маловат этот. Такая кроха только что кошку может проглотить, а от скотины только голова да трещотка остались. Что не сожрал — уволок куда-то. У меня вола, у соседа козу, гусей тоже недосчитались. И так мне кажется, что тот вор-засранец выглядел точь-в-точь как этот вот умник. — Староста ткнул пальцем в молодого драконишку. — Разве что побольше.

Сотрудница МОДа и её четвероногий коллега обречённо посмотрели друг на друга.

— Какой-то незарегистрированный балбес или старичок, впавший в деменцию, безобразничает, — сделал вывод Шарик.

— Мы кого-нибудь пошлём с вами, — сказала Чешуйка, беря со стола какие-то бумаги и быстро их просматривая. — Шарик, кто у нас свободен? Песя Три Травки?

— Отпуск по семейным обстоятельствам. Женится, — тут же ответил Шарик.

— Сконан Баклажан?

— На съезде специалистов по разведению пофрунки миниатюрной, в качестве консультанта. Через неделю возвращается.

— Одноглазый Кот? Ифрит? Подснежник?

— В поле.

— Безжалостная Луана?

— Да ей рожать через два месяца, глянь в её карточку! — рявкнул Шарик.

— И правда... Вот хреновина-то. А кто ж остаётся?

— Микел... — буркнул дракон, свесив уши. Оба поглядели на старосту Любавы как бы в некотором замешательстве.

— Микел... Ага... — произнесла Чешуйка. — Микел... Прекрасно, значит, будет Микел.

— А что, с ним что-то не так? — с подозрением поинтересовался староста.

— Да что вы! Всё в наилучшем виде! Профессионал! С дипломом! — горячо возразил Шарик. Слишком уж горячо.

— Так я подготовлю документы! — Чешуйка закашлялась. — Вы тут посидите, пожалуйста. Сотрудник Шарик, приведите драконера Микела с целью получения задания.

Четвероногий сотрудник направился к находившимся в задней части помещения дверям, в которых было вырезано отверстие с крышкой. Проходя мимо старосты, зверёныш тихо буркнул:

— Только петь ему не давай.

Таинственные слова сотрудника Шарика вскоре стали вполне понятными, а старосту раз за разом хватал самый очевидный кондрашка. Не то чтобы он имел что-то против драконеров, боже упаси. Подобно кузнецу, пастуху или, с позволения сказать, сводне, драконер тоже имеет право на своё место на земле. Староста пробовал убедить себя, что без этого МОДа с драконами было бы ещё больше хлопот, чем теперь, когда МОД существует и действует. И закон даже позволяет освобождать плату за услуги драконера от налогов. Тем не менее Микел страшно его раздражал и беспокоил.

Прежде всего он был — по понятиям старосты — слишком молод! Охотник на драконов должен быть ещё не старый, но в летах, опытный, закалённый, с суровым, испещрённым шрамами лицом, с серебряными нитями седины в волосах. Староста решительно ничего не имел бы против, если б он носил, к примеру, ожерелье из драконовых зубов. А Микел был, правда, росту изрядного, но зато худющий; про украшения из драконов можно сразу забыть; волосы у драконера были светлые, как лён, длинные и связаны на

затылке в маленький хвостик, а поскольку (что уж там скрывать) пряди завивались крутыми локонами, казалось, что драконер носит на голове крошечного кролика с пушистым хвостиком. Даже огромный меч, который Микел тащил за спиной, немногим улучшал ситуацию.

— Это на драконов? — поинтересовался староста в самом начале знакомства, пытаясь пробудить в себе хоть мало-мальское уважение к профессиональному убийце драконов.

— Да нет, — добродушно ответил тот, — этот для людей. Для драконов, зомбаков и прочей нечисти у меня пицаль и арбалет имеются. Я и не думаю так близко к ним подбираться.

Таким рассуждениям нельзя было отказать в справедливости, видно, паренёк и в самом деле оказался смышлёным, но на этом его добродетели и заканчивались. Во-первых, на первом же привале обнаружилось, что драконер не ест мяса, потому как он, видите ли, «вегерианин» или что-то в этом роде. Парень весьма достойно объяснил старосте, что убивать животных «с целью добывания пищи» неморально. И он лично эту неморальную колбасу есть не собирается, хотя староста может её вполне неморально употребить, потому что он, Микел, весьма терпимый человек. Только вот у старосты та колбаска поперёк горла встала, и он чуть не подавился, глядя, как драконер поедает хлеб с морковкой. Эта вегора-что-то-там всё-таки была страшно глупой религией.

А во-вторых, Микел обожал петь, но у него не было ни малейших способностей к этому. Старосте потребовалось совсем немного времени, чтобы все его желания свелись к тому, чтобы отрезать Микелу язык или на худой конец себе уши, хотя охотнее он бы сделал первое.

Почти целых два дня — столько длилось путешествие до Любавы — несчастный староста принужден был выслушивать фальшивые завывания трактирных песенок, романсов и драконерских баллад. Конь юного драконера, огромный гнедой мерин, похоже, давно освоился с привычками своего хозяина и с философским спокойствием плелся по большаку, а вот лошадка старосты, запряжённая в возок, то и дело испуганно вздрагивала, прядала ушами, и управлять ею было в два раза тяжелее, чем обычно.

А когда они наконец добрались до Любавы и старостиха вместе с двумя раскокетничавшимися дочками начала вовсю угождать тощему охотнику на драконов, староста окончательно потерял терпение. Девочек запер в избе на щеколду и велел перебирать фасоль, которую сам же в кладовке перемешал с горохом. А драконера отправил спать в ригу на сено, напомнив, чтоб тот прямо с утра брался за работу, потому как оказалось, что, пока старосты не было, драконище снова угостился на славу, на сей раз двумя курочками, а третья умерла со страху, и пришлось её сварить, хотя до того она прекрасно неслась. Одни расходы.

Старостова половина была весьма огорчена таким отсутствием гостеприимства.

— Да тебя, видать, в хлеве воспитывали, Ванаро, — ворчала она. — Гостя в ригу отправить, до чего дожили! Хоть на ужин его позову.

— Морковки ему в огороде нарви, — буркнул муж. — Ну чистый кролик... и шалфею завари, потому как, сдаётся мне, сильно нездоров он. С головой непорядок.

Но в конце концов драконер вынужден был довольствоваться тушёной капустой, кувшинчиком молока и куском пирога.

Микел не слишком озаботился настроением своего работодателя. Такова уж людская природа: трудно человеку принять новые идеи, — и староста Ванаро ничем от других не отличался. Попросту ещё один маленький человечек с узкими горизонтами, копается он в земле, мало что видит, кроме этого своего клочка, и похоронят его в конце концов в той же земле. Ест падаль да в придачу ещё и музыки не любит. Человек ведь от природы не создан, чтоб мясо есть, даже по зубам это видно — нет у него таких клыков, как у псов, волков или, чтоб уж далеко не ходить, у драконов. Вот у дракона как раз есть соответствующее снаряжение, чтоб мог он убивать и поедать других животных. Ну, может, кроме домашних... Там, где дело касалось регламента МОД, вся философия заканчивалась. А зубы Микела природа приспособила для уничтожения репы, и репой он намерен был

ограничиться. По крайней мере если говорить про зубы, потому как пищаль — это уж совсем другое дело...

Работа поначалу казалась несложной. Правда, вредитель вроде бы относился к летающей разновидности, но наш драконер из принципа не доверял описаниям свидетелей. Они каждый раз поднимают вопль: «Дракон! Дракон!» — а потом оказывается, что имеешь дело с бродячим выверном, блошицей или даже наземным зомбаком. Среди любимых баек, бытовавших в МОД, была история про истеричную дамочку, у которой «дракон» сожрал канарейку, потом оказалось, что это была всего лишь оголодавшая миниатюрная пофрунка. Она удрала от неаккуратного хозяина и бродила по окрестностям, не зная, куда себя деть. Впрочем, были и человеческие жертвы: вызванный драконер, рыдая от смеха, споткнулся о кошачью миску и набил себе шишку на лбу.

Однако же тут наверняка свирепствовало что-то покрупнее пофрунки, даже дикой, но Микел, исходя из своего опыта, знал, что это нечто вовсе не обязательно было тем самым существом, которое в учебнике называют «ленгорханский дракон подлинный». Просто люди чаще всего видят то, что им хочется увидеть. Поэтому следовало приманить оный объект охоты, осмотреть его собственными глазами, а уж потом привести свои действия в соответствие с породой и обстоятельствами.

У старосты имелись свои причины для недовольства. В конце концов, он платит, значит, может и потребовать. Тем временем «профессионал» шлялся по окрестностям и выделывал всякие штучки. Пялился вокруг через какую-то трубу, развешивал по кустам кусочки зеркала и дохлую рыбу, причём специально постарался выбрать такие рыбины, что их даже свиньи бы не тронули. Вонь стояла от той проклятой рыбы до небес. И что? И ничего.

А теперь устроился бездельник на меже и лентяйничает. Староста чуял, что не выдержит, пойдёт и огреет драконера по кудрявой головушке. Микел сидел на траве, скрестив ноги, неподвижным взглядом уставившись перед собой, и глубоко дышал.

— И чего так сопеть-то, а? — недружелюбным тоном осведомился староста.

— Медитирую я, господин Ванаро, — спокойно ответил драконер.

— Ох ты, медитирует он. А о чём это?

— О жизни, господин староста. И о смерти.

Драконоборец, по-прежнему сосредоточенно глядя перед собой, вытащил что-то из-за пазухи и подал старосте.

— А это ещё что? — спросил тот, недоверчиво беря свёрточек, старательно обшитый замшей.

— А, так, пустяки, распоряжения. Если я не вернусь, это надо отослать в МОД и сообщить, что я погиб, а они уж займутся остальным.

Старосте даже неловко стало, он и не знал, что сказать. Как-то забылось, что работа драконерская среди безопасных не значит. И по шее вполне можно получить, и домой не вернуться.

— Вы были правы, это ленгорханин, — продолжал Микел. — Крупнее выверна, быстрее, чем зомбак, а по уму равен человеку. Хотя у нашего гостя разум к старости помутился, потому и ищет он лёгкой добычи на ваших пастбищах. Но это ещё не значит, что справиться с ним будет просто.

Староста уселся рядом с драконером.

— Такой, как тот, что у вас в избе?

Микел кивнул кудрявой головой.

— Да, именно такой. Только Шарик ещё совсем молокосос, ему только сорок лет. Но он вырастет, и крылья у него будут новые. Мы его приютили, потому что какой-то скот решил, что без крыльев дракончика легче будет продать. Второе крыло он просто не успел отрубить, потому как Шарик ему руку оторвал аж по самый локоть.

— Выжил?

— До лекарей там было далековато, — как-то уклончиво ответил Микел.

— Так я... приберегу ваши бумажки-то. Как вернётесь, так и возьмёте, — нехстати ответил староста.

Микел сидел на дубе. Не то чтобы он уж так любил белкой прикидываться, но не со вчерашнего дня известно, что на толстых, раскидистых деревьях драконеру укрываться безопаснее всего. Не со вчерашнего — а конкретно с того самого, когда известный (в определённом смысле) драконоборец по прозвищу Мягкоглазый Джо в панике вскарабкался на дерево, удирая от рассвирепевшего выверна. Как оказалось, выверн не мог добраться до него ни снизу, ни сверху — как раз из-за густых ветвей: они цеплялись за крылья животного и ранили нежные летательные перепонки. Правда, Джо пришлось провести на ясене почти два дня, пока выверну не надоело его караулить, но это был переворот в методологии охоты на драконоподобных.

На сучках на расстоянии вытянутой руки от Микела развешены были разнообразные орудия его ремесла: два арбалета, запас стрел к ним, старательно рассортированных согласно величине и видам наконечников. А на коленях драконер бережно нянчил заряженную пищаль с грозным дулом, которое мгновенно могло выплюнуть смертоносную тучу картечи, способной превратить даже самую жуткую зубатую морду в окровавленный фарш.

Микел усмехнулся, вспомнив, как были удивлены его хозяева, узнав, что у драконера, помимо его небольшого арсенала, нет не только панциря, но даже плохонькой кольчужки. Эх, ничегошеньки-то люди не знают. Первым делом новичкам вдалбливают в головы, что доспехи в этом деле только помеха. Никакая броня при непосредственном столкновении не убережёт драконера ни от клыков выверна, ни тем более от саблезубого зомбака, зато она вполне способна замедлить его движения и лишить возможности обороняться. А в более лёгкой кольчужке можно, конечно, идти на пофрунку — если очень хочется выглядеть полным идиотом, который в броне охотится на зверюшку величиной с обычного волка.

Светало, небо в просветах между листьями ясно, приобретало бледно-пепельный оттенок, понизу стлался утренний туман. В углублении между корнями дуба спала утка, спрятав голову под крыло. Микел поудобнее устроился на ветке, прицелился и метнул в птицу недозрелым жёлудем. Утка проснулась и коротко крикнула. В утренней тиши её голос прозвучал точно трубный сигнал тревоги.

— Ну, птичка, ещё разок, — шепнул драконер, готовя следующий снаряд.

Утка встряхнулась и направилась было прочь переваливающейся походкой, но шнурок, которым она была привязана за лапку к ближнему кусту ежевики, не позволил ей отдалиться.

— Кря-кряк, — с обидой отозвалась она снова.

— Как в лесочку под кусточком уточка сидела...

Утка чихнула и распушила хвост.

— Ну-ну... Только на дракона не чихай, когда прилетит, а то разонравишься ему, — буркнул драконоборец.

Он огляделся по сторонам, одновременно проверяя, легко ли можно сдёрнуть промасленную тряпицу, которая предохраняла замок пищали от влажности. Что-то промелькнуло внизу, и драконер напряг мускулы, но это была только лиса, охотившаяся на драконью приманку. Микел осторожно отложил пищаль и потянулся в карман за рогаткой. Жёлудь попал рыжей в зад, и та поспешно ретировалась. Будь она человеком, верно, потом долгие годы рассказывала бы о карающей руке Господа. Взмолнованная утка раскрякалась вовсю, Микел готов был поспорить, что на своём утином языке она так и сыплет отборными проклятиями, пытаясь разорвать шнурок. Оно и к лучшему: чем громче она будет вопить, тем скорее явится сюда давно ожидаемый дракон. Немного стрельбы, потом так называемый «удар милосердия» — и всё кончено! Если только не появится то, что преподаватели называли «фактором хаоса» и о чём полевые драконеры говорили: «Знаешь, всегда может случиться какая-нибудь херня».

Микел зевнул так, что аж челюсть заболела. Одной из самых паскудных сторон

профессии драконера был ненормированный рабочий день. Но с другой стороны, будучи торговцем фуражом — а именно такое ремесло прочили ему в своё время родители, — он бы наверняка смертельно скучал. Сидеть на дубе и ждать в засаде дракона казалось ему гораздо приятнее, чем заниматься подсчетом мешков. Микел вытащил из кармана морковку и захрустел ею, чтоб убить время.

Дракон появился неожиданно и почти бесшумно, точно лёгкий ветерок, шевеливший ветви. Под деревом среди зелени промелькнул чёрный, как смола, мех. Микел осторожно снял тряпицу с замка своего оружия. Дракон стоял перед уткой, точно раздумывая: стоит ли её есть? Утка замерла, притворившись чучелом. Драконоборец тщательно прицелился в просвет между ветками.

«Покажи-ка глазки, дорогой. Подними головку...» — подумал Микел, кладя палец на спуск. Если б ему удалось попасть добыче прямо в глаз, остальное было бы уже только формальностью.

В ту же секунду дракон, точно стрела, метнулся в густой подлесок — только его и видели. Драконер гадко выругался и буркнул:

— Почуял меня, паршивец...

Вдруг над его головой послышался треск, будто на дуб свалилась какая-то тяжесть. С грозным ворчанием огромная звериная туша пыталась протиснуться сквозь плотную завесу ветвей. Микел задрал ствол и выпалил вверх, пробив дробью приличное отверстие в зелёной кроне.

— Мазила! Мимо! — услышал он сверху язвительный крик.

Микел пододвинул поближе арбалеты и начал перезаряжать пищаль. Он-то ожидал увидеть драконьего склеротика, от старости уже плоховато ориентирующегося в окружающей действительности, глуховатого и подслеповатого, а злобная судьба подсунула ему самый тяжёлый случай, а именно: юного бунтаря. Обычно драконы обитали в своих резервациях или, подобно Шарику, прекрасно сосуществовали с людьми. Порой они полностью растворялись в человеческом обществе, трансформировались в человеческие тела, и соседи даже не подозревали, что тот или иной маг, колбасник или ремесленник в своём настоящем облике может похвастаться шипами на спине, хвостом и огромными зубами. И при этом прекрасно читает их мысли. Но иногда случалось, что какой-нибудь драконий подросток семидесяти — восьмидесяти лет от скуки отправлялся на поиски приключений и хорошей драчки.

— Какой у тебя номер?! — крикнул Микел, торопливо забивая шомполом заряд в дуло.

— Отгадай! — издевательски отозвался дракон.

— В качестве сотрудника Местного Отдела Драконизации я арестую тебя именем короля! За нарушение порядка и многократные похищения скота, — попробовал было окоротить неразумного дракона Микел, зарядив пищаль.

— Иди ты на редьку! — ответил дракон.

— Чего?

— НА РЕДЬКУ!!!

— Хочешь сказать «на хрен»?

— Как тебе угодно, — фыркнул дракон откуда-то из-под ветвей.

Несколько минут ничего не происходило, и в душе драконера даже проклюнулась робкая надежда, что драконий подросток удрал. В противном случае у Микела появился бы вполне реальный шанс повторить подвиг Мягкоглазого Джо, а морковки ему надолго бы не хватило. Сжимая в руках пищаль, драконер осторожно спустился на три ветки пониже, чтобы осмотреться. Огромная морда дракона вдруг взметнулась над кустиками ежевики и молодыми дубками-самосеями. Ещё бы чуть-чуть — и драконер вошёл бы в историю под прозвищем Одноногого Микела.

— Ты мне каблук оторвал, поросёнок!

— Радуйся, что я тебе ещё чего-нибудь не оторвал, ты, прислужник расистского режима! Убийца невинных!

Надо признаться, что драконер на мгновение даже дар речи потерял.

— Это я-то убийца?! Я?! А кто меня только что сожрать хотел? Ты или, может, богоугодный Ки-чан, кроличий покровитель?

— А кто меня застрелить хотел? И за что? За прогулку по лесу! И только потому, что я дракон! Это расизм и видизм, — огрызнулся дракон.

— Вовсе я не расист, — возразил драконер. — У меня на работе есть хороший друг, тоже дракон. А вот ты пошёл по кривой дорожке, приятель!

«Я? Дорогой мой вовсе-не-расист, я существо, не ограниченное вашими смешными правилами и номерками, я свободный дух!» — с достоинством отвечивал дракон, выходя на связь непосредственно с разумом собеседника.

— Что ты там задумал? — поинтересовался драконер с подозрением, старательно высматривая среди зелени блеск чёрного меха. Паршивый драконище удивительно хорошо маскировался в лесу.

«Ничего такого», — невинно отозвался дракон.

— Тогда зачем перешёл на мысленный обмен? Явно для того, чтобы я тебя не услышал и не понял, откуда ты ко мне подбираешься. Только со мной этот номер не пройдёт! Ты когда-нибудь видел, что может наделать пищаль?! — рявкнул драконоборец, внимательно оглядываясь по сторонам и не выпуская из рук оружие.

«Подожду до ночи, пока ты заснёшь, а потом стяну тебя с ветки».

— Я умею долго обходиться без сна, — ответил Микел.

«Я могу не спать трое суток, а ты, человечек?»

— Трое суток! — презрительно фыркнул драконоборец. — Когда я зубрил перед экзаменами, то по три недели не спал! Так что ты меня тут не пугай.

«Врёшь».

— Всего лишь слегка приукрашиваю.

На этот раз дракон напал сбоку, усмотрев просвет между двумя развесистыми ветками и рискуя повредить крылья. Чёрная пасть возникла перед Микелом так внезапно, что он даже испугаться не успел. Только машинально закрылся левым локтем, ощутил боль от рассечённой кожи, а уже в следующее мгновение сработали навыки, вбитые в него во время обучения в академии, — и он наставил дуло пищали на морду чудовища.

«Мне только зубы сжать», — передал дракон.

— М-м-м-мне только наж-ж-ж-жать на с-с-спуск. Я ус-с-спею, к-к-к-клянус-с-с-сь, — выдавил из себя Микел, чувствуя, как холодный пот стекает в глаза.

Дракон покосился на оружие. Ситуация была патовой.

«А я не боюсь. Всё равно меня этим не убить».

Микел глубоко вздохнул, стараясь сдерживаться и не стучать зубами.

— С такого-то расстояния? И прямо в глаз? Знаешь, как будет больно? Регенерация займет несколько часов, а если пуля пройдёт кости черепа и попадёт в мозг, то тебя уже ничто не спасёт. Так что я прихвачу тебя с собой в могилу.

Дракон фыркнул, а Микел содрогнулся в ожидании треска поломанных костей и палящей боли в отгрызаемой левой руке. Но ничего подобного не произошло. Судя по положению ушей, дракон несколько растерялся. И это надо было использовать с умом.

— Как тебя зовут-то?

Красный глаз с подозрением уставился на драконера. Чёрный зрачок слегка расширился.

— Я вот зовусь Микелом, — продолжал драконер. — Мне двадцать два года. Уже три года я работаю в МОДе.

«Зачем ты мне всё это говоришь?»

— Да вот надеюсь, что ты меня не убьёшь. Несколько неловко сожрать того, кого называл по имени, верно?

«Снег меня зовут», — ответил дракон. Даже в мысленном варианте это не прозвучало слишком оптимистично.

— А, родители хотели соригинальничать? — отозвался драконер. — Слушай меня внимательно, Снег. Ты отпустишь мою руку, а я медленно отведу оружие. Иначе мы можем так просидеть тут до осени. Тебе ведь тоже не слишком удобно торчать на дереве, точно белке-переростку.

«Если я тебя отпущу, ты меня застрелишь», — недоверчиво просигналил Снег.

— Не стану я этого делать. Я вообще не хочу тебя убивать, потому что ты всего лишь глупый молокосос. Тебе ж не больше семидесяти, а я детей не обижаю. Просто ты послушно отправишься в деревню, назовёшь мне свой регистрационный номер, и мы договоримся относительно возмещения за убитых животных.

«Почему я должен тебя слушать?»

— Потому что иначе неприятностей у тебя будет гораздо больше.

Дракон ослабил хватку могучих челюстей и очень медленно отодвинул свою башку. Микел отвел дуло. Кровь стекала по рукаву его куртки, и трудно было шевелить пальцами, но это ещё могло пройти.

— И вовсе я не обязан тебя слушать! — взревел вдруг дракон. Уши его плотно прижались к голове, а зрачки сузились до вертикальных чёрточек.

Драконы быстрее людей, но ненамного. Крик драконера и грохот выстрела прозвучали почти одновременно. Драконоборец сползал по стволу, окрашивая его стружкой крови. Снизу, из-под дуба до него ещё донеслось непримиримое:

— Ты ж всего только человечиска, глупый и слабый человек!

Чёрный ленгорханин покинул те места, забрав с собой на память утку из-под дуба, а взамен оставив немного крови на траве. Правда, у Микела не было времени хорошо прицелиться, но пищаль отличается одной полезной чертой — большим разбросом выстрела. Видно, дракон решил, что не стоит больше рисковать и подставляться МОДу. Не осталось доказательства выполненной работы в виде косматого трупа, но староста признал, что заказанный драконоборец так или иначе свою работу выполнил. В конце концов, не пристало препираться с раненым, который принимает свои документы **одной рукой**.

Микел приобрёл в МОДе прозвище Счастливчик, потому как воистину надо иметь огромное счастье, чтобы из такой передраги выйти почти невредимым, отделавшись только лёгким укусом и потерей пальца.

Потом он женился.

Потом породил четырёх сыновей.

Но ни один из них, к великому огорчению отца, не пожелал стать драконером.

Драконоборцы — следующее поколение

Альваид наблюдал за нотариусом, а в душе его зрело беспокойство. Будучи бухгалтером, одинаково хорошо знавшим и цифры, и людей, к этим цифрам приписанных, он понимал, что юрист обеспокоен и смущён, хотя и старается это скрыть. Три брата Альваиды, сидевшие рядом с ним, кажется, вовсе этого не заметили.

Тем временем нотариус, то и дело поглядывая на слушателей, монотонным голосом зачитывал юридические формулировки, по закону помещенные во вступительной части завещания. В заключение он откашлялся и сказал:

— Распоряжения господина Микела Пол-Моране, кхм, очень короткие и ясные. А именно: «Наследником или наследницей всего моего движимого и недвижимого имущества назначаю того члена семьи, который представит соответствующей комиссии, созванной Местным Отделом Драконизации, голову чёрного дракона».

После этих слов воцарилась тишина. Если бы в комнате случайно оказался муравей, было бы слышно, как он топаёт. Точно повеяло ледяным ветром, и даже время замерло. Вдруг раздался пронзительный и вместе с тем жалостный звук: «Бздоооннг!» — самый младший сын умершего, бережно нянчивший на коленях свою лютню, нечаянно задел

струну, и это нарушило чары.

— Я сплю! — завопил, вскакивая, старший сын Драгон. — Разбудите меня! Это просто гадкий сон!

— Спокойно... успокойся, прошу тебя... — Выверен схватил его за рукав и попробовал усадить обратно на стул.

Самый младший, похоже, всё ещё был в шоке, поскольку только прижимал к груди лютню, а выражение его лица было каким-то отсутствующим, будто ему только что засветили помидором прямо в морду.

— Я должен успокоиться?! После того, что сейчас услышал? Не тяни меня, а то врежу!

Альваид решил прийти брату на помощь. Совместными усилиями им удалось удержать Драгона, а Выверон заткнул ему рот собственным беретом, так что самый старший из братьев Пол-Моране мог теперь издавать только сдавленные протестующие звуки.

— Не... могли бы вы... прояснить... нам? Это шутка такая? — с трудом проговорил Альваид, сдерживая сопротивляющегося Драгона. — Прекрати, а то я сяду тебе на голову! — добавил он, обращаясь к брату.

Драгон по-прежнему бешено сопел носом, но перестал метаться.

Нотариус выглядел ещё более смущённым, чем прежде.

— Документ был представлен в нашу канцелярию почти тридцать лет назад.

Альваид только брови поднял. Тридцать лет назад на свете не было ни одного из них, а отец, кажется, даже не начал ещё ухаживать за их матерью.

— Несколько месяцев тому назад господин Пол-Моране упоминал о завещании, но не успел сделать никаких распоряжений, поскольку... известно, что случилось, — продолжил юрист.

Братья закивали. Если у тебя отец — драконер, то помимо прочего очень быстро привыкаешь к мысли, что его могут в любой момент сожрать. Так и случилось.

— У меня лично создалось впечатление, что о том, первом документе он забыл, — добавил нотариус, понизив голос.

— Это так на него похоже, — попытожил Выверон с горечью.

Альваид что-то быстро подсчитал в уме.

— Минуточку, ему тогда было... года двадцать два — двадцать три. Ну да, та известная история с драконом, который ему палец отгрыз!

— Это он хотел отомстить дракону? Таким способом? — удивился Выверон.

Драгону наконец удалось выплюнуть берет.

— Почему это меня не удивляет? Пора посмотреть правде в глаза — отец был с прибабахом! Только ненормальный мог назвать детей Драконом, Вывероном и Целлофаном!

— Я на самом деле Челлофан, — с обидой отозвался младший. — Это мама придумала. Очень хорошее имя, артистичное — от виолончели происходит.

Драгон раздражённо завёл глаза вверх.

— Это же совершенно бессмысленно! Наверняка можно поставить под сомнение этот дурацкий документ?!

— Боюсь, что нет, — ответил нотариус с сочувствием. — Завещатель не обнаруживал никаких признаков сумасшествия, что бы о нём ни думали наследники... — Он посмотрел на помрачневшего Драгона. — *Impossibilium nulla obligatio est*, то есть невозможное не может быть предметом обязательства, но раздобыть голову дракона вполне возможно. Хотя, разумеется, довольно трудно.

— «Трудно» — это не то слово. Скорее опасно, смертельно и абсолютно безумно! Ни один из нас не стал драконоборцем. И мы не собираемся ничего тут менять.

Нотариусу, кажется, стало всё это понемногу надоедать. Он поднялся из-за стола и начал приводить в порядок бумаги.

— В завещании говорится о том, что надо доставить дракона, но нет ни слова о том, что его надо собственноручно убить. Так что вы можете нанять профессионала, господи, — сухо заметил нотариус. — Прошу вас, вот копия документа.

— Подождите минутку, господин нотариус. А, собственно, как велико это несчастное наследство? — Альваид, как всегда, был очень практичен.

— Разумеется, — согласился нотариус. — Простите, господа, это необычное дело меня тоже выбило из колеи. — Он выудил из стопки документов нужную страничку. — Точная оценка состояния ещё не произведена, но я могу привести общие цифры. Тут порядочно наберётся. Банковские облигации стоимостью три тысячи крон. Усадьба под Вирой, отдана в аренду и приносит доход в среднем тысячу триста крон в год. Немного, зато регулярно. Депозит, находящийся в Нортлендском Промышленном банке, — драгоценности, их нынешняя рыночная стоимость составляет около двух тысяч крон...

— Помню! — обрадовался Целлофан. — Это из драконьей сокровищницы, ожерелье он тогда маме подарил, а остальное...

— Тихо! — прикрикнули на него братья.

Их младший братец иногда просто на нервы действовал. Казалось, он живёт в каком-то ином мире, а здесь и сейчас только мимолётный гость.

— ...доля в торговле деревом — дивиденды стоимостью около семисот крон, недвижимое для сдачи внаём в Кодау общей стоимостью две-две с половиной тысячи крон плюс доход от квартплаты. А также доля в фабрике... кхм... игрушек...

— Около шестисот крон, — мрачно перебил Выверон, который был совладельцем той же фабрики. К его великому огорчению, лучше всего продавались мягкие, сшитые из бархата драконы. Их расхватывали как горячие булочки.

— Всё вместе составляет более десяти тысяч крон! — подытожил Альваид, который все цифры складывал в уме.

Часть этой суммы составляло наследство от дедушки с бабушкой, но итог всё равно производил впечатление.

— Так-так... добивайте уж меня окончательно, — хмуро отозвался Драгон.

— А это наверняка должен быть именно ленгорханский дракон? — Альваид пробовал найти хоть малейшую возможность обойти завещание.

— А это наверняка должен быть именно **дракон!** — брюзгливо вмешался Драгон. — Ослом нельзя его заменить?

— А может, тебе отрезать голову, Драга? Ты у нас брюнет, так что условие будет соблюдено, да и ослиные приметы имеются, — огрызнулся Выверон.

Целлофан, на лице которого застыло озабоченное выражение, тихо бренчал на лютне. Он не любил, когда братья ссорились, это было так вульгарно.

— Десять тысяч, по две с половиной тысячи на голову... вот дрянь какая, и почему наш папочка не был обыкновенным сапожником или кондитером? — исходил желчью Драгон, который назло отцу стал архитектором. — То есть надо понимать так, что либо мы приволочём в наш МОД голову чёрного ленгорханина, либо всё состояние перейдёт во владение королевской казны?

— После оплаты всех личных долгов и обязательств завещателя, — уточнил нотариус. — Господин Пол-Моране оставил несколько неоплаченных счетов, но они все на маленькие суммы. Ну что ж, не буду больше мешать вам, господа. Если понадобится — я всегда в своей конторе и готов помочь вам.

— Похоже, выхода нет, — начал Драгон, когда юрист удалился. — Нам придётся поймать этого грёбаного дракона. — Он хлопнул по плечу своего младшего брата, который, кажется, снова витал в облаках, побрякивая на своем инструменте. — Все, кто хочет получить свою часть этих десяти тысяч. Целя, ты тоже, кстати.

— А что я? — пришёл в себя Целлофан.

— Охотишься за драконом.

На лице молодого человека появилось трудно определимое выражение — не то обиды, не то удивления пополам с недоверием. Он задумчиво нахмурил светлые брови.

— Но ведь у меня аллергия на шерсть...

Сотрудник Шарик обитал в пристройке неподалёку от помещения МОДа. С годами он стал величиной с небольшого коня, не говоря уже о том, что у него отросли крылья, и, потягиваясь, он сшибал со стен всё, что на них висело. Теперь он сидел на служебном сеннике и не сводил своих красных глаз с неожиданных гостей. В избе было тесно, поэтому все они пристроились на одной лавке, а Целлофан старался держаться подальше от дракона. И чуть ли не каждую минуту чихал.

— Как вы себе это представляете?! — взорвался ленгорханин. — Вот так запросто явиться к кому-то и отрезать ему голову? Совсем крыша у вас поехала?

— Если уж тут кто-то и свихнулся, так это наш дорогой покойный батюшка, — ответил Драгон. — Он же просто-напросто не оставил нам другого выхода.

— Убийство ради денег! — В голосе дракона звучало глубокое презрение. — Согласен, отец ваш не слишком отличился. Но почему вам пришло в голову, что тут запросто можно нанять ликвидатора?

— Но ведь тут работают драконоборцы?

— А на вывеске у нас значится МОД — Местный Отдел Драконизации или МОПУД — Местный Отдел Паршивых Убийц Драконов? Не говоря уже о том, что даже шкуру выверна нельзя вот так запросто заказать, а уж дракона можно ликвидировать только в том случае, когда он нарушает право и угрожает здоровью и жизни соседей. В настоящее же время, ребята, у нас нет ни одной заявки подобного рода. А если что-то и появится, так ведь кто вам поручится, что потенциальный осуждённый окажется именно чёрным?

— А тот, что папу убил? — спросил Целлофан и снова чихнул.

— Микела сожрала выверны. Прекрасная смерть для драконера, очень достойная.

Сыновья «достойно сожранного» обменялись мрачными взглядами. Ну да, выверны были обычно тёмно-зелёными или коричневыми, не говоря уже о том, что вообще принадлежали к другому виду.

— Но, Шарик, пойми же... — снова начал было Драгон и едва не опрокинулся на спину, когда зубастая драконья пасть мгновенно оказалась на расстоянии пяти пальцев от его носа.

— Для тебя — **господин** Шарик, молокосос! — гаркнул сотрудник МОДа. — И молись, чтоб до меня не дошли слухи, будто ты что-то там комбинируешь. За незаконную охоту на драконов Уголовный кодекс предусматривает наказание в виде двух лет тюрьмы и трёхсот крон штрафа.

Казалось, им остаётся только «напиться, а потом застрелиться», как сказал Драгон, который был самым темпераментным из четвёрки. Он предложил братьям переночевать у него, так что они все в довольно мрачном настроении собрались в его гостиной.

— Собственно говоря, что для нас изменилось? — Выверон с удивительным оптимизмом пробовал найти в ситуации более светлую сторону. — Я по-прежнему буду делать тряпичных драконов, Драга строит дома, Алек считает деньги...

— Чужие, — насмешливо вставил Драгон.

— Свои тоже. Я говорю о том, что у каждого из нас есть крыша над головой и какое-нибудь имущество, а ты так отчаиваешься, будто завтра вынужден будешь пойти просить милостыню.

— Великолепно. Мне, значит, надо не обращать внимания и брать пример с Целлофана? Вот он бренчит на своей мандолине, и плевать ему на всё, а тем временем наша семья теряет состояние. Ох, был бы жив отец — я б его просто голыми руками придушил!

— Заткнись! — вдруг отозвался со злостью Целлофан.

До сих пор он тихо сидел в углу и, как обычно, вроде бы глубоко задумавшись, наигрывал какие-то легкие мелодии. Но оказалось, он внимательно слушал, о чём говорила его семья.

— Драга, да постыдись ты. Ведёшь себя как настоящая свинья. Папа умер, а у вас в голове только деньги! Я сегодня послал маме письмо — интересно, кому-то ещё из вас это

пришло в голову? Она ведь стала **вдовой**. И не знаю, как вы, а я себя чувствую **сиротой**! — Он поднялся и демонстративно направился к двери. — Я иду спать. А этот инструмент называется, между прочим, лютой, а не мандолиной, ты, профан!

— Ну-ну... — произнёс Альваид, когда за его младшим братом закрылись двери. — Высказался! И, надо признать, он где-то прав. Завтра напишу маме.

— Честно говоря, из нас он больше всех похож на отца, — сказал Выверон.

Драгон молчал, не сводя глаз с носков своих башмаков.

— Мы опустились... кошмарно низко, — пробормотал Альваид, осторожно передвигаясь по крутой тропинке, извивавшейся вдоль обрывистых прибрежных скал.

— Ещё нет, — ответил Драгон, с опаской поглядывая на обрыв. — И лично я предпочёл бы вообще не падать. Вот нелёгкая, как же тут высоко...

— Опустились в моральном смысле. Браконьерствуем, охотимся на дракона, да ещё вдобавок заграничного. Отца бы кондрашка хватил, если бы он был жив, конечно.

— Если бы он был жив, то аннулировал бы своё идиотское завещание, а нам не пришлось бы тащиться на охоту аж до самой Ленгорхии.

— Я тоже полагаю, что это аморально, — прошипел сзади Выверон.

— Что именно? Ах мы уменьшаем чужое народное достояние? Так я перед отъездом оставляю в гостинице побольше чаевых. На! Привыкай. — Драгон втиснул брату в руки мушкет.

— Но я так скверно себя чувствую... Мы собираемся убить совершенно невинное существо. Да ещё мыслящее. Шарик был прав...

— Не стони. Попросто направь дуло на дракона и представь себе, что это гора золотых монет по пять крон. Увидишь, это поможет.

— А если я промахнусь?

Подобные разговоры братья вели уже дней шесть, с того момента как впервые ступили на территорию государства Ленгорхия. Перед ними простирался голубой простор океана, а с другой стороны горизонт ограничивала неровная линия — то были западные отроги Зеркальных гор, последнее, как утверждала молва, место на свете, где жили стада диких, непронумерованных драконов. Трое драконоборцев-любителей бродили по прибрежным скалам, делая вид перед местными жителями, будто охотятся на тюленей. Четвёртый таскался за ними в качестве хвостика, всё время теряясь. Старшие братья безуспешно старались возбудить в нём интерес к охоте, Целлофан предпочитал любоваться пейзажем, а не заниматься их варварскими развлечениями.

— Где этот блуждающий менестрель? — поинтересовался Драгон, заметив, что младший братишка опять куда-то испарился.

Они спустились на каменистый пляж, заваленный обломками скал, которые оторвались от обрывистого берега, а теперь терпеливо ждали, пока морские волны приливов их отполируют.

— Недавно ещё он был с нами. — Альваид посмотрел вверх, но не увидел Целлофана на крутой тропинке. — Может, загляделся и прошёл подальше, теперь спустится другой дорогой.

И они двинулись дальше, лавируя между валунами, а Драгон каждые несколько минут оглядывал местность в подзорную трубу. В глубине души он и сам был не уверен, есть ли хоть капля смысла в их затее. Судя по рассказам отца, всё выглядело довольно просто: надо только попасть дракону в какой-нибудь жизненно важный орган — сердце, печень — и ослабить хоть ненадолго, потом нафаршировать его стрелами и, пока не заработали прославленные регенерирующие способности, отрубить ему голову. А уж без головы ничто не работает, ну, может, кроме правительства. Наверняка эти байки ничего общего с действительностью не имели. В конце концов, даже хорошо обученные драконеры в таких схватках бывали ранены, а то и вовсе теряли жизнь.

— Есть! — объявил Драгон, останавливаясь.

— Целек?

— Дракон! Даже цвет подходящий! Смотри! — Драгон протянул брату подзорную трубу.

И правда, по пляжу прогуливался дракон. Небольшой, двуцветный: сверху чёрный, а снизу тёмно-серый. Он что-то вынюхивал между камнями, вскакивал на скальные обломки и пугал чабк, злобно оравших на него, или приближался к самой линии прибоя, чтобы тут же убежать от набегающей волны.

— Драга... Он какой-то маленький, — прошептал Альваид, передавая трубу Выверону.

— В завещании размеры не оговорены. Тебе хочется подраться с большим?

Выверон поддержал Альваида:

— Но это же ещё ребёнок! Смотри, он играет. Даже и не думай, я ребёнка убивать не собираюсь!

Драгон порядком подрастерял уверенность в себе. Метод, который он избрал, то есть «наметь цель и иди вперёд, не думая слишком много», перестал казаться верным даже ему самому.

— Видно, твои игрушки у тебя совсем разум отняли, — пробормотал Драгон, прикрывая глаза ладонью и разглядывая дракона. И тут он увидел нечто такое, отчего волосы на голове встали дыбом и он застонал в голос.

— Господень Молот! — Выверон то же самое увидел в трубу: светлую шевелюру их младшего брата, беззаботно шагавшего им навстречу вдоль берега океана прямо на резвящегося дракона. Вероятнее всего, Целлофан снова витал в облаках и не видел приближавшейся опасности.

Драгон схватил мушкет и побежал на помощь брату, даже не задумавшись, что он, собственно, делает. Альваид, побледнев от страха, двинулся за ним со своей аркебузой.

«Захотелось нам драконов — так пожалуйста! Целлофан, какой же ты идиот!» — подумал Выверон, пускаясь за ними следом, вооружённый одним только тесаком.

Разнежившийся Целлофан (ах, как чудесны солнечные блики на волнах!) заметил дракона только тогда, когда уже поздно было поворачивать вспять или удирать. Правда, он ещё мог бы попытаться спастись в волнах — драконы не очень любили *водную стихию*, — если бы грозное чудовище не стояло как раз между ним и океаном. Собственно говоря, дракон совсем не выглядел угрожающим. Сидел себе на камушке и с любопытством разглядывал юношу, смешно наклоняя голову и шевеля одним ухом. Он слегка напоминал игрушку, давным-давно полученную Целлофаном на день рождения.

— Привет тебе. Сухого места для сна и хорошей охоты, — вежливо обратился к нему Целлофан на языке ленгоре.

Дракон облизал свой нос, что было признаком легкого замешательства.

— Привет, — отозвался он почти сразу.

Дело шло на лад. Отец Целлофана говорил, что, если не знаешь, что делать с драконом, надо попытаться его заболтать. Новых знакомых не принято съедать...

— Что это? — с любопытством спросил дракон, не сводя глаз с инструмента, который парень всюду таскал за собой, перевесив через плечо на ремне.

— Это лютия, на ней музыку творят, — просветил собеседника музыкант, а потом попросту уселся рядом на камешке, проверил, не ослабли ли струны, и заиграл.

— Что он делает? — выдавил из себя изумлённый Выверон.

Только прошлой ночью снился ему голубой плюшевый дракончик, который ходил за ним по пятам, с укором смотрел в глаза и спрашивал: «Почему ты меня не любишь?» Теперь, когда они втроём присели, укрываясь за кустами, и с недоверием смотрели на выступление Целлофана, Выверону на мгновение показалось, что он видит очередной глупый сон. Первым пришёл в себя самый старший охотник. Поскольку братцу временно не грозило быть съеденным, Драгон решил вернуться к первоначальному плану.

— Ладно! — шепнул Драгон, решительно берясь за оружие. — Пока этот пиликальщик развлекает наше наследство, надо воспользоваться удачей.

Но прежде чем он успел прицелиться, Альваид дёрнул его за рукав.

— Подожди, вон второй!

У Драгона даже лицо вытянулось. И в самом деле, из-за скалы выставил любопытную морду очередной дракон, не прошло и минуты, как он легко спорхнул вниз и занял место рядом с первым. Он был больше и светлее — седой, как дым, с белыми лапами. А Целлофан только кивнул прибывшему и продолжил петь свою песенку о ромашках. Через пять минут количество слушателей увеличилось: появился рыжий, как белка, зато огромный, как конь, дракон, а сразу после него пожаловал белый, как молоко, — только на носу тёмные пятнышки, точно он чихнул прямо в чернильницу.

— Я понимаю, что Каменный Бог решил сделать нам сюрприз и продемонстрировал всё разнообразие предлагаемых драконов этого региона, только с меня хватит и одного, — в бешенстве процедил Драгон сквозь зубы. — ОДНОГО, разрази его гром!

Ему ничего не пришлось объяснять братьям, те и сами поняли, что охота окончена прежде, чем успела толком начаться. Если бы они теперь попытались ранить кого-то из драконов, даже самого маленького, остальные набросились бы на них всем стадом, и навряд ли тогда от братьев остались бы даже пресловутые рожки да ножки.

— Хм... Неужели они нас даже не чувствуют? Не слышат? — задумался Альваид.

— Ветер с океана, а шум волн всё перекрывает. Может, они нас не заметили, а может, просто-напросто не придают значения нашему присутствию. Похоже, тут никто и никогда в них не стрелял, — ответил Выверон.

— Что делать будем?

— Подождём, — хмуро ответил Драгон. Он сел, опершись спиной о камень, и демонстративно скрестил руки на груди.

Концерт продолжался добрых два часа. Целлофан музицировал без устали. Редко, собственно никогда ещё, не попадалась ему столь благодарная публика, относившаяся к искусству с должным уважением (хотя «искусство» это писалось бы с довольно маленького «и»). Ничего удивительного, что он чувствовал себя точно на седьмом небе. Драконы, а число их возросло до восьми, после каждой мелодии или песенки издавали восторженное урчание и попискивание, требуя продолжения. Выступление закончилось, только когда певец охрип и начал слишком часто чихать. Крылатый рыжик, видимо слегка знакомый с людскими обычаями, решил, что артисту надо заплатить, и вручил ему убитую чайку.

Смертельно скучавший Драгон растолкал братьев, которые успели задремать, свернувшись клубочками на разогретой солнцем гальке. Драконы один за другим разлетелись, а Целлофан прогулочным шагом направлялся в сторону братьев, с лютней на плече и дохлой птицей в руке, лохматый и счастливый.

— Видели? Им понравилось! — закричал он при виде братьев. Взгляд у него блуждал, он улыбался во весь рот, как человек, злоупотребляющий веселящей травкой.

— У тебя удачи больше, чем разума, — буркнул Драгон. — Надо было держаться рядом с нами. Зачем тебе эта падаля? Выкини.

Целлофан посмотрел на чайку, которую тащил, ухватив за крылья.

— Не хочу.

— Ради неба, что ты хочешь делать с дохлой чайкой?!

— Бульон.

Драгон вышел из себя. Вырвал у брата птицу и, размахнувшись, зашвырнул в океан. Раздался громкий всплеск.

— Эй! Это была моя чайка! Ты своё выкидывай! — возмущённо закричал Целлофан и чихнул.

— Успокойся. Драга тебе должен бульончик. Я прослежу, чтоб он тебе его купил, — постарался смягчить ссору Альваид. — Жаль, что охота не удалась.

— Интересно, чья это вина, — буркнул Драгон.

— Наверняка не моя! А у тебя повышенный уровень требований! — с горечью отвечал Целлофан, идя по каменистому пляжу рядом с Альваидом. — Я бы даже согласился тут жить, играл бы для драконов и питался чайками. А вот тебе всё мало. Жаль, что я не могу наколдовать тебе этого поганого дракона. Может, ты подавился бы им наконец и перестал мне действовать на нервы.

Лица средних представителей потомства драконера довольно явственно выражали одобрение и согласие со словами самого младшего, но почему-то они так и не отважились сказать об этом во весь голос. Целлофан с трубным звуком высморкался в платок.

Драгон остановился так внезапно, что Альваид, шедший сзади, налетел на него.

— А-а-а! — взревел Драгон.

— Прости! — восторженно вскрикнул Альваид, но Драгон обернулся к нему, демонстрируя сияющее лицо.

— А! — снова воскликнул он, указывая пальцем на обеспокоенного музыканта. — Отменяю всё плохое, что я о тебе говорил! Целя, ты гений!

— Ну знаю... — проворчал Целлофан растерянно. — Только вот критики ничего не понимают в современной музыке...

— Магия! Мы же в Ленгорхии, здесь магов полно, плюнуть некуда! — вопил Драгон, восторженно размахивая руками. — Мы просто пойдём к какому-нибудь магу, и он нам наколдует дракона, уже дохлого, разумеется. Даже если это будет дорого, всё равно оно того стоит, потратим двести-триста крон, а приобретем десять тысяч!

Лица братьев прояснились, на злосчастных наследников снизошло великое облегчение. В кромешной тьме блеснул огонёк надежды! Они больше не будут бессмысленно блуждать по продуваемому всеми ветрами берегу, вернуться в более цивилизованные места, и наконец можно будет поесть нормально в хорошей корчме.

— И даже курс обмена крон на ленгорханские таланты вполне приемлемый! — с удовлетворением заметил Альваид.

Постоялый двор, где они остановились, не поражал изяществом и элегантностью, как подобные места в Ленении, но комнаты были чистые, еда приличная, а воду в пиво подливали весьма умеренно. И для четырёх путешественников, которые много унылых ночей подряд провели на возу или на попоне под навесом, комната в заезжем доме — с дверьми и кроватями! — казалась просто роскошной. Местные без особого почтения относились к светловолосым нортландцам или жителям Огоранта, но и топором им никто не грозил, так что гостям не на что было жаловаться. Но вот найти подходящего мага оказалось нелегко. Да что там, вообще хоть какого-то мага! С тех пор как ношение голубого шарфа — отличительная черта профессии мага — перестало быть модным, трудно стало отличить мага от немага. Ведь не могли же они ходить от одного прохожего к другому и приставать с вопросом: «Простите великодушно, а вы случайно не чародей?» Да и деревенька Завязайка, что над речкой Фонталой прилепилась, далеко не мегаполис. Что тут делать людям, которые зарабатывают на жизнь волшебством и чтением мыслей, превращают свинец в золото, разговаривают с животными? Ясно же, что такие держатся поближе к городам, где и заработки побольше, и жизнь интереснее. Альваид, который немного поездил по Ленгорхии и приобрёл некоторый опыт, велел братьям выглядывать голубые значки на дверях и вывесках или искать голубые ленточки, развевающиеся под козырьками крыш: маги и волшебники именно таким образом оповещали о себе. К сожалению, поиски не дали ожидаемых результатов. Всё говорило о том, что придётся им всей четвёркой двинуться дальше на юг.

Но, к их великому изумлению, трактирщик, у которого они спросили, есть ли в округе хоть какой-нибудь маг, просто ткнул пальцем в дальний угол столового покоя:

— А вон там один сидит.

Правда, тон у него был не слишком приветливый. Может, у трактирщика имелись

какие-то особые претензии к Кругу Магов, а может, его попросту раздражал субъект, с раннего утра братавшийся с бутылкой, отпугивая других гостей. И только тут нортландцы заметили, что вокруг того человека довольно много свободного места, а ближайшие к нему столы пусты, точно посетители инстинктивно чувствовали: с этим типом не всё в порядке.

— Думаешь, с ним рискованно иметь дело? — спросил Драгон, украдкой наблюдая за магом.

Мужчина выглядел совершенно обыкновенно: среднего роста, темноволосый, с короткой бородкой, одет не богато, но и не бедно — таких сотни можно встретить на улицах местечка, и лицо прохожего даже на мгновение не задержится в памяти.

— Кажется, он не опасен, а то бы все отсюда разбежались. Как-нибудь договоримся с ним, — решил Альваид, хоть и не слишком уверенно. Магов он до сих пор видел только издали и, честно говоря, предпочёл бы вообще никогда не иметь с ними ничего общего. — Двум смертям не бывать, идём.

Знакомство с магом прошло как по маслу. Достаточно было поставить перед ним непочатую бутылку водки — а уж нагрузку к ней в виде четырёх молодых парней маг принял без возражений. Правда, вполне возможно, маг уже видел не четырёх, а восьмерых. Быстро выяснилось, что чародей заливает спиртным какое-то страшное личное несчастье и достичь с ним взаимопонимания весьма затруднительно.

— Ну и шо... шо с того, шо я м-маг... — ответил он на вопрос о своей профессии — И ш-шо? Бросила меня! Как пса подзаборного... — Он жалостно захныкал. — Не слишком хорош тля неё... и пшла дифка с трухим... Бабы фсе потлые, подлые... Нато выпить...

Вскоре пьяный маг, опрокидывая очередной стаканчик, слишком сильно откинулся назад и рухнул на пол; скорее всего, сознание он окончательно потерял ещё в полёте. Драгон воспользовался случаем и распахнул на бедолаге рубаху, чтобы проверить, есть ли у него на груди вытатуированный знак Круга.

— Хм, а мне-то казалось, что маги более... почтенные, что ли... — сказал Целлофан, с интересом приглядываясь к жертве несчастной любви. — Но чтоб девушка предпочла магу кого-то другого — это вообще странно.

— Понимаешь, это была плохая девушка.

— О, а может, я напишу об этом песенку? — обрадовался музыкант.

Его братья дружно застонали.

Маг по имени Немуй краешком сознания отметил, что лежит он на чём-то твёрдом, во рту явный привкус старой половой тряпки (хотя его опыт по жеванию тряпок был ничтожным), свет невыносимо режет глаза и кто-то определённо слишком громко обращается к нему. Всё это вместе явно не шло на пользу его мигрени.

— Уже почти полдень. Вам лучше бы проснуться.

Немуй сделал слабую попытку как-то соотнести этот голос с каким-нибудь знакомым лицом... Бесполезно.

— Мм?... — отозвался он, не открывая глаз.

— Встанешь? — Это вмешался уже кто-то другой.

— Мм...

— Надо понимать, вы любите спать на полу?

— Гм...

— Беседа с ним действует на удивление благотворно.

Маг почувствовал, как кто-то бесцеремонно хватил его за грудки и усадил, прислонив спиной стене. Это движение немедленно вызвало у страдальца что-то вроде миниатюрного взрыва с эпицентром где-то позади глаз.

— Воды... — выдавил он из себя, пытаясь приподнять одно веко, и тут же, ослепленный, снова закрыл глаз: свет, на его вкус, оказался слишком резким.

Кто-то поднёс стакан к его губам, маг сделал несколько глотков, потом честно предупредил:

— Ща вырву.

Общий вздох.

— Ребята, подставьте ведро.

Только выпив клина, которым клин вышибают, потом рассола, а потом ещё раз клина и рассола, Немуй смог воспроизвести что-то помимо стонов. Он уже более осознанно огляделся по сторонам. Четверо людей, три светлые головы и одна тёмная, четыре пары голубых глаз, уставившихся на него.

— Мы вчера вместе пили? — осторожно спросил маг.

— Да.

— Нет.

— Да!

— Немного...

— Решите что-нибудь, господа, — попросил он бречённо, снова усаживаясь на пол. Тут он почему-то чувствовал себя увереннее, чем на табурете: этот предмет мебели казался магу невероятно высоким и он боялся с него упасть.

Темноволосый был самым старшим, держался довольно уверенно и выглядел предводителем.

— Нам нужен дракон, — прямо сообщил он. И, помолчав, добавил: — Мертвый.

— Сойдёт и небольшой, — вмешался молоденький блондинчик с лютней, на вид лет восемнадцати.

— Мы так полагаем, что господин маг мог бы нам его наколдовать. Не даром, разумеется.

Немуй некоторое время честно пытался переварить все эти откровения, а потом демонстративно похлопал себя по карманам.

— Драконов не имеется.

— Я серьёзно говорю! — возмутился темноволосый.

— Дракон может быть даже не совсем настоящий, — снова вмешался самый младший паренёк. — Искусственный какой-нибудь, лишь бы выглядел как настоящий.

— Для этого нам и нужен маг, — уточнил один из старших.

— Но почему именно я? — Разум мага ещё не вполне справлялся с жизненными проблемами.

Он чётко понимал, что всё идёт как-то не совсем правильно. От него требуют сделать то, что он не в состоянии сотворить, вот только достойным образом объяснить это маг ещё не мог.

— Вы маг? Колдовать умеете? Так наколдуйте нам дракона. Что ж тут трудного?

— Дракон.

— Четыре лапы, башка и хвост — что такого мудрёного в драконе?! — Темноволосый уже начинал злиться.

В конце концов мозг Немуй со скрипом зашевелился.

— Так ведь я Мастер Ветров, — разъяснил наконец маг с лёгкой обидой в голосе. — Я занимаюсь погодой, а не драконами! Могу вам молнию наколдовать. Я очень хорошие молнии делаю, — заманчиво добавил он.

Его собеседник закрыл лицо ладонями и глухо бросил:

— Я. Покончу. С собой.

Немуй был заинтригован. Драгон, Альваид, Выверон и Целлофан — ради Вечного Круга, да что за имена такие! — поведали ему свою историю, правда, несколько беспорядочно, прерывая друг друга, но стало совершенно ясно, что им и в самом деле очень, ну просто очень нужен маг. Разумеется, не первый попавшийся, не Наблюдатель, не Говорящий и уж точно не страдающий от похмелья специалист по погоде. Немуй прекрасно понимал, что если теперь оставит на произвол судьбы этих отчаявшихся искателей затерявшегося дракона, то никогда уже не узнает окончания их безумной истории и даже

через двадцать лет будет мучиться сомнениями, удалась ли им их задумка — это во-первых. Во-вторых, помочь братьям Пол-Моране было бы несомненно гораздо более разумным (и полезным для здоровья), чем продолжать беспросветно пить в глухой дыре над Фонталой. А в-третьих, он давно не навещал своего старого приятеля и однокашника, Творителя по имени Орех. Можно будет повспоминать былые времена, раздавить бутылочку и на два голоса расчихвостить эту ведьму Магнолию, которая бросила Немуя ради торговца кореньями, ненасытная, жадная девка. А при случае Орех займётся и проблемами нортландцев.

Честно говоря, братья представляли себе магов совсем по-другому. Немуй мог ещё сойти за исключение, но уж солидный Творитель, властелин материи, обладающий почти божественным могуществом, ибо в состоянии создавать нечто из ничего, должен был быть гордой и величественной личностью, иметь нахмуренный лоб и глаза, устремленные в сверхъестественные сущности. Маги не должны иметь ничего общего с чайком и малиновым вареньем!

Череп, пыльные фолианты, чучела крокодилов и реторты с булькающей таинственной субстанцией — сколько угодно! Но не чаёк, печенье или коллекция пухленьких фарфоровых ребятишек на полочке — об этом и речи быть не могло!

Творитель Орех проследил за расстроенными взглядами Драгона, который так и стрелял глазами по-над своей чашкой.

— Миленькие, не правда ли? Жена их там поставила. Кажется, этим она хочет мне что-то сказать, — пояснил он с улыбкой. — Дракон? Ленгорханский? Не какой-нибудь там чешуйчатый псевдракон-ящерица? — беззаботно продолжал Орех. — Нет вопросов. Через три дня будет готов.

— А цена какая? — Драгон, как всегда, был практичен.

Творитель поднял глаза к бревенчатому потолку, подсчитывая в уме.

— Ну около пятисот талантов. Альваид закашлялся и чуть не подавился от неожиданности; последовала быстрая спасательная операция.

— Так ведь это почти тысяча крон! — вскрикнул он, когда наконец откашлялся. В самом кошмарном сне он и представить себе не мог, что драконьи останки могут оказаться такими дорогими. — Дешевле бы обошлось попросту подстрелить настоящего!

— Я тоже так думаю, — согласился Орех, подливая себе чаю из чайничка. — Но ведь это вы уже пробовали, верно?

— Пятьсот талантов — это слишком дорого! — твёрдо заявил Драгон.

Творитель начинал сердиться. И многозначительно посмотрел на Мастера Ветров.

«Кого ты мне привел, Немуй?» — мысленно обратился он к приятелю. Немуй слегка пожал плечами. Разве можно ожидать от приезжего из Нортланда, что он разбирается в сложностях магических профессий? Даже соотечественники Немуя иногда достигали вершин невежества, так что спрашивать с северян?

— Вы явно не представляете себе, как это трудно! А какое множество материи мне придётся преобразить и сколько эта падаля займет места! Труп дракона в садике... Да жена меня просто удушит за это! — раздражённо отозвался Орех. — Пятьсот талантов — совершенно справедливая цена.

— А дракон поменьше был бы дешевле? — поинтересовался до сих пор молчавший Целлофан, извлекая из своей лютни протяжное «донг». В последнее время он, похоже, присвоил себе монополию на неожиданные вопросы.

Только через несколько мгновений Творитель осторожно ответил:

— Возможно, тогда я мог бы уступить в цене, но заказ не из простых, органическая материя, да и сама формовка сколько сил берёт...

— Вот зараза! — Выверон вскочил с места. — О чём мы тут болтаем? На фиг нам сдался целый дракон! Люди добрые, нам же только его башка нужна! Похоже, на нас какое-то затмение нашло! Одна драконья голова, вот такая. — Он обернулся к магу, показывая руками размер. — Только выглядеть она должна очень реалистично.

— Что ж, это звучит гораздо разумнее, — согласился Творитель. — Сто талантов у вас, верно, найдётся? — с лёгкой издёвкой бросил он Драгону.

— Двести крон сойдёт. — Нортландец протянул магу руку, чтобы скрепить договор.

Драконья голова и в самом деле выглядела весьма впечатляюще. Она лежала на столе, в полуоткрытой пасти виднелся мясистый язык и ряд огромных и острых, как ножи, зубов. Над губами торчали чувствительные волоски — вибрисы, остроконечные уши украшала сеточка мелких красноватых жилок. Алые глаза, слегка затуманившиеся, казалось, взирали с неммым укором. Без предупреждения каждый бы принял её за настоящую, тем более что на затылке Орех даже с излишним реализмом сотворил лоскуты мяса и кусочек позвоночника. И теперь усталый, но очень довольный собой демонстрировал результаты своих трудов.

— Ох... — вымолвил Альваид, остолбенев.

— Ох... — повторил Целлофан, точно эхо.

— Производит впечатление, правда? — с удовлетворением заявил Орех. Заказ был необычный и трудный, но по крайней мере гораздо более интересный и дерзкий, чем заурядные проблемы, с которыми обыкновенно приходили клиенты... Воссоздавать старинную вазу — память о прабабке — из горы черепков было так скучно, что он не раз засыпал во время работы.

— Цвет, — мрачно возвестил Драгон.

Его братья молча стояли за его спиной, как бы слегка пришибленные или испуганные.

— Цвет?

— Цвет не соответствует. Я забыл сказать, что он должен быть чёрным, а не коричневым, — пояснил Драгон смущённо и озабоченно.

Несколько мгновений стояла тишина. Творитель вдруг стал похож на малиновый от перегрева паровой котел, который вот-вот взорвётся.

— ПРОЧЬ! ВОН С ГЛАЗ МОИХ! — заорал он.

Четвёрке незадачливых драконоборцев дважды повторять не нужно было, поскольку воздух в комнате уже задрожал от магии, а потолок и пол вибрировали всё сильнее и сильнее. Пребывание в одном помещении с взбешённым магом было вполне приемлемым только для любителей экстремального спорта или самоубийц. Толкаясь и отпихивая друг друга, братья поспешно ретировались из мастерской мага в садик. Правда, Драгон не успел захлопнуть дверь и не смог избежать столкновения с вылетевшей ему вслед драконьей головой.

— Как, по-вашему, комиссия зачтёт коричневого? — спросил Выверон, склоняясь над головой, которая весьма живописно возлежала посреди клубничных кустиков. — Надо бы ему заплатить, правда? Ведь, в конце концов, это наша вина, что мы не указали цвет. А, Драга?

— Не знаю! — простонал Драгон, растирая плечо. — Я уже ничего не знаю. Я лично возвращаюсь домой и приступаю к проектированию хлевов. Простые конструкции, нетребовательные клиенты...

— Ну да, мне ещё не доводилось слышать, чтоб свинки жаловались на архитектурные недостатки.

Двери мастерской приоткрылись, и показался в них Мастер Ветров, от смеха едва державшийся на ногах. Качаясь от хохота, точно безумец, он подошёл к расстроенному архитектору и протянул ему небольшую коробочку.

— Что это? — недоверчиво спросил Драгон.

— Это... это... ха-ха-ха... и-и-и-и... — Немуй размахивал руками, пытаясь успокоиться. Потом уселся на ступеньку и продолжил безуспешную борьбу с приступом веселья.

Драгон осторожно приподнял крышечку и заглянул внутрь. Коробочка была наполнена какой-то чёрной мазью.

— Что это? — Альваид заглянул ему через плечо. Драгон осторожно понюхал мазь.

— Это... кажется, это вакса для ботинок, — произнёс он с удивлением.

Глянул ещё раз на чёрную ваксу, потом на голову дракона на грядке (коричневую) и решительно протянул коробочку Целлофану.

— Целек, ну-ка начисть эту дрянь!

— О нет! — Целлофан отступил на шаг и даже спрятал руки за спиной. — Я не позволю использовать меня только потому, что я тут самый младший. А кроме того, У МЕНЯ АЛЛЕРГИЯ НА ШЕРСТЬ!

Альваид наверняка полагал, что он единственный из братьев, кому досталось нормальное имя. Бедняга не знал, что в ином свете и иной действительности Альваид — это крупная звезда в созвездии Дракона.

Щенок

День первый

Господствует всеобщее убеждение, что на Местные Отделы Драконизации (сокращенно МОД) работают горячие головы, пылкие юные энтузиасты, которым трудно усидеть на одном месте, всякого рода бандиты, сыновья седьмых сыновей или даже ещё более мрачные личности. В то время как сами драконеры убеждены, что нет ничего лучше, чем нудное рутинное патрулирование, когда абсолютно ничего не происходит, после него так приятно вернуться на участок и спокойно выпить перцового чаю. Как известно, перцовый чай — это напиток настоящих мужчин, которые, как поётся в народной песенке, «и дракона поймут, и в морду дадут», только обычно им этого просто не хочется.

Участок МОДа в Ломнице не был исключением.

Госпожа Пумпарак обвела взглядом помещение, проверяя, всё ли в порядке. Когда-то её называли Безжалостной Луаной, теперь же драконерская команда почтительно обращалась к ней «госпожа капитан». Разумеется, кроме тех драконеров, которые называли её мамой.

Осмотр прошёл благополучно: демонстрационные схемы, представлявшие различные виды драконообразных и многочисленных псевдодраконов, ровненько висели на стенах, а чучела голов зомбака, пофрунок (лесной и поморской), а также выверна короткоротого были старательно очищены от пыли, как и надраенный образчик старинной двудульной пищали в витрине. Местная молва утверждала, что это оружие в старые времена принадлежало некоему князю, а может, даже королю и подарено было местным драконерам после удачной охоты в ломнийских борах.

Безжалостная Луана с одобрением хмыкнула, кивнув головой сыну, полировавшему в углу служебную саблю. Другой её сын в настоящее время находился в патруле, а невестка производила учёт на складе, подсчитывая драконерские сапоги, рукавицы, каски, арбалетные тетивы и тому подобные вещи. Всё было в должном порядке, как и следует быть. Госпожа капитан потянулась к стопке «текущих дел» и взяла лежавшее сверху письмо. Сломав печать, она поднесла к глазам увеличительное стекло и просмотрела текст. Морщинка между её бровями стала глубже.

— Лин, нам присылают практиканта, — с раздражением сказала Луана. — Что за невезение. Я уже восемь своих вынянчила, и теперь мне совсем не улыбается ещё и с чужими возиться!

— А ведь ты только что избавилась от последнего, — буркнул Лин из своего угла.

— Это был несчастный случай! — с нажимом возразила госпожа капитан.

— Мама, сделать ребёнка дочке бургомистра — это ты называешь несчастным случаем?

— А как бы ты это назвал? Умышленным действием?

— Мам, но ведь это ты их познакомила на благотворительном пикнике, правда? — не сдавался драконер. — И очень постаралась, чтобы они пришли друг другу по вкусу. Это

попадает под определение «действия в ущерб ответчику». С заранее обдуманном намерением.

Госпожа Пумпарак поджала губы и молча вознесла очи горе. Линус Пумпарак счёл за лучшее сменить тему разговора прежде, чем его в качестве наказания загонят чинить сеть для пофрунок. Мать становилась весьма раздражительной, когда шёл дождь и её израненная много лет назад нога напоминала о себе застарелой болью.

— Так когда появится этот новенький?

Безжалостная Луана неодобрительно шмыгнула носом, глядя на дату.

— Похоже, что сегодня.

День первый, десятью минутами позднее

Вортаро Ней был уверен в себе. Очень уверен. По крайней мере таким старался быть. Всю дорогу до Ломницы он по очереди повторял про себя — точно литанию Святому Молоту — полученные на экзаменах оценки и отрывки из учебника «Теоретическая драконология в четырнадцати разделах, изложенная в доступной форме, с двадцатью цветными гравюрами», принадлежавшего перу Фазеола Вамтеско. Если уж говорить совсем точно, господину Нею было очень и очень нехорошо, и он только надеялся, что это следствие немилосердной тряски в дилижансе, а не волнения. Разрази его гром, он же был лучшим на курсе! Ну ладно, допустим, вторым, но так или иначе, а это должно всё-таки иметь значение!

Ломница в глазах того, кто учился в столице, представляла образцом провинциализма: рыночек, вымощенный брусчаткой, на который возница вывернул с убийственной для внутренностей пассажиров фантазией, один постоялый двор, несколько прилавков с овощами и рыбами под полотняными навесами; насколько видит глаз — домики низенькие, не выше двух этажей. Вот сапожник... а тут вывеска портного, который заодно и шляпник. Но Вортаро знал из уроков географии, что именно Ломница лежит на границе с областями, где отмечается самый высокий уровень скопления разных видов драконообразных, и этот маленький городок вполне можно считать воротами в драконье королевство. Работу в Ломнице получали только самые лучшие драконеры, на практику туда отправляли наилучших студентов (или вторых по очереди, если первые ломали себе руку как раз перед выездом). Практикант спустился по лесенке с дилижанса и огляделся вокруг — это место в течение ближайшего года будет его домом. Или чем-то вроде дома. Суррогатом. Пересыльным пунктом. Пеклом... Было пасмурно, моросило, а городок не производил особенно приятного впечатления. Ней вздохнул, ссутулившись. Какой-то неосторожный торопливый прохожий на ходу задел его и буркнул что-то о бездельниках, мешающих пройти. Вортаро решил взять себя в руки.

«Я был самым лучшим на курсе. Почти самым лучшим. Я из Кодау, разбираюсь в драконах. Так неужели я не справлюсь?!»

По мере того как он произносил про себя эти утешительные слова, его спина выпрямлялась, а подбородок гордо задирался вверх. Перед постоялым двором красовался столбик, увенчанный крылышками указателей: «Ратуша», «Лекарь», «Баня»; один из указателей вежливо сообщал: «МОД», а под этой надписью кто-то ещё более вежливый ножиком вырезал неграмотное «К драконом». Драконерскому практиканту не осталось ничего иного, как взять свой багаж и поплестись в указанном направлении, рассекая лужи.

Он безошибочно добрался до места. Вывеска над дверью сомнений не оставляла, а на тот случай, если б кто не знал, что означают огромные буквы «МОД», рядом помещено было ещё более впечатляющее изображение драконьей головы. «Почти лучший на курсе» с первого взгляда опознал косматую морду ленгорханского подлинного дракона. Дождь припустил сильнее. Вортаро взглянул на блестящую латунную ручку двери, и снова им овладел приступ кошмарной паники. Честно говоря, охотнее всего он тут же развернулся бы на сто восемьдесят градусов и с поджатым хвостом удрал обратно на станцию дилижансов, чтобы вернуться в Кодау. Кодау, где была цивилизация, зато *не было* высоких, как дубы,

мужчин в пропотелых кожаных куртках, бросающих непонятные замечания на тайном языке драконеров и сплевывающих зелёную от пережёвывания дихи слюну. Наверняка за этой дверью поджидает целая армия неприятных типов с бычьими шеями, которые к *новенькому* относятся как к чему-то вроде говорящего половичка. Или молокососа, который, много лет назад заполняя анкету для поступления на драконологическое отделение, наивно вписал «люблю драконов». С этой перспективы Кодау явно приобретал новые милые черты. Но на дракона там можно было полюбоваться только в зоосаде. И это склоняло весы в пользу Ломницы.

— Ну нет, держи себя в руках. Это ж, в конце концов, только практика, — пробормотал Вортаро, решительно поднимаясь по лестнице.

Но, не успев дотронуться до ручки, он поскользнулся на мокрой ступеньке, врезался головой в дверь и буквально влетел внутрь, в последнюю секунду только успев вцепиться в косяк, что спасло несчастного юношу от окончательной компрометации. Правда, он довольно неловко завис в дверях, но по крайней мере не растянулся на полу. Тяжело дыша, он внутренне скорчился в ожидании громового хохота и насмешек, однако в дежурке царила тишина. За большим столом, заваленным бумагами, сидела какая-то старушка, рядом с ней стоял крепкий мускулистый драконер с саблей в одной руке и тряпкой в другой. Оба внимательно приглядывались к неожиданному гостю.

День первый, четыремь минутами раньше

Госпожа капитан выглянула в окно, потом поманила пальцем сына и многозначительно махнула рукой.

— Вот, помянули волка, — буркнула она.

Линус Пумпарак тоже выглянул в окно.

— Какой там волк! Мам, он похож на бездомного щенка. Жалкое зрелище.

— Под дождём каждый выглядит жалко. А может, это клиент? — понадеялась старая драконерша.

Линус покачал головой. Паренёк всё ещё тупо и отчаянно разглядывал дверь участка, обгрызая себе ногти. Среднего роста, даже в толстом дорожном плаще он выглядел довольно худым и каким-то невзрачным.

— А нам придётся из этого материала делать настоящего мужчину, — вздохнула Безжалостная Луана.

— А у бургомистра остался только сын... — печально добавил драконер.

— ЛИНУС!

— Разве я что плохое имею в виду?

В конце концов кандидат в настоящие мужчины решился войти. Снаружи раздался грохот, как будто кто-то всей тяжестью ударился в дверь, она распахнулась, и пришедший чуть ли не влетел в помещение головой вперёд. На мгновение все трое замерли, изображая живую картину под названием «Неудачное появление», потом, однако, чары рассеялись. Новичок обрёл равновесие, оценил ситуацию, тремя широкими шагами приблизился к Линусу и, встав по стойке «смирно», выдал из себя:

— Господин капитан, практикант Ней прибыл с целью... отработки практики!

Глаза у него были слегка вытаращены и полны страха, драконер даже пожалел новичка. Какой-то нервный малый, трудно ему придётся.

— Я Пумпарак, сержант, — объяснил он доброжелательно.

Практикант Ней слегка расслабился.

— Я должен был явиться к капитану Шарику, господин сержант...

— К кому?! — вырвалось у Линуса, а его мать приглядывалась к новичку так, точно оценивала размеры приبلудного таракана.

— Опять он это сделал, — ледяным тоном произнесла она.

Практикант побледнел:

— Я...

— Не ты! Линус, объясни парню.

Сержант откашлялся:

— Практикант Ней, слушать и запоминать, дважды повторять не буду. Это, — палец драконера указывал на седовласую даму, сидевшую рядом, — госпожа Пумпарак, или Безжалостная Луана, для тебя — госпожа капитан Пумпарак, в ближайшие месяцы ты будешь уважать её больше родной матери и чтить сильнее, чем своего бога, потому как именно госпожа капитан, а не бог, решает, когда ты получишь есть и получишь ли вообще.

Вортаро Ней побледнел ещё сильнее, если это вообще было возможно, тревожно переводя взгляд с сержанта на госпожу капитана.

— Слышал когда-нибудь о Безжалостной Луане?

— Безжалостная Луана, первая женщина-драконер, которая поступила в академию на драконологическое отделение, — быстро процитировал практикант. — И окончила его с высшими оценками. Прозвище Безжалостная заслужила после расправы с бандой браконьеров... — Голос парня ослабел.

— Одного я сама кастрировала, — с удовлетворением пояснила госпожа капитан. — Топориком.

Опираясь на трость, она подошла к стене справа от входа. Хромала драконерша довольно сильно, но, несмотря на пожилой возраст, двигалась очень живо.

— А что касается капитана Шарика... — она слегка приподняла трость, — то такового не существует. Во всяком случае, не в качестве капитана, чего нет — того нет. Желторот он ещё для этого поста. Ректор Тохо посылает сюда детишек и велит явиться к Шарик. Видимо, полагает, что это *смешно*. — Слово «смешно» она выговорила, брюзгливо скривив губы. Потом постучала в деревянную оконную раму, которая — ни к селу ни к городу — находилась точно посреди стены.

— Капрал! Изволь-ка сюда!

Ответа не последовало, и тогда госпожа капитан заколотила окованным металлом концом своей трости по дереву, которое отозвалось глухим эхом, точно пустая бочка.

Позже, когда Вортаро рассказывал о том, что произошло, он называл это «самой большой неожиданностью в моей жизни» и затем обычно добавлял: «А весила она около ста литов».

Одна створка рамы резко распахнулась от могучего толчка, и в помещение просунулась огромная косматая голова. Тело животного по-прежнему находилось за стеной.

— Чего?!

— Капрал Шарик... — начала Безжалостная Луана.

Больше она ничего не успела сказать. У практиканта Нея при виде приближающейся зубастой пасти не выдержали нервы, он вскрикнул и вмазал чудовищу в нос своей сумкой. А сумка была довольно тяжелой.

День первый, немного позднее

Несчастный Вортаро сидел в уголке на табурете, стараясь занимать как можно меньше места и не слишком бросаться в глаза. Он всего ожидал, предвидел самые разнообразные трудности и неприятности и с не большим оптимизмом относился к предстоящему пребыванию в ломницком МОДе, но это уже был явный перегиб! Дракон в чине капрала! Дракон, который как раз ругался на чём свет стоит, скандалил и требовал внимания к своей особе и холодных компрессов на нос. Одно движение — и вот вам *бывший* практикант Ней бесславно отослан домой. Несмотря на великолепные результаты экзаменов по драконьей анатомии и экспериментальному разведению пофрунки миниатюрной. И ни к чему оказалось знание того, что врезал он по морде взрослому самцу ленгорханина подлинного (в отличие от ленгорханина горного, который меньше размером и менее интересен).

Разозлённая, как оса, госпожа капитан гневно фыркнула, что с неё довольно этих ребячеств, и исчезла за дверью, которая явно вела во внутренние помещения, а сержант всё ещё препирался с рассерженным драконом.

— Тоже мне большая беда! Да регенерируй ты свой нос — и вся недолга! Ты дракон или кто?

— Я страдающий дракон! — с обидой рыкнул Шарик. — Она специально это делает! Натравливает их на меня!

Обвинение было настолько необычным, что Вортаро даже забыл ненадолго о собственных неприятностях, мучимый острым любопытством.

— Кого натравливает? — невольно вырвалось у него.

— Студентов! — пояснил возмущённый дракон. — Каждый раз одно и то же. Она меня зовёт, я выглядываю, и тут начинается цирк. Эти юнцы вопят, теряют сознание, удирают в окно, срывая рамы... Один даже ножом меня ткнул! Можно подумать, что я какое-то чудовище!

Вортаро удалось выдать из себя слабый вздох:

— Ой...

— Мне следует назначить дополнительную оплату за трудные условия работы, — весьма решительно заявил косматый капрал.

— Значит, меня не прогонят? — осторожно спросил Вортаро, сглатывая слюну.

Сержант Пумпарак от души расхохотался, схватившись за бока.

— Ох, малый, должно быть, ты здорово перепугался, а? Не беспокойся, тот, что был перед тобой, вообще грохнулся в обморок.

— Так это была проверка?

— Да, и оказалось, что у тебя хорошая реакция. В поле, кто знает, это могло бы спасти тебе жизнь. Мы ещё сделаем из тебя драконера. А теперь собирай свои манатки и на склад, моя жена подберёт тебе весь тот хлам, который мы должны на себе таскать.

Похоже было, что драконерским отделением в Ломнице почти полностью овладел клан Пумпарак. Помимо Безжалостной Луаны тут служили двое её сыновей, дочь и невестка, трое внучат по очереди бегали на посылах и выполняли мелкие поручения на участке. А всего двадцать человек по очереди патрулировало окрестности на очень большой площади, не только контролируя драконьи популяции, но и выполняя роль полиции, хотя последняя функция была неофициальной.

— Разве в Ломнице нет своей городской стражи? — недоверчиво спросил Вортаро.

— Конечно же есть, — ответила Нанди Деван-Пумпарак, измеряя ширину его плеч. — Но нам удалось найти с ними общий язык. Легче работать, когда мы друг другу сообщаем, что вокруг происходит. Мы им — о людях, они нам — о драконах.

Снаряжение драконера составляли тяжёлые, как конские копыта, башмаки, подбитые гвоздями, мягкие кожаные штаны, которые мягкими были только теоретически, обычная полотняная рубаша и кафтан, сшитый из удивительной мозаики тонких и толстых кусочков воловьей кожи, так ловко подобранных, что он напоминал старинный чешуйчатый панцирь. А подгонка всего этого барахла непосредственно на драконере требовала большого терпения и некоторого количества шнуровок. Вортаро до сих пор видел такие костюмы только на гравюрах в учебниках, ну, и, разумеется, на паре практических занятий во время учёбы, но никогда не удостоивался чести примерить такое одеяние. Правда, он очень скоро стал задумываться, такая ли это честь на самом деле.

— Ох... а вы это... всё время носите? — закричал он, шевеля плечами и пробуя приспособиться к драконерской униформе. — А это что? Ошейник?

— Конечно же, всегда, — слегка удивилась Нанди, застёгивая на паренёке широкий, в три пальца, жесткий защитный воротник. Сама она двигалась в своём костюме так непринуждённо и легко, точно это была её вторая кожа. — Это не ошейник, а щиток на горло.

Полузадушенный юнец разминал шею.

— Ам-м-м-м... Простите, госпожа, но у меня такое впечатление, что эта сбруя не слишком оберегает от загрызенья.

— От зубов не очень, — согласилась Нанди, — но вот от петли браконьера защитит. И даст небольшое преимущество, если какой-нибудь зверёныш увязнет в нём когтями. Трудно действовать саблей или стрелять, когда из тебя кровь хлещет, точно из свиньи, когда её режут.

С такими рассуждениями трудно было не согласиться. А поскольку все местные драконеры носили свои шкуры свободно и с некоторой небрежностью, точно домашний халат и тапки, практикант Ней решил стиснуть зубы и привыкать. Даже если бы при этом его собственная живая кожа сходила с него пластами.

День шестой, утро

Собственно пребывание в Ломнице принесло кандидату в драконеры одни разочарования — приятные и не очень. К приятным относилось то, что «старики» не приставали к нему (во всяком случае, не слишком) и относились к «молодому» со снисходительным пренебрежением, с каким старые псы смотрят на шумных, резвящихся щенят, гоняющихся за собственными хвостами. Вортаро себя щенком не чувствовал и в глубине души корчился от этого и лелеял мечту когда-нибудь показать себя и заслужить хоть немного уважения у «дедов». А эти чаяния, в свою очередь, были связаны с другим разочарованием, мучившим юного честолюбивого практиканта. Вместо того чтобы противостоять разнообразным чудищам вроде саблезубого зомбака, вывернов с убийственными когтями или по крайней мере хоть *немного* опасных пофрунок бедному студенту снова пришлось взяться за зубрёжку... Романтичные представления о контактах между людьми и драконами на лоне природы пришлось забыть напрочь. Расстроенный Вортаро изнывал над процедурами и рекомендациями вроде того, «как приманить пофрунку миниатюрную, которая сидит на дереве и не желает слезть». У него просто желчь разливалась от злости, и, хотя с разгону он ещё не отвык от университетской дисциплины, на древесной пофрунке студент сломался, нервы не выдержали.

— Почему я должен читать весь этот бред?! Я должен заниматься драконами, а не снимать кошек с дерева! — вскричал он с обидой, отталкивая пачку истрёпанных листов и откидываясь на спинку стула, который аж закачался на двух ножках.

У Безжалостной Луаны даже бровь не дрогнула.

— Так ведь нас и вызывают к пофрункам, а не к кошкам, — ответила она голосом, твёрдостью напоминавшим о стали, обернутой шёлком, и тут же спросила: — Сколько самцов чёрного выверна находится на участке между Совиным озером и Холодником? Не подглядывай!

Ней шмыгнул носом.

— Восемь? — решил он.

— Двадцать восемь, вместе с прошлогодним выводком. Десять взрослых и восемнадцать годовалых после первой линьки, — поправила драконерша. — В твоей горячей голове хоть какие-то мысли по этому поводу появляются?

Вортаро глянул на настенную карту, ища упомянутый участок.

— Места им там маловато? — неуверенно сказал Ней. — Значит, будут мигрировать... Э-э-э... мм... отстрел, госпожа капитан?

— Может, и выдадим несколько разрешений на охоту, — более благосклонным тоном отозвалась Луана Пумпарак. — Работай дальше.

Практикант снова склонился над документацией. Другого выхода у него просто не было.

День шестой, всё ещё утро, но уже позднее, самое время чайку попить

Когда капитан Луана, не без причины прозванная Безжалостной, и сержант Линус Пумпарак с хмурыми лицами встали перед практикантом Неем, он почувствовал, как мурашки на холодных лапках забегали у него где-то между лопатками и быстро начали мигрировать аж на самую макушку. Капитан, тяжело опираясь на трость, вперила в

практиканта пронизывающий взгляд, а сержант, закусив нижнюю губу и сурово сдвинув брови, медленно поглаживал рукоять сабли.

— Сержант, что ты думаешь о нашем новом приобретении? — наконец заговорила госпожа капитан.

— Очень хороший чайник, — ни к селу ни к городу отвечал сержант.

— Я имею в виду вот это. — Окованный металлом конец трости оказался где-то в районе желудка практиканта, который невольно втянул живот. — Ленив?

— Ну... я бы не сказал, что уж так сильно лентяйничает, — медленно ответил сержант.

— Ходить умеет?

— Я бы сказал, что, похоже, уже умеет.

— Отличит дракона от собаки?

— Ещё как отличу! — с волнением вмешался Вортаро. Что же тут происходит-то, вот нелёгкая?!

— Тихо, малец! — оборвал его сержант, сердито нахмурившись.

Остальные драконеры, которые как раз были свободны, общим числом пять человек, весело наблюдали за этой сценой.

— Ещё и дерзит, — заметила Безжалостная Луана.

— Дерзит, — согласился её сын. — Малый, ну-ка наклонись.

«Малый» неохотно наклонился, а сержант плашмя шлёпнул его саблей по седалищу. Получилось довольно-таки больно. Вортаро почувствовал, как кровь ударила в голову, а на глазах от унижения выступили слёзы. Ну нет, даже в самых кошмарных снах он не допускал, что с ним может произойти что-то такое! Он не выдержит! Ещё мгновение несчастный практикант, багровый от стыда, стискивал кулаки, потом глубоко вздохнул и с трудом распрямил пальцы. И тут вдруг среди зрителей поднялся шум и гам.

— Не дал ему в морду! Не дал!

— Но хотел! Не считается!

— Считается! Ты проиграл! Давай, давай заклад!

Сержант расхохотался, лицо его вдруг посветлело, и он сунул саблю в руки Вортаро.

— Бери, она твоя. Чего ротик-то раззявил? Драконер без оружия что дракон без хвоста. Заслужил.

Ошеломлённый парень прижал саблю к груди, точно самое чудесное сокровище.

— И не дуйся, тут каждый получил железякой по заднице, все как один. Традиция такая, — добавила госпожа капитан. — А поскольку оружие у тебя уже есть и ходить ты научился, то пойдёшь сегодня в патруль. С капралом Шариком.

Как по вызову, боковая створка приоткрылась, и в щели появился приносившийся нос.

— Почему этот щенок должен идти со мной? Луана, у тебя в сердце ни капельки милосердия нет, — скривившись, буркнул капрал.

— У мальчика в бумагах стоит, что он любит драконов. Не бойся, ничего он тебе не сделает, — издевался Линус.

День шестой, после полудня

Надо признать, весна не слишком баловала пока избытком тепла, но между тучами то и дело появлялись довольно большие просветы чистой голубизны, а дождик накрапывал редко и был тёплый. Итак, ничто не могло охладить желание «настоящего мужчины» пройтись. На этот раз Ломница произвела на практиканта гораздо более приятное впечатление. Последнюю неделю тяжело работавший Ней почти не уходил с участка, а сегодня местечко показалось ему даже красивым, осиянное блеском неожиданной награды, которая висела у молоденького драконера на поясе и немилосердно колотила по ногам, когда он терял бдительность. Наверняка после обхода у Нея будет приличный синяк на этом месте, но практикант вовсе о том не думал, его переполняло такое счастье, какое ему уже давно не случалось испытывать. Студенты академии, разумеется, занимались фехтованием, но это же

совсем другое дело: иметь собственное оружие и иметь право носить его каждый день!

Зато драконий капрал был в гораздо худшем настроении. До сих пор он исполнял в МОДе роль воздушного патруля, часами носился над округой, собирая равным образом и служебную информацию, и обычные сплетни. Когда же его выслали на прогулку вокруг местечка с неоперившимся молокососом, Шарик воспринял это как незаслуженное понижение в должности. Городской патруль драконеры называли попросту «прогулкой», чем он на самом деле и был. Обычно делать было абсолютно нечего, только раскланиваться с городскими жителями, на ходу улаживать дела с поставщиками и демонстрировать всем, что патруль вообще существует (это обстоятельство весьма укрепляло местную общественную мораль). Настоящую работу делали за пределами города — в лесах и на зарегистрированных фермах по разведению драконообразных. А также на ежемесячных базарах, где проверяли, не окажется ли случайно у какого-нибудь торговца среди прочих товаров нелегальная шкура дракона. Шарик терпеть не мог делать *ничего*. А если уж случалось такое, он предпочитал просто проспать всё время безделья.

Да вдобавок этот щенок, который только путался у него, заслуженного капрала, под ногами и беспрерывно, точно до упора заведённая музыкальная шкатулка, задавал вопросы. Расспрашивал, при каких обстоятельствах ранили Безжалостную, как в Ломнице разводят малые виды драконоподобных, об отношениях с двумя семьями ленгорханов, которые засели в ломницких борах с южной стороны, и что господин капрал думает о монополии семьи Пумпараков на профессию драконера.

О, и вот он снова начинает, совершенно не обескураженный ни невнятными ответами, ни бурчанием:

— Господин капрал, а можно ещё спросить?

«Нет!» — мысленно гаркнул Шарик, но вслух ответил:

— Можешь.

Похоже, Луана и Линус питали к этому мальцу некоторую душевную слабость, что, в конце концов, было вполне понятно. Два предыдущих практиканта кошмарно умничали, строили из себя невесть что, а практика их в основном заключалась в стараниях избежать таких наименее приятных обязанностей драконерской профессии, как, например, уборка конюшни, консервация снаряжения или корпение над нудными сопоставлениями размножения вывернов и анализом того, как это размножение влияет на численность животных, разрешённых к отстрелу. Этот же малец по сравнению с предшественниками производил впечатление милого усердного балбеса.

Щенок нежно погладил пришитую к куртке на правой стороне груди бляху с выгравированным номером и драконьей головой. Посмотрел на ухо своего товарища, на котором красовалась такая же бляха — точь-в-точь сережка.

— Господин капрал, а вам не удобнее было бы носить значок на ошейнике?

Шарик **не носил** ошейника.

— Наверное, мне было бы удобнее, если б я носил ошейник, — буркнул капрал. — А носил бы я его, если б был псом! А поскольку я не пёс... — В горле его нарастал неприятный рокот, точно внутри дракона пересыпались камни.

— Простите, господин капрал, — пролепетал сконфуженный практикант.

Дракон раздражённо фыркнул, но решил больше не продолжать тему видовой принадлежности. Мальцу едва исполнилось восемнадцать, а ему, Шарiku, семьдесят — это ж всё равно что дискутировать с яйцом!

— Туда, — буркнул он, сворачивая в улочку, ведущую с окраины в центр, на базарчик напротив строения, явно с некоторым преувеличением называемого ратушей.

Они дошли уже до половины улицы, когда капрал вдруг встал как вкопанный, потом съёжился и невольно поджал хвост.

— Нет меня! — бросил он ошеломлённому хлопцу, ныряя за ближайший забор.

Мокрые кусты черёмухи затрещали, стряхивая с веток фонтаны серебристых капелек, а через миг и намёка не осталось, что в садике укрылось, как бы там ни было, существо

размером с коня.

— А... мм... господин кап...

«Тихо! Сюда идёт! Помни: меня тут нет!» Вортаро потряс головой: у него возникло малоприятное чувство, что кто-то липкими пальцами копается у него в мозгах. На мгновение им даже овладело мимолётное ощущение, будто он сам торчит в неудобной позе, скорчившись в зарослях черёмухи. Значит, вот как выглядит столь славное сопряжение мыслей, волшебный драконий талант? Но прежде чем паренёк успел спросить, что это всё, собственно, означает и почему капрала Шарика «тут нет», на горизонте показалось цветное пятнышко дамского зонтика. Явление довольно редкое в тех местах, поскольку практичные горожанки предпочитали пользоваться пелеринами, которые пропитывались мылом и другими таинственными ингредиентами.

Зонтик был зелёный, с оборочкой, а ниже стремительно перемещалась целая коллекция оборочек, внутри которой находилась дама лет тридцати. Зелёный явно был её любимым цветом, поскольку даже перчатки она выбрала зелёные.

— О-о-о!.. Что за встре-э-эча! Здравствуйтесь, я как раз собира-а-алась...

Внимание юноши рассеялось. Он слышал, как женщина ему что-то говорит, но смысл её слов входил в одно ухо и выходил в другое, не оставляя ни малейшего следа. Из-за жемчужных зубок зелёной дамы лился глубокий бархатный альт, она растягивала гласные так невообразимо эротично, что в животе даже гораздо более закалённого мужчины, чем практикант Ней, это разбудило бы целые рои бабочек. Взгляд ошеломлённого парнишки скользил где-то между подкрашенными помадой губками его собеседницы и её красиво подчёркнутым бюстом, и надо признать, что в глазах его не было и тени трезвой мысли.

В конце концов дама протянула ему на прощание обтянутую перчаткой ладонь.

— Мне было очень приятно, так вы придёте?

— Да-да... разумеется, мне тоже... очень мило... — пролепетал Вортаро.

Зелёная дама одарила его на прощание ещё одним томным взглядом, а потом удалилась прочь в весенней мороси под своим зонтиком. На небе как раз расцвела совершенная дуга радуги.

— Ней! Ней, да проснись же ты, недотёпа разнесчастный! — Шарик поднял голову над краем забора, провожая неодобрительным взглядом женщину, которая уже превратилась в маленькое цветное пятнышко вдаль. — Не выношу эту бабу.

Вортаро встряхнулся. Точно пёс, на которого опрокинули ведро воды.

— Почему? А мне она показалась... милой.

— Милая! — с горечью повторил капрал, переваливаясь через забор обратно на улицу. Старое дерево закрипело под его тяжестью. — Эта обезумевшая самка, которая ведёт себя так, будто у неё некончающаяся течка?

— Ох!

— Да не охай мне тут. Она уже переспала со всеми мужиками старше четырнадцати лет, какие только есть в округе, даже со мной пробует флиртовать, хотя я принадлежу к другой расе. Омерзительно. Да не кривись ты, Ней, и начни хоть немного думать. Помнишь, чего она от тебя хотела?

На добродушной мальчишеской рожице практиканта появилось выражение озабоченности.

— Чтоб я к ней зашел. По делу... По службе что-то?

Дракон сочувственно покивал своей огромной головой.

— Так я и думал. Типичные признаки. Госпожа Хорчик, вдова генерала, занимается разведением пофрунок. У неё есть миниатюрные декоративные и обычные... Миниатюрки ручные, они всегда летали по окрестностям и сами возвращались домой, в драконник. Четверо больших всё время находятся в вольере. Несколько дней назад одна из пофрунок вернулась раненой, на другой день ещё одна погибла. Кто-то или что-то слонялось около загона бурых пофрунок, оставив *крайне тревожные следы*. Все животные вот уже продолжительное время очень нервничают. Вот и работка для драконера — проверить, что

по ночам подбирается к дракончикам госпожи генеральши. На сей раз жребий пал на тебя.

— На меня? — У Нея были некоторые сомнения. Ведь он ещё не получил полномочий.

— На тебя, на тебя, ведь меня ж тут нет, — пошутил капрал.

— Ладно, я пойду. Я могу сходить вечером или завтра утром, — слегка растерялся парень. — Где живёт госпожа генеральша?

— Этого ты тоже не услышал? Спроси в участке.

— Если я спрошу госпожу капитана, то к генеральше вместо меня пойдёте вы, господин капрал, — ответил Вортаро, выказывая логическое мышление. — Есть у меня такое странное предчувствие.

Шарик окинул его задумчивым взглядом, алые глаза дракона блеснули.

— Каштановая улица, дом с зелёной верандой, последний в ряду, за пригорком, — сказал он. — Я позволю тебе действовать самостоятельно, если не разболтаешь всё Луане. И когда придёшь в себя настолько, чтоб сразу же не оказаться в постели с генеральшей.

День седьмой, ближе к вечеру

Впрочем, ему вовсе не грозило оказаться именно в постели прекрасной генеральши. Гораздо скорее роль кровати сыграл бы коврик у камина, кресло, софа, чайный столик... Хотя вечер был скорее прохладный, бедный практикант Ней потел в своём форменном облачении, а про себя беспрерывно твердил, что он на службе. По счастью, его гормональные мучения длились недолго, а закончились, когда генеральша провела гостя через ухоженный сад в драконник. Насколько Вортаро любил драконов, настолько генеральша называй-меня-Летиция Хорчик их обожала. Около будки, где обитало стадо пофрунок, все томные взгляды, вызывающие колыхания бюста и соблазнительное грассирование были забыты. Вместо «обезумевшей самки», как грубовато назвал её капрал Шарик, появилась вполне рассудительная дама, обеспокоенная состоянием своих любимцев. Как оценил Вортаро, у которого тоже была когда-то собственная парочка этих животных, пофрунки генеральши были просто превосходны.

— Великолечно! — вырвалось у паренька прямо из сердца, а генеральша посмотрела на него с симпатией.

Четыре из восьми принадлежали к голубой разновидности, две были золотые, а две — явно потомство смешанных пар: голубые с золотом, с тёмным, почти чёрным узором на голове и спине. Судя по их размерам — величиной не больше ворона — происходили они из хозяйства под Кодау, это Вортаро понял сразу. Тут же отметил он, что пофрунки довольно унылы. Маленькие дракончики сидели под навесом на своих жёрдочках, стиснув их когтистыми лапками и обвив гибкими хвостами. Мягкая цветная их шерсть, очень похожая на птичий пух, вставала дыбом при каждом громком звуке. Они что-то щебетали или открывали маленькие пасти, беспокойно и тяжело дыша и демонстрируя мелкие зубки. Последний самец лежал на подстилке из сена, безучастный, с перебинтованными крылом и хвостом.

— Осмелюсь заметить, госпожа, работа сделана отменно, — оценил драконер, осмотрев сшитую перепонку крыла пофрунки. — Шрам останется, но не слишком заметный, и скоро он снова сможет летать.

— Какое это могло быть животное? — спросила хозяйка.

Ней погладил дракончика по головке.

— Трудно сказать. Если б Ломница находилась поближе к горам, я бы поставил на орла. Но это мог бы быть даже волк или обычная лиса — они достаточно ловкие и дерзкие, хотя я слышал только о двух случаях, когда лисе удалось-таки загрызть пофрунку.

— Но тут же всё-таки кто-то разбойничает! Он пугает моих малышей, это существо сожрало Микки, потому что она так и не вернулась домой! — Генеральша отёрла слёзы.

Осмотр местности вокруг загона лесных пофрунок, которых также называют бурыми, дал Вортаро несколько больше. Сам загон был, собственно, просторной клеткой, для красоты обсаженной цветущими кустами и прикрытой сверху металлической сеткой. Внутри даже

оставили несколько засохших деревьев с аккуратно подрезанными ветками, чтобы дракончики могли для развлечения взлетать на нижние толстые суки и карабкаться вверх. Под деревьями стояли четыре маленьких шалаша, где пофрунки укрывались от дождя или жары. В загоне четыре серо-бурых мохнатых существа беспокойно метались из угла в угол. Не надо было быть специалистом, чтобы понять: их что-то раздражает. Животные порывались на драконера, обнажая клыки. Дракон-самец встал на задние лапы, распутив крылья и скребя когтями землю. Смолисто-чёрная грива его по-боевому стояла дыбом на загривке. Самки то входили в шалаша, то выходили наружу, нервно огрызаясь друг на друга. Вортаро старательно проверил, нет ли где дыры в ограде. Отверстий он не обнаружил, но в нескольких местах сетка казалась повреждённой, как будто крупный зверь драл её зубами, оттягивая наружу. Кое-где на прутьях остались клочки шерсти, но они вполне могли принадлежать и обитателям загона.

— А вот посмотрите, пожалуйста, сюда! — позвала Нея генеральша. — Тут повсюду растёт трава, но в этом месте крот вскопал землю и на ней остались следы. Я прикрыла их тазом, чтобы дождь не смыл.

Драконер похвалил предусмотрительность госпожи Хорчик и склонился над двумя сохранёнными отпечатками лап. Потом поднял бровь и свистнул, не думая о том, что подобное поведение недопустимо в присутствии дамы.

— Ради божьего камня, что это?!

Для пофрунки слишком велики, для зомбака малы... Не барсук и наверняка не собака. Для волка же определённо слишком большие и когтистые, а практикант готов был присягнуть, что львов в этой местности отродясь не водилось. На втором курсе у них было несколько лекций о распознавании следов, но ни один из тех, что Ней помнил, не походил на тот, который он сейчас старательно перерисовывал в блокнот.

— Судя по следам, я бы сказал, что это небольшой ленгорханин, — наконец объявил он смущённо. — Но ведь это невозможно.

Некоторое время он всё взвешивал, обдумывая ситуацию.

— С вашего разрешения, госпожа генеральша, я бы остался тут на ночь и подкараулил непрошеного гостя, который приходит сюда и пугает животных.

— Ах, мало того что вы такой разумный и знающий, так ещё и заботливый! Верно, в академии были одни отличные оценки? — восхитилась госпожа Хорчик.

Разумный и знающий Вортаро Ней скромно опустил глазки. Правда, Жасмин Бре-Асаи (прозванный Цветочком) опередил его на два с половиной пункта, но не следует надоедать даме столь нудными и неважными подробностями.

День восьмой, глубокая ночь

Вортаро пришёл к выводу, что как раз эта часть драконерских обязанностей ещё скучнее, чем возня с бумажками. Уже несколько часов он сидел в сарайчике для инструментов, наблюдая за обстановкой через щель в приоткрытых дверях. В свете луны можно было бы заметить какое-нибудь движение в чёрно-сером ночном саду, но заранее следовало попрощаться с надеждой разглядеть хоть что-то ещё помимо этого, и драконер-практикант начал уже сомневаться, так ли хорош оказался его замысел с наблюдением. Но он быстро успокоил сам себя. Сержант Линус и госпожа квартирмейстер Нанди наверняка сделали бы то же самое, то есть потребовали бы наблюдения. Причём именно ночью, потому как чего там наблюдать днём? Пчёлка на клевере? Другое дело, что для ночной засады на предполагаемого дракона-пофрункопотрошителя гораздо лучше подошёл бы другой дракон, иными словами — капрал Шарик, который прекрасно видел ночью да ещё читал мысли. А также, как доносила местная молва, мог обходиться без сна три-четыре дня. Вортаро так широко зевнул, что у него аж челюсть затрещала, а потом осторожно потянулся, стараясь не задеть случайно садовые инструменты и не выдать себя грохотом. Снаружи доносился шелест листьев и посапывание пофрунок из загона. Отовсюду слышался неумолчный треск цикад. Ещё до наступления темноты садовник по просьбе драконера выкосил траву вокруг

загона, а слуга в нескольких местах рассыпал песок. Даже если не удастся увидеть животное, оно оставит прекрасные чёткие следы.

Парень снова зевнул и ущипнул себя за руку. В обычные голоса весенней ночи вдруг ворвался новый звук — металлическое звяканье и скрежет, как будто кто-то грыз сетку. Дозорный моментально отрезвел. Конечно, это вполне мог оказаться один из любимцев генеральши, которому вздумалось поточить клыки о металл, но... Ней осторожно зажёл свечку в фонаре, старательно заслоняя огонёк. Фонарик относился к разновидности «слепых»: открыт только с одной стороны и выложен изнутри осколками зеркала, поэтому луч света от него падал вполне приличный. Паренёк глубоко вздохнул, стискивая одной рукой ручку фонаря, а в другой крепко сжимая рукоять служебной сабли. Он толкнул плечом дверь и выскользнул наружу, направив свет на клетку с пофрунками. Золотистый блеск отразился в глазах животного. Тёмный силуэт захлопал крыльями высоко на крыше клетки, снизу гневно пофыркивал самец пофрунки, разглядеть можно было только неясное продолговатое пятно на толстом суку. Что-то шмыгнуло в кустах, на мгновение вспыхнули две оранжевые монетки драконьих глаз. Вортаро содрогнулся, одновременно поднимая клинок. Два! А может, и больше? Он прошёлся по двору световым лучом. Дракон на клетке фыркнул, широко расправляя крылья, точно готовился броситься на человека, который нагло светил ему прямо в глаза. В тот же момент самец пофрунки, разозлённый тем, что вторгаются на его территорию, подскочил, и, похоже, ему удалось вцепиться зубами в лапу чужака, который взвыл, сорвался в полёт и пропал из виду.

Пофрунки ещё некоторое время поскулили в своём обиталище, но скоро успокоились. Обходя загон с фонарём, Ней обнаружил несколько новых отпечатков лап на песке, но были они столь же загадочны, как и первые. Вортаро по памяти никак не мог сопоставить их со схемами из учебника, что порядком смутило его и здорово подорвало гордую самооценку как «почти самого лучшего на курсе». И тут его внимание привлёк светлый округлый предмет — вырванный из мрака светом фонаря, он казался абсурдным и неуместным в куче травы.

— А чтоб меня зомбак побрал... — прошептал обалдевший практикант и осторожно, как бы не доверяя собственным глазам, коснулся своей находки. — Яйцо?

И в самом деле, это было яйцо, ещё тёплое, видно, только что снесённое, а может, принесённое под ограду в тёплой драконьей пасти. Зачем? Трудно угадать. В замешательстве драконер ещё долго прислушивался к ночным шорохам и светил по кустам, но непохоже было, чтобы самка, снесшая это яйцо, до сих пор находилась где-то поблизости. Паренёк, не выпуская сабли, свободной рукой расстегнул кафтан и спрятал яйцо за пазуху.

До самого рассвета он просидел на пороге сараюшки, вглядываясь в ночную тьму и прислушиваясь, но больше ничего не произошло.

День восьмой, раннее утро

Нанди открыла двери в главное помещение участка и тут же махнула рукой за спину с многозначительным «тсс...». Сдерживая смех, утренняя смена на цыпочках вошла внутрь. На твёрдом полу около печки, подложив под голову свёрнутую куртку, спал «ребятёнок», обнимая свою саблю, точно любовницу или ценнейший клад. Драконеры старались двигаться как можно тише, а исполняя обычные утренние дела, здорово веселились. Тихонько открыли ставни, кто-то принёс хлеб и молоко, Нанди, почти не дыша, разожгла огонь под чайником, чтобы приготовить чай.

— Какой ми-и-иленький, — шепнула она мужу, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. — Давай возьмём его в приёмьши!

Линус отчаянно жестикулировал, стараясь подчеркнуть то, что прошептал жене в ответ, а именно: пока он предпочитает постараться занять собственных детей, хотя практикант Ней действительно очень мил, у него куча достоинств, а по разным соображениям, он даже умнее дрессированного пса.

Тут уже драконерская братия не выдержала, и все дружно расхохотались. Предмет

дискуссии пошевелился, потянулся, как кот, и поднял голову, с трудом открывая заспанные глаза.

— Хорошо ж, нечего сказать, Ней, — заворчал сержант, нахмутив брови. — Шляешься по ночам... Пил наверняка.

— У меня... было... но-о-очное... дежу-у-урст-во... — пояснил Ней, с трудом поднимаясь с пола и сопровождая каждое слово зевком. — У генеральши. И ничего я не пил, кроме чая.

— У генеральши! Я уже вижу, какое это было «дежурство»! — возмутилась Нанди, расставляя на столе кружки.

— Кто-то съедает её пофрунок, госпожа, — защищался практикант. — Она была очень встревожена.

— А ты, вместо того чтобы доложить нам, благородно решил самостоятельно заняться этим делом, поскольку никто из присутствующих ни умом, ни опытом, разумеется, не может сравниться с господином Вортаро Неем, — саркастически заметил Линус. — Ох и получишь ты от госпожи капитана, вот только она обо всём узнает.

Практикант мгновенно рассчитал, что в данной ситуации, покрывая Шарика, он действует в ущерб себе.

— Я был у генеральши Хорчик с ведома и согласия капрала Шарика, — сообщил Ней. — Я немедленно напишу ра-а-а-апорт... — он снова зевнул, — с самого утра. Там действительно произошло что-то странное.

— Что это за звук? — заинтересовался один из драконеров.

И правда, вот уже несколько минут слышалось тихое равномерное тиканье.

— Я нашёл... — Вортаро умолк, с испугом поворачиваясь к печке.

Под решёткой, на которой стоял чайник с водой, горел небольшой огонёк.

— Боги! — Практикант схватился за голову.

Тиканье сменилось быстрым приглушенным тархтением.

— ЛОЖИСЬ!

По счастью, в действие вступили хорошо тренированные навыки. Трое драконеров дружно нырнули под стол, Нанди укрылась за ближайшим шкафом с актами, а практикант скорчился за перегородкой, отделявшей печку. И тут же раздался сильный грохот. Чайник подскочил, точно живой, и залил огонь водой. Из печи вырвался клуб пара и пепла, а всё вокруг затянула мгла.

Первым отозвался Линус:

— Откройте окно. Нанди, сокровище моё, у тебя всё в порядке?

Его жена раскашлялась в своём углу, но сообщила, что с ней ничего не случилось.

— Как остальные?

Оставшаяся четверка доложила традиционной формулой «Без потерь».

— Ней, ради чёрного мора, что это было?!

— Яйцо, — смиренно ответил практикант.

— Заминированное? — с ужасом спросил один из сотрудников.

С печки обильно стекала яичница, причём подгоревшая. Пол и почти всё снаряжение были покрыты слоем пепла, отчего создавалось впечатление, будто на участке взорвался карманный вулканчик.

— Яйцо дикого дракона. Я нашёл его рядом с загоном пофрунок и закопал в пепел, чтобы не остыло, — объяснил Вортаро.

— Самовзрывающееся? Да что это за яйца такие... то есть яйцо?!

— Эх, мужчины! Одно слово — драконеры! — издевалась Нанди, подперев бока руками. — Сразу видно, сколько яичек вы в жизни сварили. Да любое яйцо взорвётся, если его в открытый огонь положить.

— Но ведь я не мог предвидеть, что кто-то над ним огонь разведёт. — Практикант беспомощно развёл руками.

Линус поднял с пола осколок скорлупы.

— Трудно определить, какой это был вид. Рассыпалось на мелкие кусочки.

— Для пофрунки оно было великовато, а для выверна — слишком маленькое, — поспешил объяснить Вортаро. — Я видел...

— Ладно, — прервал его сержант. — Рапорт составишь после завтрака. А теперь берись за щётку и приberi тут хотя бы по верхам. А с капралом Шариком я ещё поговорю, — зловеще добавил он.

Два часа спустя

— Неужели вы и в самом деле поверили, будто я пустил щенка одного, без арбалета, только с этим смешным куском железа в качестве оружия? — спросил Шарик со смертельной обидой. — Конечно, я прекрасно знаю, что люди плохо видят в темноте и что те два огромных дракона запросто расправились бы с ребяёнком, как с трепетной ланью. Да и одного бы хватило. Пять часов я проторчал в каких-то паршивых жёлтых кустах, у меня теперь все уши забиты той дрянью, которая с них сыпалась, теперь вот ещё разболеюсь! Так что берёг я ваше сокровище как зеницу ока, и совесть у меня чиста, точно свежавыпавший снег!

— Ну и ладненько, — сухо отозвалась госпожа капитан. — Потому как иначе мне пришлось бы тебя выгнать со службы за грубое нарушение дисциплины и вопиющую халатность. И как молодой справился?

— Неожиданно хорошо, — неохотно признал Шарик. — За исключением оплошности с яйцом, но этого уж никто не мог предвидеть.

— При всём при том он не сумел распознать, к какой разновидности принадлежат те «гости» генеральши. Ничего хорошего это не сулит. Всего существует десять видов драконообразных, а до десяти даже дети умеют считать.

Шарик некоторое время крутил головой на длинной шее, выпускал и убирал когти, что соответствовало человеческому верчению пальцами. Потом прижал уши к голове и в конце концов с сердитым фырканьем признался:

— Я тоже не сумел их определить!

Луана переглянулась с сыном. Дело становилось серьёзным. Шарик, чистокровный ленгорханский дракон, был последней инстанцией в драконьих делах, хотя юношеская беспечность (по драконьим меркам он едва переступил границу взрослости) задерживала его продвижение по службе.

— Не пофрунка, не выверн и не летающая лиса, — со злостью перечислял Шарик. — Для ленгорханца маловат, а кроме того, Пуська следит за своими детьми и не позволяет им летать в город. Сквозь ветки мне не удалось их хорошо разглядеть, но это наверняка были не ленгорхане. Слишком глупы. Как зверюшки, ну, может, слегка поумнее пса. — Дракон презрительно сморщил нос.

— Остатки яйца тоже не позволяют отнести его к какому-то определенному виду, — добавил Линус. — Наверняка оно было приличного размера, раз уж такой бедлам сотворило, но сохранившиеся куски не похожи ни на что из имеющегося у нас в коллекциях.

Всё указывало на миграцию — редко встречающееся на территории Нортланда явление в наше столь упорядоченное и спокойное время. Но кто мог знать, что происходит на Дальнем Востоке или в Северной Тервии? Драконообразные могли явиться из очень отдалённых мест. А это означало — больше работы для ломницких драконеров и для соседних постов, которые Безжалостная Луана обязана оповестить.

Две недели спустя, практика В.Н., день двадцать восьмой¹

— Привет непоприветствованным... — Вортаро усталой походкой вошёл в помещение и буквально упал на ближайший стул, со вздохом облегчения вытягивая перед собой ноги. —

¹ Нортландская неделя состоит ровно из десяти дней и свободных воскресений не предусматривает.

Я свой участок закончил. Местные землепашцы явно страдают от недостатка развлечений. — Он помахал кипой бумажек и швырнул их на стол. — В каждом втором доме люди видели «что-то подозрительное», «нечто» скребётся у них по ночам под полом — наверняка целые стада драконов, что-то обгрызает морковку в огородах — натурально, одраконившиеся зайцы. И что-то прилетает на крышу, и уж естественно, это нечто совершенно не похоже на сову, просто кошмар и ужас, господа. — Практикант отёр лицо ладонью. — Воистину нашествие чудовищ.

Грустные мины двух других драконеров, которые вернулись со своих участков пораньше, свидетельствовали, что им повезло немногим больше. Воображение, питаемое слухами, подсовывало местным жителям самые невероятные видения. Пропадала домашняя птица: куры, утки и даже один гусь, — но всё это могло быть проделками обычного воришки. Атмосфера в округе была столь напряжённой, что обитавшая неподалёку от Ломницы дракониха с традиционно длинным именем Роса на Дивном Мехе (сокращенно Пуся) вообще не выпускала детей из норы, опасаясь, что их пристрелит какой-нибудь нервный охотник.

Все занялись своими заметками, пытаясь склеить из них хоть немного осмысленные и полезные рапорты. Время от времени только поднимали ноги и передвигали свои стулья, когда к ним приближалась уборщица, мывшая полы.

— А! Чуть не забыл, — очнулся Вортаро и спросил уборщицу: — Капрал Шарик уже вернулся?

— А я почём знаю? — Она пожала плечами. — Пока гвалта не слышать, значит, ещё носится где-то.

Вортаро вытащил из кармана маленькую деревянную коробочку и пару писем.

— Я заскочил на почту, пришло несколько писем в МОД и что-то для Шарика. — Он повертел коробочку в руках. — Что дракон мог заказать в соседнем районе?

— Наверняка образчик, — догадался сосед Вортаро. — Он его ещё зимой заказал, но, видно, затянули они с присылкой, поскольку требования у него были слишком высокие.

— Фу, — отозвался Ней. — Как это похоже на господина капрала.

Как потом оказалось, в коробочке находилась стеклянная бутылочка, плотно закупоренная и тщательно обёрнутая сеном, чтобы не разбилась.

Когда Безжалостная Луана распаковывала посылку под внимательным взглядом Шарика, Вортаро ощутил нечто подобное духу праздника в родимом доме, когда он вместе с матерью, отцом и младшими братьями и сестрами приносил общую жертву в честь Богини и Возрождённого из Камня. После молитвы и сжигания пахучих трав возбуждённые дети собирались вокруг соломенной корзины, накрытой куском полотна. Вслепую засовывали руки внутрь, а по вынутому предмету определяли, будет ли грядущий год счастливым. Вортаро всегда слегка мухлевал, стараясь избегать твёрдых и холодных предметов — вытянутый из корзины нож ничего хорошего не предвещал, — до тех пор пока однажды в его руке не оказался матерчатый дракончик самой младшей сестры, а полгода спустя Ней великолепно сдал экзамены и получил стипендию в Нортландской королевской академии.

И, подобно ребёнку над гадательной корзиной, Шарик не скрывал возбуждения, не сводя глаз с рук начальницы и чуть ли не суя нос ей под локоть. Огромные когтистые лапищи дракона не годились для столь тонкого дела. В качестве исключения капрал протиснулся через узкую входную дверь, помещение участка уже давно было маловато для него — он крыльями сбивал со стен схемы и сметал с полок предметы, а хвостом переворачивал мебель. Но в этот день никто не сказал ему ни слова упрёка. Это был великий день для драконьего капрала и праздник для всего отделения. Все знали о способности ленгорханских драконов к трансформации, хотя, наверное, по пальцам одной руки можно было бы пересчитать тех, кто видел такую перемену собственными глазами. Довольно было капли крови, клочка мяса, волоса — и ленгорханский подлинный дракон мог принять чужой образ, хотя, конечно, было это небезопасно для неопытных. И если трансформация в животных никого не волновала, кроме самих заинтересованных, то есть драконов и их

жертвы, то перевоплощение в человеческое тело было обусловлено строгими предписаниями. Вортаро подозревал, что капралу пришлось хорошенько «находиться», прежде чем он получил разрешение.

— Надеюсь, ты будешь доволен, — сказала Луана, открывая бутылочку.

— Надеюсь, что наконец получу повышение по службе, — откликнулся Шарик, нервно дёргая ушами. — Интересно, как я буду выглядеть после **этого!**

— Как человек, — ответила госпожа капитан, стойко храня секрет. — И не думай, что при повышении имеет значение внешний вид. Открывай рот. — Она влила содержимое бутылочки в драконью пасть. — Проглоти, определи формулу, и да пребудет с тобой Господь. Нанди сейчас принесёт тебе мундир.

У Вортаро так и просился на язык вопрос, зачем, собственно, Шарику понадобилось заказывать издалека эту каплю разведённой крови, вместо того чтобы просто попросить кого-нибудь из здешних, но практикант боялся, что его высмеют. Кроме того, рассудок подсказывал ему, что, вполне вероятно, тут не хотели иметь двух идентичных драконеров. Даже близнецы способны доставить некоторые хлопоты, а уж что говорить о близнецах, один из которых дракон?

Предстоящее обретение Шариком нового тела очень сильно воздействовало на воображение всех обитателей поста в Ломнице, и за ужином драконеры строили всевозможные догадки, как будет выглядеть их дракон после окончания «переодевания» — как они в шутку называли предстоящий процесс.

— Ну наверняка как тот принц из сказки, — утверждал старший сотрудник Корет, вылавливая из каши кусочки мяса. — Шарик тщеславен, как девица на выданье, без конца перебирал кандидатов, рассматривал их старательнее, чем крестьянин коня на ярмарке.

— Этот слишком мал ростом, тот слишком бородат, а у этого цвет не тот... — перечислил Пеллан Пумпарак нарочито капризным тоном, даже его старший брат не выдержал и отвесил ему легкий подзатыльник.

Безжалостная Луана слушала эти колкости с добродушной усмешкой. Взгляд старой драконерши то и дело обращался в сторону перегородки, за которой находилась спальня косматого капрала, но за ставнями царил тишина.

Наконец, кто-то стал рассказывать забавную историю, услышанную в городе, Луана бегло просматривала заметки драконеров. Вортаро не торопясь покончил со своей порцией, поглядывая на сабли, развешенные на крюках и поблёскивавшие латунными оковками в свете керосиновой лампы, на оживлённые лица драконерской братии, и думал о том, что ему тут хорошо и он не ошибся в выборе профессии.

Тем более неожиданным оказался отчаянный женский вопль, от которого в испуге подскочили все без исключения. Женщина на мгновение смолкла, будто переводя дыхание, потом крик возобновился с новой силой — доносился он несомненно из обиталища Шарика. Линус первым оказался у щеколды и настежь распахнул створки, драконеры столпились у окна, а те, кто ничего не смог разглядеть из-за голов товарищей, вылетели на улицу, чтобы кружным путём добраться до драконьего логова. Кто-то направил внутрь свет свечи.

Вортаро бесцеремонно толкнул соседа локтем под ребро и так отвоевал себе кусочек пространства у окна. Он вытянул шею. На соломе, устилавшей пол, неловко подвернув под себя ноги, сидела молодая женщина. Взлохмаченные рыжеватые волосы спадали ей на лицо. Бледные, как слонобая кость, руки отчаянно ощупывали грудную клетку. Вортаро сглотнул слюну, чувствуя, как горят у него уши: девушка была совершенно нага. Вдруг она запорокинула голову и завывала страшным, совершенно нечеловеческим голосом.

Немного позднее, почти самый ужасный вечер в жизни капрала Шарика

— Это шамый кошмарный тсень ф мозй шисни, — сообщил потрясенный капрал Шарик.

Внезапно заполучив рот и губы вместо широкой пасти и мелкие, плотно стоящие зубы вместо остроконечных клыков, он с некоторым трудом артикулировал слова. Завёрнутый в

два одеяла, капрал неуверенно стискивал в руках жестяную кружку, куда Пеллан щедро подливал ему водку. Шарик хлебал её как воду, и, честно говоря, действовала она на него тоже как вода, но тут важен был сам процесс.

— Не преувеличивай, — буркнул Линус. — Я мог бы с ходу назвать тебе парочку похуже. Хотя бы тот, когда ты потерял крыло. Кровь тогда была даже на потолке.

— Ховошо тебе гововить! У тебя ведь нет матки! Знаешь, какое это ощущение?! — завопил Шарик, трясаясь от ужаса.

— Можно пережить, — вмешалась Нанди, погладив дракона по голове. — У меня вот тоже есть матка, и я от этого не умираю.

— Да ты не расстраивайся. Из тебя получился совсем недурной товарец. Роскошное тело, — одобрительно заявил Пеллан.

Шарик глухо застонал. Голова его опустилась на стол, и он застыл в позе крайнего отчаяния.

— Хватит этой бредятины! Шарик, а ну-ка взять себя в руки! И одеться! А остальным — попридержать языки. Если я в городе хоть слово услышу, кишки сплетнику выпущу. Вязальной спицей. — Госпожа капитан решила всё-таки навести хоть какой-то порядок на участке. — Шарик, официально ты в командировке, а к нам по обмену прислали новую драконершу. Выбери себе какое-нибудь красивое имя. А что касается этого несчастного образца, то мы внесём официальную жалобу. И пойдём в суд, если потребуется.

Несчастливого капрала, видимо, её слова несколько утешили, он поднялся и заявил с мстительным удовлетворением:

— Та я их ш шумой по миру пуцу!

Три дня после конца света, раннее утро

— Здравствуйте, меня зовут Ямилла... Добрый день, мое имя — Ямилла, — бормотал себе под нос Шарик. — Как вы только в этом выдерживаете?! — Он дёрнул себя за ворот мундира. — В нём же дышать невозможно! Я уже весь взмок.

— Мы очень выдержанная и закалённая раса, — с каменным лицом ответил Вортаро.

Сам он привыкал к мундиру недели две, зато теперь охотно даже спал бы в нём.

— Спокойно, я должен быть спокоен, — пробормотал дракон. — Меня зовут Ямилла, и я очень спокоен...

— Спокойна, — поправил практикант.

— Я, блин, ОЧЕНЬ СПОКОЙНА! Как грёбанный цветочек на спокойной глади долбаного озера!

— Господин капрал...

— ...

— ...

— Простите.

Они уже пересекли границу охотничьих угодий Пуси. Лес был тут негустой, без подлеска, и практикант Ней поспешил воспользоваться возможностью поехать верхом. Для капрала это было совершенно внове, по крайней мере в области практической. Лошади с участка привыкли к тому, что поблизости постоянно вертится дракон, однако столкнувшись с существом, которое выглядело как человек, но обладало нечеловеческим запахом и весьма странно двигалось, даже спокойнейший мерин, за свой флегматичный характер прозванный Брусом, забастовал. В результате практикант ехал верхом, а капрал плёлся рядом. Но ему это совершенно не мешало. Он и так был подавлен новыми ощущениями и только вздохнул с облегчением, что ему не надо ещё и с конём воевать. Вроде бы он уже много лет обитал среди людей, наблюдал за их обыденной жизнью, но как-то даже не отдавал себе отчёта, насколько сложно ему будет держать ложку или причёсываться. А уж застегивание пуговиц стало просто настоящей пыткой. Даже с обычной ходьбой у него вначале возникли проблемы, он всё время терял равновесие — на двух ногах вместо четырёх Шарик чувствовал себя весьма неуверенно.

— У-У-У-У-У!!!

Вортаро стиснул поводья, чтобы конь не испугался и не понёс. Шарик невольно оскалился. Из зарослей выскочили два пушистых существа, воя изо всех сил.

— Напугались! Напугались! — радовался щенок цвета кофе с молоком.

Другой, почти точная копия первого, подсакивая, бегал вокруг, весёлый, будто только узнал, что в лесу выросло колбасное дерево. Оба дракончика размером были не больше овцы, это означало, что они не старше тридцати — сорока лет.

— Это дети Пуси, — кисло объяснил Шарик. — Эй, а здороваться что, не надо, негодники?!

Дракончики послушно уселись рядом.

— Добр-р-рый день, драконеры!

— Добжый день!

Вортаро аж затрясся от сдерживаемого смеха, услышав своеобразный выговор драконьих малышей. Нортлан — трудный язык для существа с зубами хищника и не слишком гибкими губами. Практикант соскочил с седла.

— Привет. Ну и как там у мамы дома?

— Мама финит клышу, — сообщил тот, который казался постарше.

— Мама работает, а вы озорничаете, — одёрнул Шарик мальцов, которые глядели на него исподлобья.

— А ви новии, не? Как нажживают?

— Новые. А как нас зовут — догадайся. — Ней вытащил из кармана два кусочка сильно копчёной и подвяленной колбасы. — Угадаете — кое-что получите.

— Только не обмани, — предупредил тот, что выглядел помоложе, и облизнулся.

Дракончик с минуту вглядывался в глаза практиканта, а потом торжествующе выпалил:

— Вор-р-ртар-р-ро и Ямир-ра!

— Почти правильно. — Драконер бросил в алчные маленькие пасти по кусочку мяса, точно это были конфетки. — А теперь проводите нас к маме. Нам надо с ней поговорить.

«Хороший у тебя подход к детям», — дошла до него мысленная передача капрала.

«У меня пятеро младших братьев и сестёр. Подкуп — лучший способ справиться с молокососами», — тоже мысленно отозвался Вортаро.

Когда Вортаро из вежливости употребил слово «дом», воображение его рисовало драконью нору, кучу ветвей и травы где-то в лесной чаще, берлогу в скальной пещере или под корнями вывороченного дерева. Между тем, к своему великому удивлению, на маленькой полянке, которую пересекал ручеёк, он увидел настоящий дом. А точнее сарай, сбитый из неотёсанных бревен и досок, с крышей, как нищенская шляпа — разукрашенной множеством заплат из разнообразных материалов: кусочков досок, пучков соломы и даже сухих хвойных веток.

Дверей не было видно, только отверстие довольно высоко над землей, точно слишком большое окно.

— Это наш дом! — гордо заявил старший дракончик.

С точки зрения человека, это была жалкая хибара, хуже, чем собачья будка, но Вортаро, неожиданно просветлённый интуицией, понял, что оба щенка считают своё жильё вполне роскошным. Ведь в нём были стены, хранившие от ветра, и крыша, сквозь которую не лил дождь. Внутри наверняка находилось огромное гнездо для сна, выложенное сеном.

Парень заметил вокруг сарая канавку для отвода дождевой воды. Перед строением на траве валялось несколько обглоданных костей и распоротый тряпичный мяч.

«Только не проболтайся, что я — это я. А то помру со стыда», — предупредил капрал, когда они приблизились к драконьему жилью.

— Мама! — заорали драконята хором.

В окне показалась взлохмаченная женщина; судя по тем частям её тела, которые были видны, на ней не было ни клочка одежды. Ней неуверенно глянул на капрала, но прежде, чем он успел спросить, как вести себя в подобной ситуации, обитательница сарая скрылась,

чтобы тут же появиться в каком-то рубище из мешковины.

— Эм-м... Госпожа Роса на Дивном Мехе? — обратился к ней практикант.

— Да, только называй меня Пусей.

Пуся ловко перекинула ноги через подоконник и выскочила наружу. Икры и обнажённые плечи её были худыми, жилистыми и довольно грязными. В волосах застряли соломинки.

— Вортаро Ней, новенький в Ломнице, — представился драконер, одновременно украдкой толкая Шарика носком башмака.

— Ямилла, — буркнул Шарик, насупившись.

Неожиданно дракониха встала прямо перед ним.

— Рада тебя видеть, сестра.

Видно было, что бедному капралу пришлось собрать все силы, чтобы держать себя в руках. Драконят легко обмануть, ведь дети легковёрны, но совсем другое дело — их мать.

— Привет тебе, сестра, — ответил капрал слабым голосом. — Как дети подрастают?

Пуся отступила на шаг и улыбнулась — по-драконьему, складывая губы кружочком...

— Одиноким матерям всегда тяжело, но я не жалею. — Она посмотрела на детей, которые в это время возились в ручейке, однозвучно журчавшем среди камней. — Подумать только, на юге детям запрещают играть в воде из опасения, что они утонут. Неужели не проще попросту научить их плавать?

— В последнее время в округе стало немного беспокойно, — откликнулся капрал. — Вот мы и пришли проверить, всё ли тут в порядке.

Пуська приподняла верхнюю губу, оскалив зубы, на лице её явственно проступило недовольство.

— Да крутятся тут какие-то чужие. Не люди, драконы. Мясо у нас покрадывают. Ночью летают над домом. Теперь я уже никогда не сплю в этом теле — слишком опасно стало. Боюсь я за детей. Обычно эти прилетают оттуда. — Она показала рукой. — Кто-то снова поселился в старом доме Фарьо на Пустоши. Думаю, там эти чужаки и обитают. Они у вас зарегистрировались?

— Нет, — ответил Шарик, тоже скаля зубы.

Брови Вортаро озабоченно сошлись на переносице. Новости были нехорошие. Какой-то нерадивый (и скупой) драконовод явно выпускал своих подопечных на вольный выпас, чтобы они сами искали себе пищу в округе, не говоря уже о том, что он нарушил по крайней мере два правила, поскольку не зарегистрировал своё хозяйство в МОДе.

— Говоришь, заброшенная хибара старого Фарьо? — буркнул Шарик, и тон его не обещал нарут шителю ничего хорошего. — Прогуляемся-ка мы туда с господином практикантом. До свидания... сестра.

Пустошь, под вечер

Хибара, собственно, хибарой не была, подобно тому как дом Пуси трудно было бы назвать норой. Судя по тому, что Нею успел рассказать по дороге капрал, Фарьо был чудаковатым одиночкой, богатым, но исключительно необщительным. Он построил себе огромный дом в таком месте, откуда ласточки поворачивали обратно, боясь улететь за край света... Строение своё окружил высокой стеной и сидел за этой стеной годами в обществе одного только слуги, кухарки и цветов в любимом саду. Людей он не выносил, а в драконов стрелял из пращи, что Шарик в юном возрасте испытал на собственной шкуре, когда случайно оказался на территории «вредного деда». После смерти Фарьо никто из наследников не пожелал поселиться в столь отдалённом от цивилизации и потому неудобном месте. Дом был очень велик, и содержание его обходилось слишком дорого. Стену по кусочкам разобрали местные крестьяне, используя их для строительства своих хлевов, сараюшек и тому подобных полезных сооружений. Дом же стоял пустой, с годами приходя в негодность. Тот, кто поселился в этих руинах, должен был быть ещё более безумен, чем первый хозяин, так что следовало соблюдать осторожность.

Старое обиталище Фарьо по многим причинам производило гораздо худшее впечатление, чем дом драконихи. Сарай Пуськи был просто убогим уголком, а покинутый дом производил жуткое впечатление даже при дневном свете. Вортаро с отвращением смотрел на стены, с которых пластами сходила извёстка, на позеленевшую крышу и водосточные трубы, где разрослись настоящие джунгли, на перекошенные оконные рамы с висящими на одной петле или вовсе отсутствующими створками, которые давно унесли воры. Зато решётки в оконных проёмах держались вполне надёжно.

— Вы думаете, тут кто-то есть? — спросил практикант, понизив голос.

Они вдвоём с капралом стояли на заросшей, болотистой тропинке, которая вела к крыльцу, куда выходили парадные двери. Шарик молча показал вверх.

«На крыше, за трубой».

Вортаро незаметно взглянул туда, почти не повернув головы. И правда, из-за остатков кирпичной трубы, обрушенной какой-то давней бурей, торчали любопытный нос и остроконечное ухо, а с другой стороны между потрескавшимися черепицами вился длинный кудлатый хвост.

«Это, кажется, не пофрунка», — подумал Ней.

«Это молодой ленгорханин, — передал ему капрал. — Похоже, очень маленький и глупенький. Ещё упадёт...»

— Заходим?

Шарик кивнул, и парень нажал на ручку, а когда дверь не открылась, постучал в неё согнутыми пальцами. Внутри что-то загрохотало, как будто кто-то убегал, переворачивая на ходу мебель. Потом воцарилась продолжительная тишина, поэтому Ней снова постучал, уже гораздо громче и решительнее.

— Кто-то есть внутри, я его прекрасно чувствую, — процедил сквозь зубы Шарик. — А ещё чувствую двух драконов в лопухах слева.

Его товарищ посмотрел налево, но ничего и никого не заметил. Густые, на удивление внушительных размеров лопухи, которые растопырили свои зелёные зонтики под развалинами старой стены, могли бы и телку скрыть, а не только двух небольших драконов.

Наконец после длительного ожидания послышались шаги, кто-то со скрежетом повернул давно не смазанную ручку, и дверь приоткрылась. В щели показалось женское лицо, на котором явно читалось недоверие.

— Приветствуем, — сухо возвестил Шарик. — Это вы... главная обительница... — он окинул разваливающееся здание брезгливым взглядом, — этого дома?

— Я сняла его, — резко ответила женщина.

— И начали разводить драконов. Нелегально! — строго продолжил капрал. — Прошу добровольно впустить нас. Мы подсчитаем, сколько тут голов, проверим документы или составим новые... Налог подсчитаем...

По мере того как он излагал свои доводы, лицо хозяйки стянула маска бессильной злобы.

— Прошу, — процедила она сквозь зубы, отступая на шаг. — Входите.

Изнутри дом выглядел так же мрачно, как и снаружи. Вортаро не мог понять, кто в здравом рассудке захотел бы жить в таком сооружении да ещё платить за это. На стенах повсюду цвела плесень, между досками пола виднелись щели шириной в палец, и несло из них гнилой вонью. Вортаро предпочитал даже не думать о том, какая мерзость кроется под полом и что бы было, если бы прогнившие доски обрушились под их тяжестью.

Они шли за хозяйкой через длинный ряд коридоров и помещений, которые были либо совсем пусты, либо скупо обставлены случайными предметами мебели, как будто обительница (или обитатели) вообще не думали о собственных удобствах. В одной комнате Вортаро заметил только два стула и соломенную корзину, в другой — сиротливый стол, следующее помещение, видимо, служило кладовкой, так как было заставлено какими-то ящиками. В лестнице, ведущей наверх, мимо которой они прошли, зияла огромная дыра, и у Вортаро даже брови поползли вверх в немом изумлении. Что за неряшество!

Может, они не пользуются вторым этажом. Перекрытие, должно быть, в ужасном состоянии, подумал он, глядя на провожатую. На женщине была шёлковая блузка винного цвета, совершенно не подходящие к ней кожаные драконерские бриджи и босоножки на деревянной подошве, стук которых гулко отдавался в тишине пустых помещений.

Женщина распахнула перед драконерами двери в конце коридора.

— Подождите тут, я сейчас принесу документы.

Они вошли, не подозревая ловушки, а когда тяжёлые двери захлопнулись у них за спиной, было уже поздно. Послышался скрежет ключа в замке.

— Зар-р-раза! — рявкнул Шарик со злостью. — Что ты творишь, женщина?!

— Выпустите нас! Этим вы можете только новые хлопоты на свою голову навлечь! — взывал Ней.

Из коридора донеслось только презрительное фырканье.

— Вот нелёгкая, да что вы собираетесь делать-то?!

На этот раз ответ был дан:

— Съедем вас.

А потом стук деревянных подошв отдалился.

— Собственным ушам не верю, — пробормотал Вортаро. — Неужели она сказала «съедем»?

— Вот именно, — буркнул Шарик, разглядывая двери.

Они были массивные, снаружи плотно выстланные металлическими полосками, петли вмурованы в стену. С ними, кажется, даже таран не справился бы, и уж наверняка никому бы не удалось их выбить плечом.

Вортаро подошёл к окну, просунул руку через отверстие в разбитом стекле и попробовал потряхнуть решётку. Она даже не шелохнулась.

— Господин капрал...

— Тихо, мне надо сосредоточиться, — нетерпеливо бросил Шарик.

Осмотрев двери, Шарик начал проверять стены, но постукивание позволило убедиться только в одном: дом построен из солидного кирпича, который ещё хорошо сохранился, несмотря на плесень. Судя по предпринятым некогда мерам предосторожности и двойным решёткам в окне, это помещение предназначалось для хранения ценных предметов, столового серебра, денег или важных документов.

— Паршивый Фарьо укрепил эту конуру точно какую-нибудь крепость! — зло вырвалось у Шарика.

— Господин капрал, а не могли бы вы...

— Ну, что такое?!

— Там, на дворе, — загадочно сообщил практикант, указывая на окно.

Снаружи вертелось несколько маленьких дракончиков. Все они были на удивление неряшливы и грязны, передвигались резко, неуклюже, припадая к земле, точно испуганные кошки. По сравнению с веселыми, болтливыми детьми Росы на Дивном Мехе они представляли собой весьма жалкое зрелище.

— Два, три... пять. Откуда столько щенят? — прошептал Вортаро.

— Это не дети! — зашипел вдруг Шарик, хватая его за плечо. От лица капрала вдруг точно вся кровь отхлынула, зрачки сузились до размеров чёрных точек. — Присмотрись к ним. Что ты видишь?

Парень стал внимательно приглядываться к драконам, не зная, что, собственно, надо искать. Неухоженные, худые, у некоторых искривлены лапы, неправильной формы головы. У одного волочились по земле кончики крыльев, сложенных на спине так, точно дракончик был горбат.

— Выглядят они как-то... — Вортаро некоторое время подыскивал нужное слово. — Как карлики?

— Это **и есть** карлики, — хмуро подтвердил Шарик. — Взрослые, по крайней мере столетние, ведь одна из самок снесла яйцо. Плохенькое и несуразное, тебе даже не удалось

распознать вид, но все-таки яйцо.

— Ничего подобного мы не проходили, — честно признался Вортаро. — Я понимаю, один дракон-калека, но сразу столько?

— Травила она их! — догадался Шарик. — Они получали пищу с отравой, не росли, не становились умнее. Они же остались на животном уровне, понимают только простые указания, а помимо этого... Послушные, сильные, нетребовательные машинки.

Ней зашипел от боли:

— Капрал, вы мне руку сломаете!

Шарик сообразил, что слишком сильно сжимает плечо парня.

— Прости. Так бы и убил эту бабу.

— Подождите, а, собственно, сколько лет это могло продолжаться? Раз они уже взрослые? А эта женщина выглядит лет на сорок, не больше, — размышлял Вортаро.

— Хороший вопрос. — Полузакрыв глаза, капрал приподнял голову, ноздри его задрожали, как будто он что-то вынюхивал. — Попробую заглянуть в её мысли, может, и узнаю что-то полезное.

Вортаро наблюдал за лицом капрала, по которому проплывали неконтролируемые гримасы, будто дракон пробовал выразить такие чувства, для выражения которых его мышцы были не приспособлены. Одно было ясно: оскаленные зубы у дракона не являются милой улыбкой.

Внезапно раскрыв глаза, Шарик глухо зарычал.

— Убью её! Убью! — взревел он. Несколько мгновений он тяжело дышал, растопырив пальцы (будучи в старом теле, этим жестом он выпускал когти). — Это **дракониха**, Ней. Дракониха... — с ужасом прошептал он наконец.

Невозможно, подумал Вортаро, чувствуя, что все его члены точно налились ледяной водой. Но он знал, что капрал говорит правду. Этот заброшенный дом, явно случайный подбор запылённой мебели, выглядевшей так, будто никто и никогда к ней не прикасался, — люди так не жили, а уж тем более женщины, которые от природы склонны обустраивать и украшать окружающее их пространство, странный наряд хозяйки — всё это слишком подходило, а может, точнее сказать, **не подходило** одно к другому, совершенно в драконьем духе. Конечно же дом никто ей не сдавал, дракониха просто присвоила его разбойничьим правом в качестве временного жилища, и ничего бы не обнаружилось, если бы по безопасности она не начала выпускать своё маленькое стадо на ночную охоту. Видно, появились проблемы с продовольственным снабжением.

— Я не ошибся. Маскируется она хорошо, но всё-таки допускает промахи! — возбуждённо говорил капрал. — Меня она не почуяла, не хотелось ей проверять. Думает, что ей попался просто глупый малец и какая-то недотёпа. Ну так мы её ещё удивим, — ожесточённо добавил он.

Вортаро всё ещё с глубокой грустью смотрел в окно. Драконы, как кучка любопытных детей, привлечённых новыми лицами, по-прежнему крутились поблизости.

— Тут вот печка, в доме есть ещё три, — сказал капрал.

— Вы думаете, что некоторые... могут быть её детьми? — выдавил из себя Ней.

— Предпочитаю так не думать. Хотя она наверняка совершенно безумна и на это способна, — решил дракон. — Как решётки? — Он попробовал было рвануть, но бесполезно.

— Пролёт.

— А пол?

Между запылёнными досками виднелось множество щелей. Вортаро вынул из ножен саблю и подцепил одну доску.

— Бесполезно, нам пришлось бы делать подкоп под фундамент, а уж столько времени нам эта бабища наверняка не даст. В лучшем случае только до сумерек. А как она представляет себе превращение в котлеты двух взрослых людей с саблями? — поинтересовался Вортаро.

— Если у неё есть ружье, она может нас достать даже через окно.

Они невольно взглянули на разбитые стекла, а потом на потолок. Он выглядел весьма многообещающе, весь был затянут паутиной, а там, где обвалилась штукатурка, красовались огромные заплаты.

— Если только проклятый дедок не покрыл балки железными плитами, мы в два счёта будем свободны, — пробурчал капрал.

Оказалось, что мания прежнего хозяина, по счастью, не коснулась потолка, а саблю, хоть она длинна и не предназначена для такого рода работ, вполне можно использовать для разборки потолка.

— Только смотри, осторожней там, чтоб клинок не треснул, а то Луана тебе голову оторвёт за порчу снаряжения, — предупредил снизу Шарик.

Опершись на стену, он держал младшего коллегу на плечах, поскольку даже в теле с виду нежной девушки был намного сильнее Вортаро.

— Мы слишком сильно шумим, — выдохнул парень, вытирая запорошенные пылью глаза и вытряхивая известку из волос.

Капрал насторожился, прислушиваясь.

— Уже явилась!

Ней соскочил с его плеч и тут же принялся долбить дверь ногами и вопить изо всех сил:

— Выпусти нас, дура ненормальная! Я на тебя в суд подам! Сгниёшь в тюрьме!

Дракон присоединился к нему, дубася по дверной ковке рукоятью сабли и выкрикивая очень искренние ругательства. Это длилось несколько минут, потом Шарик хлопнул Вортаро по плечу:

— Хватит, ушла она.

Тяжело дыша, паренек сполз по дверям на грязный пол. Ему удалось оторвать три доски от настила потолка и открыть пустое пространство между балками, а через щели просачивался серый вечерний свет.

— Ещё те, сверху. Только вот не знаю, господин капрал... пройдет ли ваш бюст.

Шарик искоса взглянул на него.

— Ней, а хошь по лбу?

Шарик подскочил, одной рукой зацепился за край дыры и повис. Вортаро поспешил его поддержать. Когда Шарик взялся за доски, у Ней чуть ключицы не сломались от тяжести — так сильно дракон давил на его плечи. Раздался треск.

— Первая. Снова треск.

— Вторая. Эй, там, внизу, держишься ещё?

— Держусь, — простонал Вортаро, — но вы там поскорее.

Наконец дыра стала такой большой, что Шарик смог подтянуться и влез в комнату на верхнем этаже. Вортаро подал ему обе сабли. Капрал нагнулся в пролом и схватил напарника за руку.

— Я слишком тя... — Рывок заставил практиканта умолкнуть на полуслове, через отверстие дракон легко втянул его до пояса наверх, точно нитку в игольное ушко.

Ней сам выкарабкался уже полностью и поднял с пола оружие. Шарик только покачал головой над своей: не чувствовал он себя уверенно с саблей в руке, а носил её только потому, что так полагалось по уставу. Он тосковал по прежним своим клыкам и когтям. Трансформация оказалась не лучшей идеей.

И совсем это не трудно. За эту штуку надо держаться, а острым концом бить, утешал себя дракон.

Они потихоньку выбрались из помещения. В коридоре царил душный полумрак, вонявший пылью и мышинными отходами. Жалкие остатки вечернего света, падавшего из открытых дверей комнат, резали темноту на квадраты. Приближалась самая мрачная пора суток — два часа между заходом солнца и восходом двух лун.

— В лестнице есть дыра, — шепнул Вортаро Шарiku прямо в ухо. — Где эта сука?

Дракон проверил.

— Она не в доме, — шепнул он в ответ.

Ступени скрипели немилосердно, так что у беглецов мурашки по коже бегали. Вортаро подумал, что по крайней мере в этих скудно обставленных помещениях им не придется спотыкаться о мебель. И вот наконец выход — только бы двери не были закрыты на ключ! Но кому бы пришлось в голову запирать их на таком безлюдье? Паренёк осторожно приоткрыл двери. Интересно, что стало с их конём?

— Куда это мясо собралось? — спросила дракониха, целясь ему прямо в живот из винтовки.

За её спиной притаилось несколько тёмных силуэтов с горящими алыми глазами.

Три секунды...

Порой именно столько времени отделяет живое существо от смерти. Ровно три секунды. Одну капрал Шарик потратил на оценку ситуации, другую — на то, чтобы откинуть с линии выстрела этого несчастного щенка Нея, а третью длился его прыжок на дракониху. С рёвом, шумом и по-боевому оскаленными зубами. Светлые волосы развевались за его спиной, точно хвост кометы.

На четвёртой секунде его достиг выстрел в грудную клетку.

Дракониха не успела перезарядить ружьё, когда на неё напал драконер с саблей в руках. Первый же удар изогнутого клинка снёс дуло ружья, другой попал уже в тело, разрубая плечевую кость. Дракониха завывала и нацелилась когтями в глаза пареньку. Тот нагнулся и ткнул остриём ей в живот. Взбешённая, она всё не сдавалась, и он снова и снова рубил саблей, отчаянно мечтая только о том, чтобы это уже закончилось.

Карликовые драконы с враждебным ворчанием ринулись на помощь своей хозяйке. Их глаза горели во тьме точно угли.

«ПРОЧЬ! СИДЕТЬ!» — мысленный приказ удержал их так же прочно, как поводок. Растерявшись, они заскулили и улеглись на землю. Один, наиболее рьяный, всё-таки попытался укунить Вортаро, но получил пинок в морду и удрал. Карликовые драконы разбежались с жалобным писком по заросшему саду. Рухнули основы их мирка. Последним ударом Ней отрубил драконихе голову, и она покатилась по дорожке, всё ещё беззвучно клацающая зубами. Вортаро, чувствуя, как желудок поднимается к горлу, начал судорожно сглатывать слюну, стараясь подавить тошноту.

«Ней, блевать будешь потом».

— Шарик! — Вортаро кинулся к капралу.

В густеющем мраке он едва мог разглядеть, как дракон, приподнявшись на локте, прижимает руку к груди. Между его пальцами сочилась кровь — она казалась чёрной, как смола.

«Дышать трудно».

— Прошу тебя, не умирай!

«Только без истерик, хорошо? — Шарик тяжело закашлялся, и кровь потекла по его подбородку. — Эта стерва испортила мой мундир. Нанди будет ворчать».

— Вы тяжело ранены! Пожалуйста, только не это! — простонал Вортаро.

Он начал расстёгивать кожаную куртку раненого.

— Руки прочь, Ней. Не смей лапать меня за грудь, — с трудом прошептал дракон.

«Не могу я помереть в таком виде, — добавил он уже мысленно. — Вот будет облом, если меня положат в гроб в бабском теле. Не рыдай, сейчас кровь остановится. А к утру я выведу пулю. Только помоги мне перебраться под крышу и принеси воды».

Вортаро осторожно взял на руки стройное тело и понёс его в жуткий дом. Выбрал первое попавшееся помещение и осторожно опустил свою ношу на пол.

— Как только луна взойдет, пойду поищу воды и каких-нибудь одеял, — пообещал он.

— Вортаро... — тихо отозвался дракон. Он дышал очень неглубоко, говорил рваными фразами. — Всё будет хорошо. Тебя она бы убила... Расчёт простой. Мы остались... живы... потому что на меня она... не... обрати... ла вни... мания.

— Вы лучше помолчите. Мы потом поговорим.

«Вортаро Ней, окажешь ли ты мне честь дать каплю своей крови, чтобы я мог обрести более подходящее тело, чем это?»

— Конечно, господин капрал, — шепнул в ответ парнишка, опускаясь на колени рядом с раненым. — Для меня это тоже большая честь.

Три дня спустя

— Капрал уже полностью пришёл в себя, — сообщил Вортаро, глядя через открытые двери на дворик у конюшни.

Кучка драконьих сирот с восхищением и преданностью смотрела на большого дракона, который муштровал их точно отделение рекрутов.

Справиться с этой компанией оказалось легче, чем навести порядок в кладовке. Достаточно было поманить оголодавшее стадо драконов миской с объедками. Они мгновенно приняли тот факт, что приказы им теперь отдаёт другая особа. Сначала это была большая дракониха, теперь — большой дракон, разница для них была почти, неуловима. Кто-то по-прежнему стоял во главе стада.

— А чем он, собственно, занимается? — заинтересовался Линус, тоже выглядывая во двор.

— Селекцией. Проверяет, кто из них посмышлнее, этих он намерен оставить. А остальные... хм, надеюсь, генеральша их приютит. — Вортаро принялся щёткой наводить глянец на башмаки. — Я как раз к ней собираюсь. Скорее всего, она заглотит наживку. В конце концов, легальное разведение ленгорханов — это вам не фунт изюму.

— А моя мать знает? — спросил сержант. — Или это снова самостоятельный почин Шарика?

— Госпожа капитан всё знает и согласна. Она сказала, что нам пригодилось бы побольше воздушных разведчиков.

— Если я велю тебе «прыгай», ты должен только спросить: «Как высоко?» Ясно? — донёсся со двора суровый бас Шарика.

— Как высоко? — послушно пискнул дракончик.

— И так держать!

Госпожа капитан медленно и раздумчиво писала предварительный отзыв о практике Вортаро Ней. Она исписала почти целый лист пергамента, без особо восторженных выражений, осмотрительно составляя предложения, тем не менее такие слова, как «отвага» и «компетентность» нашли там своё место. Внизу листа оставалось ещё довольно много места. Безжалостная Луана задумчиво прикусила кончик пера, потом буркнула:

— Да что там...

И размашисто дописала: «ЛЮБИТ ДРАКОНОВ...»

АНДЖЕЙ ПИЛИПИК (Перевод с польского Андрея Беянина)

Личный ангел Вендеровича

— Вот тогда-то я и научился не лезть под ноги карликам. — Якуб окончил рассказ и налил друзьям ещё. Самогон у него славился на всю округу.

— Хрень какая-то, — недовольно буркнул казак Семён. — Вот у меня в Маньчжурии было приключение...

Псевдоучёные рассуждения собутыльников прервал стук в дверь.

— Кто бы это? — удивился Якуб Вендеройич.

Менты стучали совсем иначе — обычно подбитыми железом сапогами, рукоятками пистолетов или дубинками; друзья входили всегда без стука, а почтальон стучал дважды, но

до сих пор появлялся здесь нечасто. Один раз старый экзорцист вовремя дал ему на лапу, и с тех пор все повестки возвращались к прокурору с пометкой «Данный адресат по указанному адресу не проживает».

— Входите! — крикнул хозяин. Рука под столом привычно нащупала спусковой крючок фронтального ППШ.

Гость был один, в костюме, лет сорока, интеллигентной внешности, с кожаным дипломатом в руках, лицо какое-то психопатическое, но тем не менее очень знакомое...

— Господа Вендерович, Корчашка и Панченко? — вежливо спросил он.

— А кто спрашивает? — пробурчал экзорцист. Этот тип ему чем-то сразу не понравился. Аж в животе всё узлом свернулось — интуиция!

— Я представитель министерства культуры, из отдела сохранения народного наследия.

— У меня нет никаких икон. Здесь вы их не найдёте, — двусмысленно ответил Якуб, демонстративно обводя автоматом стены. — Моя хата тоже не памятник архитектуры. Про остальных молчу...

Семён тоже промолчал, но с его груди волшебным образом «исчезли» ордена, которые он получил со времён Первой мировой войны в Маньчжурии.

— Тот германский мотоцикл уже давно пошёл на лом, — затравленно добавил Юзеф, — и я его не крал! Нашёл у себя в сарае, кто-то ошибся и поставил...

Человек с дипломатом мягко улыбнулся:

— Извините за недоразумение, господа, но я пришёл предложить вам работу.

Три старика-пенсионера с удивлением покосились друг на друга.

— А что конкретно надо делать? — подозрительно спросил за всех Вендерович. — Опять уложить Ленина в мавзоле?

— Всё гораздо проще, — усмехнулся гость, — мы организуем недалеко от Варшавы большой скансен² польской деревни...

— Мою хату в музей хотите превратить?! — прозрел экзорцист. — Не отдам, пся крев!

Для придания большего веса своим словам он тут же выпустил очередь из ППШ в угол дома. Думал, что тип из министерства сейчас же бросится наутёк, но тот оказался, по-видимому, не робкого десятка. Он только прикрыл глаза, чтобы в них не попала труха...

— Почему сразу так нервно? — спросил мужчина. — Зачем нам ваша хата? Нам нужны вы!

— И чем конкретно мы там будем заниматься? — поинтересовался старый казак.

— Будете аттракционом для туристов. Сразу скажу, что вам придётся спокойно делать то же, что вы делали до сих пор: изготавливать самогон и там же пить его! Народные песни, мат и пьяные драки только приветствуются, если, конечно, они не задевают экскурсантов. Закусками вас обеспечат. Контракт бессрочный.

— А что с ментами? — напрягся седой Юзеф. — Не будут нас гонять?

— Нет, в скансен мы будем пропускать только гостей-туристов.

Друзья переглянулись — предложение выглядело подозрительно заманчиво...

— Звучит не хреново, — мурлыкнул Семён, подкручивая ус. — Если ещё и гроши капать будут...

— В принципе я тоже не против, — поддержал его Юзеф Корчашка. — А сколько платите? В злотых или в валюте?

— Ну уж нет! — возвышаясь над столом, упёрся Якуб. — Я не позволю делать из себя обезьяну в клетке! Пошёл к чёрту в дулу...

— Зачем же сразу к чёрту и именно в дулу? — чуть скривился гость. — Давайте лучше выпьем и поговорим. Быть может, мы всё-таки найдём общий язык?

— Выпить можно, — охотно согласился хозяин, — но, может, ты хочешь меня опить

² Музей под открытым небом, в котором собраны этнографические памятники из различных районов данного края; в основном это памятники народного деревянного зодчества.

и подсунуть контракт?!

Трое друзей-пенсионеров сипло рассмеялись — не нашлось ещё человека, который бы перепил самого Вендеровича! Тип из министерства пожал плечами, достал из дипломата бутылку зубровки 1,75 и полпалки самой лучшей чешской салями. Не чинясь, смахнул пыль и уселся на лавку. Вендерович расстелил газеты и поставил четвёртую ёмкость.

— За здоровье скансена! — Вся компания взметнула полные стаканы к сорокаваттной лампочке. Опрокинули быстро, пошло легко, тяжёлым было лишь пробуждение...

Сознание возвращалось с большим трудом. Якуб открыл глаза и увидел над собой деревянные балки. Потом всё поплыло зелёными пятнами.

— Вот курва, переусердствовали немножко...

Он старательно порылся в памяти — почти беспросветная мгла и редкие вспышки образов... Пили, пили и пили... Министерского мерзавца вырвало прямо на его же костюм, но он продолжал разливать всем дальше. Сколько в дипломате было этих бутылок? Старый экзорцист попытался вспомнить и сосчитать — пятнадцать штук?! Но у него троилось в глазах, значит, только пять. Больше двух литров на одного! Ёу-у, не может быть, чтобы этот городской столько выпил! Но пил наравне, не пропускал, все следили... Холера ясна, надо же, какой крепкий парень попался...

Вендерович осторожно открыл один глаз. Голова закружилась, пятна сменили цвет с зелёных на синие и увеличили скорость мельтешения. Якуб с трудом встал на ноги и, хватаясь за стены, осмотрел комнаты. Кровать из досок, полосатый матрац, деревянные полы, глиняные тарелки на стенах...

— Хуже только ядерная война. — Хриплый голос с трудом вырвался из ссохшегося горла.

Якуб подошёл к столу. На нём стоял старый металлический бидон. Он поднял крышку и принялся. Хм... рассол?! Экзорцист сделал несколько больших глотков. Желудок взбунтовался, но старик ударил кулаком по животу и потушил пожар революции в зародыше...

— Где же я? — Он пнул дверь.

Как оказалось, она вела в соседнюю комнату, а там на широкой бабьей кровати, с расстёгнутой шириной, «студенческим праздником» кверху, дрых Юзеф.

— А ну просыпайся! — Вендерович бескомпромиссно взболтал друга. — Где мы находимся?

Тот кое-как продрал глаза и поморщился.

— Тише, — прохрипел он, зажимая виски, — мы в скансене.

— Что?! — Якуб взвыл так, что у его верного собутыльника глаза чуть не вылезли из орбит. — Матка Бозка, по какому праву?!

— Ты же сам ему предложил! — приподнявшись, заорал в свою очередь бледный Юзеф. — Вы заключили пари, что если он тебя перепьёт, так мы пойдём в скансен, а если ты его перепьёшь, то целый год он будет нашим рабом! Но раз уж тебе, дураку, так захотелось рабов, так надо было сразу сказать, набрали бы их себе где-нибудь в Африке. А теперь из-за тебя мы в полной заднице!

— Перепил меня? Он?! Невозможно!

— Да, перепил! Встал из-за стола и ушёл с договором, а мы остались под столом.

Одураченному Якубу оставалось схватиться за сердце и глотнуть свежего воздуха на улице, выход был рядом.

— Пся крев, ну и влипли же!.. — с чувством выругался он.

Хата стояла на пригорке. Вокруг тянулись чудесные холмы, и длинными рядами стояли другие домики. Рядом с домом был хороший сад, в котором зрели яблоки и сливы. Соседний дом выглядел русской избой и стоял перед Якубовым, как кулак под носом — видно, её поставили специально для эмигранта Семёна. Двухметровый казак перегнулся через забор и блевал, как вулкан Этна. От этого жуткого зрелища Вендеровичу почему-то полегчало на

душе: по крайней мере они все здесь и никто не потерялся.

— Хорошо, — сказал он, увидев, что Юзеф вышел из хаты, — только похмелимся немножко и уходим из этого зоопарка!

— Вы опять нервничаете, — раздался знакомый голос за его спиной. — Вам здесь что-то не нравится или вы ещё не всё осмотрели?

Экзорцист медленно обернулся и круглыми глазами уставился на появившегося из ниоткуда министерского хлыща. Эта сволочь пила наравне с ними, перепила самого Якуба, а по его свеженькому виду никак скажешь о вчерашнем бухалове! Да, такому здоровяку не стыдно и проиграть...

— Договор, подписанный в состоянии алкогольного опьянения, недействителен, — для порядка насупился экзорцист. — Захотим — так уйдём отсюда. И что? Полицию позовёте, удерживать нас силой?!

— Пан Вендерович, — нежно улыбнулся скользкий тип, — уйдём... полиция... силой... зачем же так некультурно? Может, сначала посмотрите...

— Может, сначала посмотрю, — хмуро кивнул Якуб, — но после опохмелки уйду!

— Прошу за мной!

Они вдвоём направились через сад к сараю. По дороге Вендерович рвал с дерева сливы и пробовал: вкусные даже незрелые, а уж созреют...

— Лучший сорт для сливовицы, — похвалился министерский или кем он там был, — даже сахар не приходится добавлять.

Дойдя до сарая, ногой, демонстративно, распахнул дверь. У Якуба душа ушла в пятки... Перед ним стоял самогонный аппарат величиной с паровоз! Котлы, печка, спирали, краны, железные элементы чернели свежей краской, а вентили сверкали отполированной латунью. Только один раз он видел что-то подобное, когда трёхлетним ребёнком пробрался с дедом на царский водочный завод.

— Вот это... мне?! — не веря своему счастью, выдохнул пенсионер.

— Вам! Не примете глоточек для дегустации?

Якуб зачерпнул брагу кружкой и попробовал:

— Идеальная...

Поленья в печь они подбрасывали уже вместе, в четыре руки.

— Может быть, действительно задержитесь здесь на несколько дней? Не пропадать же добру...

Около часу дня из крана потекла первая ароматная струйка. Экзорцист глянул на термометр, увеличил температуру пара.

— Девяносто два градуса, — оценил он. — Юзеф, тащи сюда Семёна, похмеляться будем!

Человек из министерства сдержал слово и в плане закуски — на столе лежали газеты, а на них колбаса. Она не только привлекательно выглядела, но и на вкус была чудесной.

Выпили, закусили, подумали...

— Задержимся, панове!

После обеда появилась первая группа туристов. Белые, чёрные, жёлтые... Национальности на втором литре уже не вызывали интереса, глаз автоматически отмечал лишь общий цвет кожи проходящих. Гости смотрели на пирующих стариков, щёлкали фотоаппаратами, делали заметки в блокнотах, дивились на самогонный аппарат и шли себе дальше. Вендеровичу с компанией никто не мешал, и самое главное — не просили налить, попробовать...

— Какого хрена, Якуб, давай останемся здесь навсегда! — горячо доказывал Семён. — Здесь как... как... — Он искал подходящее слово.

— Как в раю, — нетрезво икнул Юзеф.

Оба друга уставились на него с пьяным удивлением. Формулировка была найдена идеальная.

— Это возможно? — спросил сам себя прожжённый экзорцист. — Да чтоб мы, такие

грешники, получили пропуск в рай?

— А может, это вербовка?! — Юзеф хлопнул себя по лбу, кардинально меняя тему. — От нас что-то нужно правительству, и они шлют агента из спецподразделения...

— Холера ясна! — важно согласился старый казак. — Тока на черта мы им?!

Допив, все ненадолго задумались. У Вендеровича с правительством особенно не ладилось, не находили они друг для друга слов любви. Привычно плюнув на неразрешённую проблему, он молча налил себе новый стаканчик. Застолье продолжалось...

Человек из министерства стоял на пригорке, обозревая с высоты, как хорошо развивается запойное предприятие. Это была, несомненно, блестящая идея! Неожиданно воздух заколебался, и перед ним из ниоткуда вырос начальник.

— Вот ты где, экспериментатор, — сквозь зубы процедил он, хватая подчинённого за рукав. — И что же ты, сукин сын, наделал?!

— Но, Ключник! Я всё объясню!

— Только быстро и убедительно. Что означает вся эта гадость?

— Значит, так: девяносто лет я был ангелом-хранителем Вендеровича...

— Только ты не уследил за ним и сам научился пьянствовать, — оборвал начальник.

— Нет, я научился...

— Чему?! Говори конкретно!

— Время, которое ему было отпущено, вышло, и мы послали Смерть...

— Помню, знаю, сам склеивал её суперклеем, твой Вендерович успешно расстрелял её трофейным фаустпатроном. И что?

— Ну, так как она ушла отдохнуть на костылях, а срок жизни Якуба давно истёк, мы хотели послать её за ним ещё раз, но она категорически отказалась. Тогда я решил немножко изменить правила.

— Немножко изменить, говоришь? — уже почти зарычал святой Пётр. — Всем надо умирать. Чтобы человек мог воскреснуть в день Страшного суда, он прежде должен умереть! Таков закон!

— Но я изменил самую малость...

— Это саботаж! Якуб и его собутыльники — неисправимые грешники. Им надо жариться в пекле! Так им суждено, и быть посему!

— Но в пекле мы были! Туда их не взяли. В своё время Вендерович устроил там серьёзный погром, залив целый квартал святой водой. Кто его туда пустит во второй раз? Тогда и появилась идея... — пытался объяснить ангел-хранитель.

— ...Взять их на работу как аттракцион для туристов?! — договорил начальник. — Ты нарушил двадцать параграфов устава, превысил должностные полномочия... Ну и как же они у тебя всё-таки умерли?

— Качество алкоголя плюс мой личный пример, — неуверенно похвалился подчинённый. — Приятная вечеринка была! Похмелье тяжеловатое, правда... Но в конце концов последний умер. Печень не выдержала...

— Значит, к списку проступков мы можем добавить ещё и факт пьянства с грешниками. И всё это на работе, — упрекнул святой, — и, как видно, не в первый раз?!

— Грешен...

— Итак, что мы имеем? — Ключник вытянул из воздуха персональный портфель. — Пятнадцать выговоров за восемь последних веков. Все люди, которых ты должен был воспитывать, стали алкоголиками и неврастениками...

— Но мне всегда попадался плохой человеческий материал! Вот я и...

— И ты захотел хоть один раз поправить свою ошибку, то есть хотел как лучше... — Ключник устало вздохнул. — Ну ладно, Бог тебе судья... По крайней мере, теперь мы знаем, кого подозревать в распространении самогона в раю и в контрабанде спирта-сырца в ад. Я даже уверен, что ты придумал собрать самогонный аппарат ТАКОГО размера для производственных целей. Холера, и ведь не нашли никого лучше командировать к

Вендеровичу, как самого большого алкоголика среди ангелов! Тебе давали последний шанс...

— Но... всё это во благо, в хорошем смысле...

— Ага, результат виден невооружённым глазом, — буркнул Пётр. — Значит, слушай мой приказ: уберёшь этот бардак. Мигом! И пошёл вон на землю! Поработаешь обычным милиционером в ГАИ. Ни о ком не будешь заботиться, ни за кого не надо нести ответственность, только ходи и делай хорошие поступки, по десять штук каждый день! И, может быть, через сто лет... К чёрту, через семьдесят, уговорил, мы вновь вернёмся к твоей кандидатуре. А этот самогонный аппарат сегодня же выбросишь! Чтоб следа его не осталось! А то ещё кто-нибудь соблазнится... Шагом марш!

— Так точно! — послушно выпалил ангел.

Якуб проснулся под столом в собственной хате:

— Во пся крев, башка трещит, как наше правительство...

Его друзья приходили в себя, подавая голос из разных углов комнаты.

— Где же эта сволочь из министерства?

— Ушёл. Ты как выпил всю бутылку, так он сразу подсунул тебе контракт, а ты ему в лицо рассмеялся, — уверенно объяснил Юзеф. — А я видел такой чудесный сон, не поверишь...

— Про скансен? — фыркнул старый казак. — Я тоже видел, самогону там было...

— Ага, хоть залейся, — неожиданно для самого себя припомнил и Якуб.

Он пожал плечами и вышел из хаты подышать свежим воздухом. Встал на пороге, потянулся и неожиданно уловил знакомый запах...

— Что?! Я забыл выключить? — удивился он. Пошёл к сараю и открыл ворота... — Холера ясна-а-а!!! — ахнул экзорцист, сражённый увиденным до самой печени.

В сарае стоял самогонный аппарат. Но какой! Огромный, как паровоз! Котлы, печь, никелированные вентили, сверкающие краны, отполированный змеевик...

Рядом стоял давешний тип из министерства: высчитывая уровень жидкости в котлах, он регулировал толщину струи из крана.

— Что это? — шёпотом спросил Вендерович.

— Когда вы отказались отправиться в скансен, я решил оставить устройство здесь, — ответил министерский чин. — Жаль, но у нас он всё равно будет простаивать без дела.

— Не будет, — свято пообещал Якуб.

— А если я, скажем, буду работать где-то неподалёку и загляну...

— Конечно, приглашаем! — улыбнулся новый хозяин «устройства».

Ангел улыбнулся в ответ. Первый хороший поступок совершён. И выполнен приказ — избавился от аппарата...

Агент «Добровольного содействия службам безопасности» Михаил Бардак, шатаясь, шёл к своей хате в тяжёлом похмелье. Жители Болеславиц провожали его взглядами, полными ненависти. Плохой тип, посадил уже не одного человека... Ангел подошёл к нему с бутылкой в руке, приятно улыбаясь.

— Распиваем на улице?! — хищно прищурился сексот, косясь на пол-литру.

Бывший ангел-хранитель вытащил из-за спины бейсбольную биту и от души приложил его по лбу. Потом наклонился над телом и дотронулся пальцами до артерии. Пульса не было. Вот и замечательно. Второй хороший поступок на его счету. Ещё восемь — и конец рабочего дня...

ГАЛИНА ЧЁРНАЯ

Кладбище дрессированных кошек

— Она была дрессированной?
— Нет, — обречённо выдохнул мальчик, он уже понял.
— Тогда не оживёт. А ты чего хотел? Раньше надо было думать, недрессированные не возвращаются...

Стивен Кинг

Мертвец пришёл к нему ночью, войдя в дом через запертую кухонную дверь. Это был его пациент, и только его ошибка, что этот человек умер неделю назад на операционном столе. А может, они все обманулись, празднуя очередной день рождения главврача, которые всегда проходили бурно, а в тот раз особенно весело; и конечно, он помнил не всё, вернее даже крайне мало помнил. Возможно, пациент отлежался в морге и пришёл в себя?

Доктор вдруг осознал, что, перепутав, вместо почки удалил ему печень и ещё что-то в придачу, поэтому всё-таки отдых не мог оказаться для трупа настолько живительным. Врач понимал это, хоть его диплом хирурга был куплен в переходе городской подземки, — годы практики с тремя операциями в неделю (пусть ни одна из них не обходилась без погрешностей) всё-таки сделали своё.

— Эй, привет, что ты здесь делаешь? — удивился хозяин, резко вскакивая, отчего сразу две подпорки у раскладушки согнулись, и он больно ударился об пол седалищем. — Как ты вошёл? Я же все двери на ночь запираю на три замка!

Пришелец вместо ответа молча поманил его за собой пальцем, придерживая другой рукой расползающийся на животе шов. Развернулся и прошёл сквозь стену.

Ночь была холодной. Доктора сбивала с толку способность мертвеца проходить сквозь стены, как будто это не кирпич, а какой-нибудь намокший гипсокартон. Потрясённый, он постеснялся попросить гостя подождать, пока оденется. Успел только сунуть ноги в тапочки и в итоге шёл теперь в трусах и майке, дрожа от холода и страха, что его увидят соседи. В болотной жиже, которую пришлось пересечь вслед за мертвецом, он утопил тапочку и жутко жалел, что не надел болотные сапоги.

Когда покойник наконец остановился, доктор перестал дрожать от холода и, отвлёкшись от беспокойных мыслей о том, что теперь придётся тратиться на новые тапочки, огляделся по сторонам. Они находились у высокой ограды...

— «Кладбище дрессированных кошек», — прочитал он надпись на кривой табличке. — И зачем ты меня среди ночи сюда привёл? Мне, между прочим, к восьми на работу в соседний город. Надеюсь, у тебя была достаточно веская причина?

— Да, я должен был показать тебе это.

— Что, надгробия кошачьих могил?

— Не трогай эту помойку. Если ты приблизишься к ней, зло войдёт в твой мир. — Живой труп дёргающейся рукой указал на большую гору мусора, возвышавшуюся на границе погоста и городской свалки. Рука дёргалась так сильно, что ему пришлось придержать её второй, от чего толку было чуть, потому что она тряслась не меньше.

— И что я, дурак — разгребать помойку в могильнике, когда каждый день обновляются городские мусорные контейнеры? Я уже полно такогохламадомой натаскал. Скажи это лучше кладбищенскому сторожу, если для тебя это так важно.

— Он в курсе, — сдержанно ответил мертвец.

— Что там за шум? — Из халупы на окраине кладбища, которую доктор не сразу и заметил, до того она была крошечная, под стать кошачьим надгробиям, вышел омерзительно скрюченный старик, похожий на пьяную королеву Викторину. — Ах, опять ты, и дружков уже водишь?! Я же каждую ночь тебе говорю: не собираюсь я к ней даже прикасаться, к этой твоей куче. Мне не так много платят, чтобы я пачкал руки лишний раз!

Доктор плюнул, развернулся и, не обращая ни на кого внимания, ушёл к себе. Оставшуюся тапочку он гордо зашвырнул в ту же кучу кладбищенского мусора...

На следующую ночь мертвец пришёл снова. А потом на третью и на четвёртую... Хорошо ещё, что доктор с женой спали в разных комнатах на разных этажах после ссоры из-

за его проблем с алкоголем. На кухне, где он теперь обретался чуть ли не круглые сутки, была дверь на улицу, и супруга пока не видела inferнального гостя, а то обязательно бы решила, что это спаивающий его приятель-забулдыга.

— Ну извини, извини, что вместо почки вырезал тебе печень. Ты что, сам ни разу в жизни не ошибался?! Опять поведёшь на кладбище? А что дальше? Мы снова встанем у той кучи мусора и ты напомнишь мне, что, если её вывезти, это обернётся трагедией для всего человечества?! И ты всегда ведёшь кружным путем, обязательно через дурацкое болото, чтобы я мог вернуться только к утру. Хотя от моего дома туда ведёт мощёная дорожка и всего пять минут пути. Понимаю, у тебя полно свободного времени, девать некуда, но я работаю, мне семью кормить надо, ты-то уже избавлен от таких забот. Выбери себе другого товарища для ночных прогулок, а про печень забудь. Я ведь уже попросил прощения, — сердито и обиженно нуд ел доктор, натягивая одеяло по самый нос и недвусмысленно давая понять, что прогулка отменяется. Сегодня он решил положить конец этому бреду.

Покойник был расстроен, но удержался от поправок.

— Хорошо, тогда вместо меня будет приходить кот, который принесёт с собой в этот мир большое зло. Я же желал тебе добра, глупец!

— Надеюсь, хотя бы кот всё же не будет так вонять и следить везде? А то ты вечно натаскаешь грязи своим сорок шестым размером, а жена винит меня и заставляет после работы отмывать полы до самого чердака, такая уж она у меня чистюля, — с нежностью и раздражением сообщил доктор, словно это кого-то интересовало.

— Хорошо же, ты сам сделал выбор, — скорбно произнёс мертвец.

С тех пор хирург больше не видел своего бывшего пациента, но следующей же ночью в положенное время у его постели появился матёрый котяра чёрной масти в белом меховом галстучке и таких же носочках. Доктор сонно оглядел кота — уже пятые сутки ему почти не доводилось спать, кроме как на работе, в больнице. Животное выглядело довольно невинно, и доктор попробовал его игнорировать.

— Милый котик, дай поспать, а? — попросил он, отворачиваясь к стене.

— Мр? Мр-р-рмя-ав!!! Мря-а-а-ав!!! — заорал кот, сразу взяв полный голос. Он умел обрабатывать клиентов.

— Ладно-ладно, что тебе нужно? Только не вопи так больше, у меня чуть сердце не разорвалось! — Доктор поспешно вскочил, опасаясь, как бы не проснулась жена.

Встретившись с ледяным взглядом кота, он почувствовал настоящий ужас. Глазами животного на него смотрели мириады обитателей потустороннего мира. Но через мгновение наваждение исчезло, кот умильно щурился и стал самым что ни на есть обыкновенным котярой.

Однако стоило доктору подумать так и успокоиться, как животное вдруг раскрыло пасть и заговорило, разом отменяя имидж нормального кота:

— Не бойся, она не проснётся.

— Ты разговариваешь?!

— Как ви-идишь, у-умник...

Постепенно они притёрлись друг к другу и разговорились. Кот при жизни работал в цирке. Доктор тут же попросил его показать пару трюков. Кот снисходительно пожонглировал припасённымидохлыми мышами и прошёлся туда-сюда по натянутой на кухне бельевой верёвке. Доктор искренне аплодировал, даже не задумываясь об абсурдности происходящего.

Потом они вместе прогулялись до кладбища, и доктор ближе познакомился с кладбищенским сторожем. Ему казалось удивительным, что у такого маленького погоста, к тому же для животных, есть сторож, но старик сказал, что он бывший дрессировщик, поэтому эта работа ему близка — быть рядом со своими подопечными и после их смерти. К тому же местным законом предусмотрена должность сторожа кладбища дрессированных животных, поэтому ему даже платят зарплату из городской казны. Это было странно, но доктор ему поверил.

Вскоре ему пришлось бросить работу и под угрозой развода полностью перейти на ночной образ жизни. Биологические часы изменились, ему уже не хотелось спать по ночам, он получал болезненное удовольствие от тайных прогулок по местным кладбищам на пару с котом. Даже адское животное начало уставать, несмотря на двужилкость, которую получило после смерти. Если вы не догадались, он, как и жертва врачебной халатности, тоже давно имел прописку в потустороннем мире, правда, умер не на операционном столе, а попросту от многолетнего объедания уценёнными кошачьими консервами. Сам доктор от души наслаждался ночным воздухом, тишиной, звёздами и всегда говорил:

— Кладбищенский воздух очень полезен для здоровья, как он свеж, как тут хорошо и спокойно, просто чудно! Мы совершаем эти восхитительные ночные прогулки по погостам всего месяц, но я уже чувствую, как улучшилось самочувствие, стала легче походка, чище лёгкие и прямее спина. Даже горб, который мешал мне плавать на спине, почти исчез. По ощущениям мне снова двадцать! Давай-ка сходим ещё на новое кладбище на противоположном конце города. Его недавно открыли, и мы там ещё не были. И покажи мне ещё разок тот трюк — как у тебя шестнадцать дохлых мышек летят косяком. Никак не разберусь, как ты их заставляешь это делать?

— Мэр-р-рау!!! — неожиданно взвыл кот, обречённо закатывая глаза. — Никаких больше фокусов и жонглёрства, сейчас я скажу тебе то, что хотел бы сообщить при иных обстоятельствах, доведя до кондиции или полупомешательства от страха. Но, кажется, мне этого не дожидаться. Я, видите ли, недостаточно ужасен для тебя... Что ж, тем лучше для дела.

— Да куда там ужасен, ты просто прелесть! И всё-таки вернёмся к мышкам: как ты ими жонглируешь?

Кот оскорблённо мявкнул и выпустил когти, грозя ему лапой. Доктор поспешил спрятать усмешку. В одном он был прав: его пушистый попутчик и в гневе смотрелся потрясающе умильно.

— Премного благодарен, — буркнул кот. — А теперь слушай. Ты в полном неведении, и эта новость будет для тебя шоком, но... ты выпустил в мир демона! Ха-ха-ха-ха! То есть мяу-а-у! Такие дела...

— Какого ещё, к чёрту, демона? Когда?! Никого я не выпускал, у меня было такое идиллическое настроение, а ты его испортил, спасибо, — надулся доктор.

— Всегда пожалуйста, — злорадствовал кот. — Какого демона? Демона кладбища дрессированных кошек, конечно. Когда? Когда стал гулять со мной и слился душой с мёртвым котом, который стал для тебя дороже работы и жены. Я должен был устраивать тебе экскурсии и слушать твои разглагольствования, эскулап ты липовый, пока ты не приобретёшь в моей персоне закадычного друга и силой любви живого к мёртвому не вытянешь в свой мир моего повелителя. Моя миссия выполнена, до встречи по ту сторону смерти, док! Не каждый выдержал хотя бы неделю с таким занудой, который только и может, что часами рассуждать о пользе несвежей урины или диеты на картофельной шелухе, мм-брр...

— Попроси о прибавке к зарплате дохлыми мышами, — жутко обиделся доктор. — Сам ты любитель протухших консервных банок!

В ответ кот, злобно ухмыляясь, показал ему средний коготь, а потом в три прыжка очутился на вершине кучи мусора. Той самой, предупреждениями о которой пациент с неудачной операцией доводил хирурга: «Не трогать, не копать, не приближаться!» Обернувшись напоследок, дьявольское животное презрительно фыркнуло и исчезло на противоположной стороне мусорного холма.

— И что мне теперь делать? Он же говорил, что работал раньше в цирке, возглавлял труппу таких же дрессированных кошек, был лауреатом международных конкурсов! Поэтому я и принял его за интеллигентного, чуткого, порядочного! Как он мог так со мной поступить, предательский котятра... — неизвестно кому жаловался доктор, оставшись в

одиночестве и бессильно присев у груды мусора на могилу с надписью: «Здесь покоится Дымка, наша любимая кусака, умершая в день, когда Гагарин побывал в космосе. Мы тебя никогда не забудем!»

Рассеянно пиная ногой мусорную кучу, доктор эгоистично тосковал о том, что теперь ему, наверное, небезопасно будет гулять по ночам по кладбищам, раз какой-то там демон на свободе. Придётся распрощаться с полюбившимся времяпрепровождением, так благотворно влиявшим на его здоровье и душевное состояние, вернуться в больницу, опять общаться с благоверной — скука...

Наверное, лишь поэтому он не видел, как из-под помойной кучи, зловеще извиваясь змеей, скользит в его сторону полусгнивший кошачий хвост. Он мигом вполз под брючину, поднялся по ноге, и доктор невольно вскрикнул от резкой боли в копчике. Хвост нашёл себе нового хозяина!

— Дело сделано, — злорадно проскрипел кладбищенский сторож, отходя от грязного окна. — Вернитесь к работе, док, ваш скальпель прокормит всех наших демонов...

КЫНЧО КОЖУХАРОВ **(Перевод Ивана Иванова)**

Проклятие горного монастыря

Из цикла «Приключения детектива Дэя»

...Невероятный дар к языкам мастера Дэя уступал лишь искусству совершенной маскировки и перевоплощений, ну и конечно его способностям детектива. Ходили слухи, что в возрасте неполных сорока лет Дэй, случайно попав на Матанский турнир, выиграл его, продемонстрировав при этом свободное владение 1808 языками и диалектами...

...Точная дата и место рождения мастера Дэя доподлинно не выяснены. Известно лишь, что и по сей день Дэй отчаянно пытается вернуться в свою собственную эпоху, но это ему никак не удаётся, поскольку машина времени, с помощью которой он путешествует, повреждена...

www. greatdetectives. org

Первыми в сознание ворвались звуки: ритмичное поскрипывание, приглушённый топот копыт и тонкий мальчишеский голосок:

— Папа, а это верно, что монастырь Таренцо скоро уйдёт под землю?

Раздалась затрещина, сопровождаемая недовольным мужским рычанием:

— Говорил я тебе: не повторяй бабских сплетен! Если идущий следом за нами инквизитор услышит тебя, то достанется нам обоим!

— А кого он собирается уничтожить в монастыре? Монахов?

Снова недовольное рычание:

— Говорят, в монастырской библиотеке много еретических книг.

— А разве можно уничтожить книги?

Новая затрещина! Видимо, это ответ...

— Ай, папа! За что?

— Молчи, надоел уже! Если я буду отвечать на все твои вопросы, то они никогда не закончатся!

Звуки быстро удалялись.

— Не бе-эй меня, не бе-эй меня! — пропел где-то в отдалении неугомонный мальчишеский голос, затем всё стихло.

Пьемонтский, автоматически определил Дэй, говорят на пьемонтском, а поскольку они упомянули инквизитора, значит, я попал в Средневековье.

В висках проснулась пульсирующая боль, и мастер стиснул зубы, пытаясь сдержать стон. Если его заметят, инквизитору точно уже не будет дела до какого-то там болтливового подростка.

Дэй с осторожностью огляделся: прозрачные стенки машины времени были заслонены искривлёнными ветвями горной апеннинской сосны. Справа пересекались две сельские дороги, одна из которых переваливала за холм, а другая карабкалась по заснеженной горе. По первой медленно удалялась упряжка волов, тянущих гружённую сеном телегу. Небо было серым и неприветливым, ранняя весна или даже только конец зимы...

Дэй растер виски и поднялся — терять время было никак нельзя. Сначала нужно выйти, осмотреться и хорошенько замаскировать машину. Он нащупал ручку и приоткрыл дверь, которую тут же едва не вырвало порывом ветра. В воздух поднялось облако снежной пыли, когда Дэй спрыгнул на землю. Он отошёл на несколько шагов...

Осмотр со стороны дороги вполне успокоил его. Там, где находилась машина, виднелась только густая сеть ветвей с растопыренными зелёными иголочками — мимикрирующие панели отлично сделали своё дело.

Однако повод для беспокойства оставался. При такой плотной облачности придётся ждать по меньшей мере пару дней, пока зарядятся фотоэлементы аккумулятора. На это время нужно будет найти приют и компанию, чтобы не умереть со скуки. Да и суррогатная еда успевает быстро поднадоесть, а раз здесь неподалёку монастырь, то свежий хлеб и вино у них есть точно...

Дэй вернулся в машину, открыл дверцу гардероба, вынул ранец и задумался над тем, какой из восьми универсальных костюмов надеть.

Двое монахов натянули поводья, и их мулы застыли перед стоящим на перекрёстке человеком, одетым в костюм странника с капюшоном.

— Мир вам, братья! — произнёс Дэй, склонив голову. — Сделайте милость, укажите мне путь к монастырю Таренцо.

— Мир и тебе, брат, — ответил тот, что постарше, русоволосый мужчина лет пятидесяти с орлиным носом и квадратной бородкой. — Это вверх, в горы, но лучше иди с нами, мы держим путь туда же. С божьей помощью доберёмся за четыре-пять часов. — Ударив мула пятками по бокам, он продолжил: — Как тебя зовут? Откуда путь держишь?

Дэй широко зашагал рядом с ним.

— Я брат Дэй из Лалибельского монастыря в Эфиопии. Наш аббат послал меня с миссией в библиотеку Таренцо.

— А я брат Уильям из бенедиктинского ордена. Мой спутник Адсон. Он послушник и мой помощник.

Его голос звучал любезно и мягко, но когда Дэй поднял глаза, он встретил пронизывающий, подозрительный взгляд опытного инквизитора.

Заснеженные плоские вершины пиний образовывали настоящий свод, так что дорога под ними утопала в сумраке. Однако в начале крутого склона деревья расступились, и трое путников вышли на обширную поляну, которая озарялась солнцем. Брат Уильям близоруко прищурился при виде тысяч разноцветных танцующих точек, напоминающих светлячков, и начал рассеянно рыться за пазухой. В конце концов монах вытащил оттуда две линзы в металлической рамке и поднёс их к носу.

«Ага! — отметил про себя Дэй. — Вот и предки современных очков!»

Послушник Адсон указал за один из кустарников на другом конце поляны.

— Вот она, дорога!

Теперь и Дэй заметил припорошённые снегом очертания разбитой колеи и чьи-то следы, ведущие вверх и в сторону по склону. Пропустив спутников вперёд, мастер пошёл за ними. Оба мула сразу же провалились по брюхо в снег, но Дэй, несмотря на проторённый всадниками путь, тоже пришлось нелегко, он устал и проголодался.

Монахи терпеливо дожидались его у кустарника. Брат Уильям напряжённо всматривался в следы конских копыт, которые поворачивали здесь под прямым углом влево. Затем он протянул руку и что-то снял с одной из веток. Это было несколько длинных чёрных волос.

Длиннохвостый вороной конь с маленькими копытами и правильным аллюром, заключил Дэй. Если судить вон по той сломанной ветви, его высота в холке по крайней мере метра полтора. Всадника на нём не было, потому что чуть выше конь только что прошёл под большой кривой ветвью. Да и кому придёт в голову навещать верхом навозную свалку? А судя по запаху, там именно свалка — откуда ещё может исходить такая вонь в столь холодное время?!

Дэю было интересно узнать, что именно из увиденного сумел разгадать инквизитор, но решил, что разумнее будет промолчать. Через сотню пройденных метров его благоразумие было вознаграждено. Навстречу им вприпрыжку спускался монах, толстый и улыбчивый. На шаг от него отставал до удивления безобразный человек, вероятно послушник монастыря. Брат Уильям натянул поводья и подождал, пока эти двое приблизятся.

— Добрый день, — первым поклонился монах. — Я ключник Ремиджо. А вы, наверное, брат Уильям?

Бенедиктинец утвердительно кивнул.

— Сальваторе! — обернулся Ремиджо к послушнику. — Беги и предупреди его преосвященство господина аббата.

Раз уж монастырский ключник разыскивает коня, то конь наверняка принадлежит самому аббату, логично прикинул Дэй.

— Ценю вашу любезность, — отозвался инквизитор, — если ради нас вы приостанавливаете поиски коня, господин ключник. Не тревожьтесь, конь ушёл по тропинке к навозным удобрениям и там будет вынужден остановиться, так как дальше пути нет.

Сальваторе обернулся, бросил на брата Уильяма подозрительный взгляд и побежал вверх, прихрамывая на левую ногу, а толстяк раскрыл рот от удивления:

— Когда вы видели коня?

— Мы вообще его не видели, — ответил брат Уильям. — Но если вы ищете Брунелло, то он не может быть в другом месте.

Глаза ключника окончательно округлились:

— Брунелло?! Да, но... Откуда вы знаете его кличку?

Инквизитор снисходительно улыбнулся:

— Мы говорим о любимом коне господина аббата, не так ли? Высотой в семь ступней, с чёрным длинным хвостом, правильным аллюром, маленькими копытами и головой, с острыми ушами и большими глазами.

Дэю пришлось приложить немало усилий, чтобы не выглядеть подобно ключнику.

«Однако сильно! Я бы даже сказал, вполне профессионально. Ладно, согласен, хороший конь, очевидно, должен иметь острые уши и большие глаза, но как он узнал его имя — ума не приложу».

Когда ошарашенный Ремиджо удалился в сторону свалки, любопытство Дэя разыгралось не на шутку, и он не сдержался:

— Как вы узнали о кличке и острых ушах, брат Уильям?

Бенедиктинец склонился к нему и доверительно сказал:

— Не знал, что они острые, но был уверен, что монахи в этом убеждены. Они преклоняются перед авторитетами, а сам Исидор Севильский сказал, что красивого коня отличают маленькая голова и острые уши. То же и с кличкой. Брунелло! Нынче красивый конь просто не может зваться иначе.

Про себя же инквизитор ровно отметил: а он не так прост, этот эфиопский монах. Раз спрашивает только о кличке и ушах, значит, обо всем остальном сам догадался. Надо будет подробнее расспросить брата Дэя о Лалибеле.

Немногим позже на тропинке появился ключник, ведя в поводу красивого вороного коня. Приблизившись, он поклонился высокому гостю и, не сводя с него удивлённых глаз, широким шагом пошёл к монастырю. Бенедиктинец, однако, не торопился следовать за ним.

Правильно, одобрил Дэй. Чем больше чудесных подробностей он успеет рассказать о проницательности брата Уильяма, тем лучше нас встретят.

А вслух спросил:

— Брат Уильям, что привело вас в Таренцо?

— Долгие годы я был инквизитором, совмещая с этим обязанности церковного следователя, — вежливо ответил монах. — Без излишней скромности могу заметить, следователь из меня вышел весьма неплохой. Две недели назад аббат монастыря прислал главе нашего ордена письмо с просьбой о помощи, и тот, вспомнив о моих способностях, дал мне это важное задание. В Таренцо начинает исполняться страшное предсказание, и аббат крайне обеспокоен этим. Думаю, скоро мы разберёмся в том, какова истинная причина его беспокойства...

Видимо, рассказ ключника вознёс авторитет приезжего инквизитора до невиданных высот. Перед широко распахнутыми окованными железом массивными воротами путников ожидал сам аббат. Кроме бросавшегося в глаза доброжелательного лица из-под кожаного плаща виднелись пухленькие руки, обнимавшие большую книгу — Библию ин-кварто. Похоже, аббат стоял там уже некоторое время, поскольку, несмотря на меховой плащ, притопывал, чтобы согреться.

— Добро пожаловать, брат Уильям! Мы все нуждаемся в вашей помощи, ибо появились дурные предзнаменования. Добро пожаловать и вам, — продолжил настоятель, улыбнувшись спутникам бенедиктинца.

Брат Уильям и Адсон ловко спрыгнули с мулов и склонили головы перед аббатом. Дэй с поспешностью последовал их примеру.

— Всё, что в моих скромных силах, будет сделано, ваше преосвященство, — ответил, выпрямляясь, инквизитор.

— Нет-нет, — поторопился возразить отец настоятель. — Мы с вами братья во Христе — какое там преосвященство? Аббат — вполне достаточное обращение.

Брат Уильям слегка поклонился и с нарочитой улыбкой добавил:

— Надеюсь, брат Дэй мне поможет, господин аббат.

— Для меня это будет наивысшей честью, — постарался попасть в тон мастер Дэй. — Не знаю, достоин ли я такого доверия?

Аббат выжидающе посмотрел на бенедиктинца. Тот пояснил:

— Несмотря на то что брат Дэй прибыл к нам из туманной и жаркой страны, его взгляд ясен, а ум холоден, как у немногих.

«Как он пришёл к этому заключению?» — удивился Дэй, а затем неожиданно понял, от чего проникся вдвое большим уважением к церковному следователю. Не иначе как в результате вопроса о кличке и ушах! Действительно силён!

— Тогда я буду рассчитывать на вас обоих, — заявил аббат и, направляясь к воротам, добавил через плечо: — Следуйте за мной, братья...

Один из монахов отдернул большие занавеси, и зал для аудиенций заблестел в золоте полуденного солнца. Зал был внушительным, но неухоженным и очень пыльным. В углу горел камин, который, однако, разожгли незадолго до их прихода, поскольку в помещении всё ещё было холодно. Перед камином стояли круглый столик и три глубоких кресла. Аббат остановился перед одним из них и передёрнул плечами. Подбежавший монах снял с него плащ. Затем святой отец аккуратно положил Библию на столик и сел в ближайшее к камину кресло, после чего жестом пригласил брата Уильяма и Дэя присесть напротив.

— Эта Библия принадлежала почтенному Варнусу, основавшему монастырь Таренцо шесть веков назад. Согласно легенде, он слышал о проклятии из уст некоего известного прорицателя и собственноручно записал его здесь, — сказал аббат, похлопав

ладонью по объемистому тому. — К несчастью, это проклятие должно сбыться уже очень скоро. Сын мой, — обратился он к Адсону, который почтительно ожидал стоя, — подай святую книгу брату Уильяму.

Бенедиктинец, приняв Библию, осторожно открыл её. Дэй пододвинул своё кресло поближе к креслу следователя и вытянул шею.

На титульном листе были выведены четыре строки, написанные выцветшими красными чернилами.

*В ненастный день, когда расстроится бег
солнечных часов,
А ты не догадаешься о смысле сих стихов,
Разверзнется земля, и с грохотом обитель вниз
сорвётся
На радость бесам злым — всё смертью обернётся!*

Губы брата Уильяма растянулись в едва уловимой улыбке.

— Да, непохоже на легенду, скорее всего, это действительно написано им самим, — заявил инквизитор.

— Почему ты так уверен, брат Уильям? — спросил аббат.

— Потому что сразу же заметил акrostих. Адсон, будь добр, прочти вслух сверху вниз первые буквы строчек.

— В-А-Р-Н... — На лице послушника появилось недоумение, но буквально в следующий миг оно сменилось радостным пониманием: — Варнус!

— А о каких солнечных часах идёт речь? — любопытствовал Дэй.

— Именно о тех, из-за которых я тревожусь. Пойдёмте, я покажу их вам. — Аббат бросил взгляд в сторону дежурного монаха, и тот поспешил набросить ему на плечи меховой плащ.

Гости торопливо встали.

Семена по коридорам и лестницам, святой отец объяснял, что часы находятся в южном дворе монастыря.

— Эти часы — творение достопочтенного Варнуса. Однако вот уже месяц, как они отстают, причём всё больше и больше. — Аббат обернулся в надежде увидеть на лицах своих спутников тень ужаса, но обнаружил скорее удивление и даже недоверие.

«Солнечные часы отстают? — мысленно хмыкнул Дэй. — Как бы не так!»

Рядом с южной стороной монастырской церкви располагался прямоугольный двор, выстланный большими каменными плитами. Его ограждал невысокий забор, за ним земля как бы заканчивалась. Дэй приблизился к нему и с опаской заглянул по другую его сторону. Скалистый массив, на котором был сооружён монастырь, опускался вниз почти отвесно и метров через пятьдесят переходил в осыпающийся крутой склон. Оттуда бил пенящийся поток, ему не хватало самой малости, чтобы смело именоваться водопадом.

Кто-то нетерпеливо кашлянул за его спиной, и Дэй обернулся. Аббат, брат Уильям и послушник Адсон стояли полукругом перед возвышающейся плитой с высеченным на камне циферблатом, в середине которого торчал потемневший от времени бронзовый гномон. Его тень падала в точности на получасовое деление между XI и XII.

— Сейчас вы сами убедитесь, что отстают, — указал аббат на циферблат. — Куранты на колокольне вот-вот забьют.

Дэю хотелось спросить, почему они думают, что ошибаются солнечные, а не механические часы, но по мере приближения к остальным обратил внимание на то, что церковный следователь пристально разглядывает землю под ногами. На плите, находившейся перед ним, виднелись очертания десятка близко расположенных друг к другу

тонких линий, пересекаемых тенью от воткнутой в щель длинной прямой палки. Кто-то, вероятно сам аббат, попытался установить таким образом момент, когда тень палки становится наиболее длинной и в этот момент совпадает с показаниями курантов на колокольне.

Бам-м-м! Бам-м-м! Бам-м-м! — разнеслись мелодичные звуки.

— Когда вы заметили отставание солнечных часов? — спросил инквизитор.

— Каждый день пополудни я прихожу сюда и молюсь, чтобы злое проклятие обошло нас стороной. Три недели назад заметил, что звон колокола опережает тень гномона, и немедленно вбил эту палку. На следующий день я уверился, что тень от этой палки наиболее длинна в тот момент, когда бьёт колокол курантов. Я не позволил бы себе тревожить его святейшество, если бы не был уверен, что мы нуждаемся в вашей помощи, — заявил настоятель и смиренно добавил: — Пусть Господь продлит его жизнь за то, что он немедленно послал нам самый светлый ум церкви!

Дэй сделал шаг вперёд и протянул руку к плите солнечных часов. В тот же миг рядом с его ладонью на плиту легла другая. Он поднял глаза и встретился взглядом с братом Уильямом, который кивнул ему. Они одновременно напрягли мышцы, но плита даже не пошевелилась.

— Я проверял, — сказал аббат. — В архивах монастыря есть запись о том, что плита забита на три пяди в землю.

Дэй выпрямился и невольно скользнул ладонью по обратной стороне плиты. Ему понадобилось две-три секунды, чтобы осознать, что там нащупываются какие-то шероховатости.

— Здесь имеется надпись, — сообщил он.

— А, эта? — рассеянно откликнулся святой отец. — Это вариант предсказания из Библии Варнуса, доказывающий, что речь идёт именно о солнечных часах. Строки несколько отличаются от тех, что в книге, но эта разница несущественна и смысл остаётся тем же.

Дэй и брат Уильям снова встретились взглядами и молча прошли за плиту.

Солнце слепило глаза так, что задняя сторона плиты выглядела почти чёрной, однако на пару мгновений светило закрыла свинцовая стена тучи, и надпись прояснилась. Время сгладило высеченные в камне буквы, но пятистишие всё ещё читалось.

*Когда ты в солнечных часах найдёшь ошибку,
но не воспримешь предсказание серьёзно,
Развернется земля, и с грохотом сорвётся
Обитель в бездну тьмы, и вдоволь посмеётся
Тот, кто послал вам смерть так грозно и жестоко.*

— Извините, ваше пре... господин аббат, но думается, что разница между двумя вариантами стихов весьма существенна. Здесь пять строк, а не четыре, они короче и не зарифмованы, — сказал Дэй.

— Возможно, — откликнулся аббат, — это понадобилось ему, чтобы всё поместилось на плите.

— На плите вполне хватает места, — возразил инквизитор. — Причина здесь в другом.

Дэй закончил повторный пересчёт, и его предположение оправдалось.

— Варнус нарочно изменил стихи. Хотел показать, что истинное предсказание то, которое здесь, — определился он.

— Почему именно это? Разве они не одинаковы? — несколько уныло спросил аббат.

— Потому что здесь отсутствует внутренний ритм, присущий первому стихотворению, — вмешался брат Уильям.

— А последняя строка, как мне кажется, нарочито ошибочна, — добавил Дэй. — Если

переставить последнее слово немного вперед, то получится «Тот, кто послал вам смерть, жестоко так и грозно», что чудесно рифмуется со второй строкой — «Но не воспримешь предсказание серьёзно». Значит, ошибка нарочита...

— К тому же в каждой строке по тринадцать слогов, — мрачновато напомнил бенедиктинец.

Лицо настоятеля преисполнилось неподдельного ужаса, он лихорадочно перекрестился:

— Боже упаси! Дьявольское число! Говорили мне, что замечали его следы здесь, но мне не хотелось верить. И ведь часы отстают точно так же, как указано в предсказании. За что ты меня наказываешь, Господи? Почему это испытание ниспослано тобой именно сейчас?!

— Не беспокойтесь, — сказал брат Уильям. Его голос был таким спокойным, что в глазах аббата блеснула надежда. — Раз мы знаем, почему часы начали отставать, наверняка сможем устранить и причину этого. Не так ли, брат Дэй?

Дэй испытал давно забытое чувство, что ответ находится совсем рядом, но пока ускользает. Улыбка в глазах инквизитора сменилась недоумением.

— Ты о причине? — долетел до него голос аббата. — Неужели она уже известна тебе, брат Уильям?

— Я удивлён, брат Дэй, что такой проницательный человек, как ты, во второй раз не замечает акростих, который находится у тебя перед глазами, — чеканя слова, произнёс брат Уильям, и Дэй почувствовал, как внутри у него всё похолодело. — Адсон, прочитай первые буквы стихов, пропустив строку, смещённую вправо.

— К-Р-О-Т, — произнёс Адсон. — Крот?

— Что за крот? — спросил аббат. — Сейчас зима, какие могут быть кроты? Да и какой крот сможет подкопать эти плиты?

Внезапный ледяной порыв почти заглушил его слова и вынудил всех повернуться спиной к ветру.

— Крот, конечно, нет, но некий человек злонамеренно может сделать это, — почти выкрикнул брат Уильям, стараясь перекрыть вой ветра. — Не на правильном ли я пути, брат Дэй?

Дэй мысленно улыбнулся. У него была идея получше.

— Я не убеждён, брат Уильям, — ответил он. — Но если в монастыре найдётся достаточно длинная и крепкая верёвка, то, возможно, я скоро смогу предложить тебе другой ответ.

— Верёвка найдётся, — отозвался аббат, стуча зубами от холода, — но давайте сперва пройдем в трапезную, подошло время обеда. Всё утро вы провели в дороге и наверняка проголодались. Кроме того, продолжить расследование можно будет не ранее завтрашнего утра — надвигается настоящий снежный буран.

Дэй поднял глаза и с удивлением заметил, что оттуда, где несколькими минутами ранее виднелся противоположный склон, протягивает мохнатые щупальца зловещая чёрная туча.

Метель разыгралась не на шутку, но в трапезной было тепло и уютно, так что обед незаметно перешёл в лёгкий полдник, а затем и в ужин. Аббат и брат Уильям рассказывали бесконечные истории, которые отличались странным свойством разжигать аппетит, и Дэй начал опасаться, как бы не лопнуть от переедания, поэтому он даже обрадовался, когда двое рассказчиков утомились и наступила его очередь говорить. Однако радость его была недолгой, поскольку предыдущие рассказчики оказались слишком хорошими слушателями.

По истечении получасовых импровизаций Дэй забеспокоился, как бы не проронить чего-либо не к месту и не быть раскрытым. Тот факт, что вот уже пятнадцать лет как брат Уильям сменил поприще и превратился из инквизитора в церковного следователя, всё равно не успокаивал. Проницательность бенедиктинца делала его опасным собеседником. Видимо, инквизитор — это навсегда. В конце концов, пытаясь нащупать тему, не очень знакомую присутствующим, Дэй упомянул Лалибельский монастырь.

— Расскажи нам о Лалибеле, брат Дэй, — тут же попросил брат Уильям. — Несколько лет назад один монах рассказывал такие интересные истории о ваших краях, что я сгораю от нетерпения услышать что-либо ещё об этом монастыре и знаменитом аббате Хайле.

Дэю очень захотелось прикусить свой язык. К счастью, и отец настоятель также был наслышан кое о чём на эту тему.

— Не в Эфиопии ли находится Лалибела? — спросил он. — Это же родина кофе... А я всё думал, чего же нам не хватает для достойного завершения ужина, — хорошего кофе с молоком!

Тут же разгорелся спор о том, какой из рецептов приготовления кофе с молоком самый лучший.

Спорили, естественно, брат Уильям и аббат. Дэй отчаянно пытался остаться незамеченным.

Спор затих, только когда один из монахов водрузил наконец на стол дымящийся кофейник. Некоторое время царило молчание, нарушаемое только тихим причмокиванием или громкими похвалами в адрес повара. Кофе был великолепен!

Неожиданно в трапезную с порывом ветра влетел Ремиджо. Ключник что-то кричал во всё горло, но понадобилось прикрыть дверь, чтобы его услышать: вой ветра заглушал его слова.

— Нечестивый в монастыре!

Аббат побелел как полотно и резко выпрямился.

— Снова те следы? — спросил он, непрерывно крестясь.

Вся компания без промедления вскочила на ноги.

— Какие следы? — спросили в один голос Дэй и брат Уильям.

— Да-да, те самые! Пойдёмте! Посмотрим на них! — Для большей убедительности Ремиджо выпучил глаза и указал на дверь, но сам не двинулся с места.

— Что же ты? Веди нас! — приказал бывший инквизитор, вытаскивая факел из металлической подставки в стене.

Дэй последовал его примеру. Мало ли, всё-таки оружие...

Ключник с явным нежеланием повернулся к двери, открыл её и боязливо высунул нос наружу. Ему явно не хотелось покидать тёплое помещение.

— Ступай же! — прикрикнул на него аббат.

В результате отправились решительно все, трапезная опустела.

До места они добрались быстро, почти бегом. Уже совсем стемнело, все старые следы замело снегом, но от главных ворот монастыря тянулась странная асимметричная цепочка свежих следов, достигающих каменной настилки около церкви, после чего они терялись.

Дэй и брат Уильям, подняв факелы, склонились над следами. Правый след был человеческим, хотя и несколько размазанным, а вот левый...

Адсон ахнул, аббат и Ремиджо перекрестились. В снегу виднелись ясные отпечатки большого раздвоенного копыта.

Брат Уильям медленно повернул голову от ворот к церкви, провожая взглядом направление следов. Затем посмотрел в сторону Дэя, кивнувшего ему в знак согласия.

— Мы войдём внутрь, — сообщил бенедиктинец монахам и зашагал к церкви.

Дэй последовал за ним.

— Тебе не страшно, брат Уильям? — спросил он, когда они остановились на пороге.

— Не более чем тебе, брат Дэй, — бросил тот через плечо. — Это следы человека, а не дьявола. Нечестивый не посмел бы войти в церковь.

После обжигающего ветра казалось, что внутри храма очень тепло. Несколько влажных пятен — каждое меньше предыдущего — уходили влево по краю стены и через несколько метров от входа исчезали. Инквизитор, не колеблясь, продолжал идти вперёд, пока не остановился перед маленьким алтарем. На полу справа виднелась целая лужица.

— Он не мог испариться, — отметил брат Уильям. — Здесь должна быть какая-то потайная дверь.

Они начали осматривать каменный плетень из человеческих костей и черепов, прикрывавший стену. Наконец Дэй кое-что заметил.

— Здесь всё в пыли, кроме глазниц вот этого черепа. Он просунул в них пальцы и нажал.

Камень подался, что-то щёлкнуло, и часть стены отодвинулась внутрь. Брат Уильям протянул руку над плечом Дэя и начал подталкивать стену. Перед ними появился узкий проход.

— Браво, брат Дэй! — В голосе церковного следователя звучало искреннее восхищение. — У тебя зоркий взгляд.

К облицованному грубо отёсанными камнями коридору, который наклонно уходил вниз, вели ступени. Отовсюду со стен струилась вода, сливавшаяся несколькими шагами ниже в настоящий ручей. Он быстро расширялся и заполнял туннель почти во всю его ширину. Следопыты двинулись по коридору один за другим, раскачивающейся утиной походкой, поскольку при каждом следующем шаге им приходилось всё шире расставлять ноги.

Неожиданно брат Уильям резко остановился, и Дэй едва не налетел на него. Продолжение коридора представляло собой сплошную бурлящую массу воды.

— Надо идти вправо, — проговорил бенедиктинец.

Дэй удивился:

— Моё почтение, брат Уильям. Неужели ты видишь следы под водой?

— Я их не вижу, просто справа отдаёт застоявшимся воздухом.

Чуть позже они достигли маленькой подземной камеры, в которой находились грубо сколоченные нары с наспех брошенной на них чёрной одеждой. Уильям, наклонившись, что-то поднял с земли. Это был грубый левый башмак, к подмётке которого было прикреплено коровье копыто.

— Кроту удалось ускользнуть из церкви до нашего прихода, — сказал бывший инквизитор. — Только вот забыл свою обувь — и это дорого ему обойдётся!

В его вкрадчивом голосе прозвучала такая недвусмысленная угроза, что Дэй испугался.

Келья, отведённая Дэю для ночлега, оказалась без ванной комнаты и туалета, однако ему было не привыкать к средневековым условиям. Он разделся и обтёрся влажным полотенцем, которое затем засунул вместе с сегодняшним бельём в мешок для грязной одежды. В этот миг в дверь постучали.

— Сейчас! — Дэй быстро напялил на себя пижаму и распахнул дверь, но тут же, спохватившись, осознал, что допустил оплошность, — ждущий на пороге молодой монах удивлённо уставился на его одеяние.

— От... от его преосвященства, — запинаясь, выговорил монах, протягивая поднос с кувшином и стеклянным бокалом. — Велел передать, что это особое вино для приятных сновидений. Монастырская амброзия — так и сказал.

Дэй с усилием подавил улыбку. Неужели аббату недостаточно чистой совести для обеспечения гостю приятных снов?

Однако когда Дэй попробовал вина, то решил, что его насмешка была незаслуженной. Ничего удивительного в том, что такое вино называли амброзией: его благоухание было божественным.

Сны Дэя, впрочем, были не столь приятными, а пробуждение — и того хуже.

Что-то болезненно упиралось в его спину, а нечто другое мешало повернуться, чтобы поудобнее устроиться. «Сколько же сучков на этих монастырских нарах!» — мелькнуло в его сознании спросонья. Но вместе с тем, надо признать, вчерашний кофе был прекрасен.

— Окажи его! — надтреснуто прозвучал чей-то знакомый голос.

В следующее мгновение действительность вылилась на Дэя вместе с ведром ледяной воды. Он инстинктивно дёрнулся, пытаясь прикрыть лицо руками, однако его кисти лишь

натянули шероховатую пеньковую верёвку. Верёвка ободрала привязанные к балке над головой руки. Дэй с опаской открыл глаза.

Над ним нависло ухмыляющееся до ушей лицо хромого Сальваторе. Вопреки улыбке его пугающий взгляд подсказывал, что ведро с водой вовсе не было дурацкой шуткой.

— Очнулся, — прокаркал Сальваторе, поворачивая голову в сторону.

Дэй, насколько это было возможно, проследил за его взглядом и справа от себя увидел свои вещи, разбросанные на грубом столе внушительных размеров. За столом стоял аббат, сосредоточенно закрывая и открывая кошачий язычок одного из потайных карманов костюма. Из-за окна за его спиной доносилось тревожное блеянье и мычание монастырских животных.

— А не растянуть ли ему кости? — произнёс Сальваторе, и верёвка болезненно впилась в кисти Дэя, сильно вытянув его руки вверх.

— Только посмей — и поменяешься с ним местами! — ледяным тоном промолвил настоятель. — Ты, кажется, забыл, что когда-то тоже лежал здесь.

Сальваторе сник, его голова медленно втянулась в плечи. Аббат отодвинул в сторону костюм и, многозначительно посмотрев на Дэя, добавил:

— Вначале попытаемся разговорить его по-хорошему.

Дэй осознал, что если он сейчас и молчит, то только потому, что онемел от ужаса. К тому же, несмотря на пробегавшие по каменным стенам красноватые отблески огня, в помещении было очень холодно, и зубы уже стучали от холода.

Но самое плохое заключалось в том, что он не мог двигаться. С трудом приподняв голову, Дэй взглянул на свои вытянутые ноги. Как и ожидалось, они тоже были привязаны верёвкой, другой конец которой был намотан на большой деревянный барабан с двумя крестовидными держателями, закреплёнными по сторонам. «Дыба, — подумал Дэй, и от этой мысли его прошиб пот. — Меня будут пытать».

В надежде на спасение он снова повернул голову направо. С благостного и добродушного лица аббата на него смотрели глаза безжалостного убийцы.

— Что это такое? — резко спросил аббат, подняв пустой ранец.

— Ранец, — несколько удивлённо ответил Дэй.

— А из чего он сделан? Лёгок как перышко, а крепок как... как... — И аббат изо всех сил задёргал ранец в разные стороны, пытаясь его разорвать.

— К-к-к... — Дэю удалось остановиться, перед тем как произнести «кевлар». — Кожа бегемота. Лалибельские женщины мнут, дубят и строгают кожу, пока она не станет тонкой, как пергамент.

Настоятель недоверчиво кивнул и, отбросив ранец на пол, поднял использованное накануне Дэем влажное полотенце.

— А это что?

— Вчера мне сообщили, что в монастыре нет тёплой воды для купания, а день был тяжёлым. Вот я и использовал полотенце, чтобы обтереться.

От этого простого объяснения аббат неожиданно разъярился не на шутку:

— Благочестивый христианин не купается каждый день!

Полотенце полетело вслед за ранцем, а святой отец поднёс к носу дезодорант. Лицо его искривила такая гримаса, что вопреки своему жалкому положению Дэй едва не прыснул со смеху.

— Скажешь, что это мыло?

— Не мыло, а аромат, который прикрывает телесные запахи, — спокойно объяснил Дэй. — Я прибыл из жаркой страны, где человек постоянно потеет.

— А может ли он прикрыть запах серы?

Дэй внутренне сжался, услышав обвинение, которое могло стоить ему жизни. Но пока он лихорадочно обдумывал подходящий ответ, внезапно появилось неожиданное подкрепление.

— Думаю, что, несмотря на свои необыкновенные гигиенические навыки, брат Дэй всё-

таки не дьявол, — произнёс кто-то из дальнего конца помещения.

Все повернули головы на этот голос. В дверь вошёл бывший инквизитор.

— Только вот прибыл он из более отдаленного места, чем говорит. Ты ведь едешь не из Лалибелы, не так ли? — продолжал брат Уильям, приблизившись и наклоняясь над распятым пленником. На его губах играла странная улыбка.

Дэй утвердительно кивнул. Тёмные зрачки профессионального инквизитора впились в его лицо, и каждая попытка солгать могла привести к ужасным последствиям.

— Думаю, что нам следует его отпустить, — обернулся бенедиктинец к аббату.

Похоже, находясь перед насмешливым взглядом инквизитора, настоятель тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Он хрипло распорядился:

— Отпусти его!

В руках Сальваторе блеснул нож, и Дэй сел на дыбе, растирая ободранные кисти.

— Перекрестись! — приказал аббат. Дэй торопливо выполнил приказание.

— Ну вот, — сказал брат Уильям, — если бы он был дьяволом, то лопнул бы без промедления.

Аббат облегчённо вздохнул.

— Кроме того, вчера он сказал, что если получит длинную верёвку, то повяжет нашего крота до того, как тот попадётся в капкан, — продолжал церковный следователь небрежно деловитым тоном, который смутил не только аббата, но и Дэя, всё ещё не верившего в своё чудесное спасение.

Пока бывший пленник собирал свои вещи, Сальваторе принёс моток толстой верёвки.

— Тебе нужна помощь, брат Дэй? — спросил брат Уильям.

— Если послушник Адсон пойдет со мной и последит за верёвкой, чтобы не развязалась, я буду ему весьма благодарен, — ответил Дэй, с трудом преодолевая дрожь в голосе. Он терялся в догадках: не ведёт ли бывший инквизитор игру в кошки-мышки и не является ли залогом игры «кто первым поймает крота?» его собственная жизнь?!

Время от времени из-под ног от скалы отламывались и летели вниз крупные камни, и в эти мгновения Дэй крепче впивался руками в верёвку. Он завязал узлы по всей её длине, но и они не могли компенсировать нехватку скалолазных карабинов, так что пальцы быстро начали деревенеть. Дэй уже спустился метров на тридцать под уровень каменного фундамента солнечных часов, но всё ещё не нашёл и следа того, что ожидал увидеть.

Сильный порыв ветра бросил в лицо горсть водяных брызг. Подождав, пока стихнет ветер, Дэй повернул голову. В нескольких метрах слева от него из кажущейся плотной скалы вырывался вниз ледяной поток, в сторону от которого начиналась горизонтальная, толщиной в целую пядь глиняная борозда, опоясывающая, по-видимому, весь холм и указывающая на наличие размокшего пласта земли.

Дэй закричал во всё горло, но похоже, что ветер уносил его слова в сторону и Адсон его не слышал. Пришлось карабкаться самому. Он добирался до каменного забора, огораживающего двор монастыря, казалось, несколько часов.

Инквизитор и аббат стояли у солнечных часов, громко разговаривая. Монастырские животные в загоне неподалёку подняли такой шум, что Дэй, находившийся в нескольких шагах, не слышал ни слова. Брат Уильям заметил его первым и бросился помогать. Адсон, извиняясь, побежал за ним. Пытаясь унять дрожь, Дэй кое-как перевалился через забор.

— Очень жаль, но ты зря так спешил. Скоро мы его поймаем, — уверенно сообщил брат Уильям.

Дэй устало улыбнулся:

— Не Сальваторе ли?

— Когда ты понял, что это он, брат Дэй? — спросил бывший инквизитор.

— Недавно, пока висел распятым. Когда господин аббат прикрикнул на Сальваторе, тот весь сжался. Тогда-то я и подумал, что он слишком напуган. Потом, когда он освобождал меня от верёвок на дыбе, мне пришло в голову, что его правая нога может быть

искалеченной не от рождения, а вследствие какого-либо истязания, а также я заметил, с какой ненавистью он смотрит на господина аббата. Я подумал, что след, увиденный нами вчера вечером, был в точности похож на тот, который встретился нам на пути, всё увязалось одно к другому. Скорее всего, Сальваторе истязали по приказанию господина аббата, и его ненависть к последнему так сильна, что он желает гибели всему монастырю. Именно поэтому он и морочил всем голову вымышленным дьяволом, чтобы никто не догадался об истинном смысле предсказания!

Настоятель покраснел, скорее от гнева, чем от стыда:

— Не смотри на меня так! Я думал, что, поранив тело, я спасу его душу. Только вот душа еретика как побитое яблоко — всё равно сгниёт в конце концов. И почему ты не сказал нам этого сразу?

— Потому что хотел убедиться в том, что если монастырь рухнет, то вины Сальваторе в этом быть не может. Проклятие и акростих кроме буквального имеют ещё один возможный смысл.

— Что ты несёшь?! — прорычал аббат.

— Какой смысл? — выпалил почти одновременно с ним брат Уильям.

— Монастырь провалится при первом же землетрясении. А оно может начаться в любой момент, так как нет другой причины для столь бурного беспокойства животных.

— Это слова сатаны! — выкрикнул аббат и перекрестился. Затем, указывая пухленьким пальцем на Дэя, он пропищал: — Схватите его!

К счастью, поблизости не оказалось никого из монахов. Но зато в следующий миг со стороны церкви долетело дружное скандирование:

— Кос-тёр! Кос-тёр!

Появилась толпа монахов, которые волокли бьющегося в их руках Сальваторе. Завидев аббата, Ремиджо бросился вперёд и торжественно выкрикнул:

— Мы поймали дьявольское исчадие, ваше преосвященство!

Аббат бросил последний грозный взгляд на Дэя и двинулся к толпе. Дэй схватил его за рукав:

— У нас нет времени, надо бежать! Оставьте этого несчастного!

Отец настоятель, резко отдернув руку, бросил через плечо:

— Молчи, богохульник! С тобой мы разберёмся после!

Дэй хотел было последовать за ним, но бывший инквизитор преградил ему путь.

— Оставь в покое господина аббата. Что ты видел внизу?

— Монастырь стоит на глиняном пласте и в любой момент может заскользить по нему, как санки. Бегите!

Никто из монахов не обратил внимания на первый толчок, потому что именно тогда Сальваторе, вырвавшись из их рук, побежал, а когда двое монахов догнали его и повалили на землю, все остальные навалились на них сверху.

Земля задрожала вновь, и по двору прошла широкая трещина. Брат Уильям, Дэй и Адсон, обогнув её на бегу, устремились к воротам. Минувя груды возящихся тел, Адсон поубавил шаг, пытаясь хоть кого-то спасти:

— Бегите! Пропадем!

— Брось их! — крикнул ему церковный следователь. — Они не слышат тебя!

Навес над воротами закачался и рухнул, едва они пробежали под ним. Новый толчок был настолько сильным, что все трое очутились на земле и заскользили вниз по утопанному снегу.

«Вот это да!» — отметил про себя Дэй и, продолжая скользить, расстегнул плащ, бросил его на землю, кое-как угнездился сверху и крикнул:

— Садитесь на плащ! — Схватив передний край плаща, он приподнял его кверху.

Кто-то прыгнул ему на спину, последовал ещё один толчок, и импровизированные сани начали набирать скорость.

Когда они достигли середины склона, донёсся ужасающий грохот. Стоящий впереди лес бешено затанцевал, и после короткого перелёта все трое бухнулись в огромный снежный сугроб.

Крутой холм выглядел так, словно его обрезали ножом, а его высота стала вдвое меньше, чем была раньше. Долина за холмом казалась завешенной огромным серым облаком, клубящиеся куски которого постепенно опускалась вниз. Потрясённо помолчав некоторое время, брат Уильям наконец задумчиво произнёс:

— В сущности, ты прибыл не из далёкой страны, а из далёкого времени.

Дэй удивлённо уставился на него. Бенедиктинец улыбнулся:

— Не пугайся истины, брат Дэй. Я твой вечный должник. Если бы не ты, меня уже не было бы в живых. Только скажи, почему ты так неуклюже пытался обмануть меня сказками об Эфиопии? В Лалибеле нет монастыря, есть только церковь.

Дэй ответил ему смущённой улыбкой:

— И я твой должник, брат Уильям. Если бы не ты, я никогда бы не научился замечать акrostихи. Но скажи мне, разве может беззащитный пришелец из другого времени довериться бывшему инквизитору?

Лицо брата Уильяма осветила добродушная улыбка.

— Тебе нечего было опасаться, брат Дэй. Бывшему инквизитору известно лучше, чем кому бы то ни было, что доброта, готовность защитить невинного и ум слишком дороги, чтобы быть дарами дьявола.

САБИНА ТЕО

Убейте меня!

Джейсон был прекрасен.

Сказать вам, что я удачлива, всё равно что ничего не сказать. Я не была удачливой, нет. Была благословенна судьбой! В сущности, мне кажется, что слова скудны и, что бы ни сказала, я не сумею описать, каким образом я себя чувствовала. Как можно описать его гладкую смуглую кожу, блестящие волосы и тёмные глаза? Сможете ли вы их себе представить так, как их себе представляла я, и, даже если сможете, поймёте ли вы чувства, которые мною владели?

Наверняка поймёте... но только сейчас, пока я не продолжила. Любовь, скажете вы и вздохнёте с тоской, снисходительно или даже завистливо. И это будет нормальной, *доброжелательной* реакцией. Но только на мгновение, пока я не произнесла следующих нескольких слов: Джейсон был роботом.

Прожили мы вместе одиннадцать месяцев. Вот, вижу ваши лица — тень презрения скользит по ним. Вы не позволили бы себе выразить его прямо, но оно там, точно, как тень от крыла птицы, парящей над поверхностью серого озера. Да, Джейсон был моим любовником. Последним из многих.

Не боюсь это заявить. Он был прекрасен.

Помню время, когда я была девчонкой и люди говорили маме, что её дочь станет красавицей. Я не знала, что это означало. Разве были красивы мои изящные губы, правильный нос и длинные белокурые волосы? Я так и не смогла понять этого. Начала разглядывать себя слишком поздно, наверняка после того, как мне исполнились шестнадцать лет, когда большинство моих ровесниц вполне выяснили всё для себя. Моим первым зеркалом было огромное трёхстворчатое зеркало в роскошной комнате моей матери. О ней я могу сказать наверняка — она была красива. Я любила стоять возле и смотреть на неё, пока она расчёсывала свои длинные пепельные пряди, так похожие на мои, её изящный профиль, нежную шею, её изысканные, не тронутые тяжёлой физической работой руки, которыми она

вынимала заколки из своих волос, игру искусственного освещения на её бледных плечах. Это было моё первое столкновение с красотой. Затаив дыхание, я могла наблюдать за ней часами, пока она не поворачивалась и улыбка не озаряла её лицо; щедрая, без остатка отдаваемая улыбка, которой, увы, я не унаследовала. Она посматривала на меня и шептала моё имя так нежно, как только умела: *Даяна...*

Но всё-таки моим первым зеркалом был не трюляж, в который смотрела на себя моя мать. В первый раз я на самом деле увидела себя в глазах мужчин, с которыми встречалась. Как можно это описать? Вздрагивание их ресниц, желание, восхищение — всё то, что в первый раз заставило меня почувствовать себя настоящей. Увидев себя в их глазах, я осознала, что действительно существую. Прежде я не имела ясного представления о себе; было что-то, врывающееся в моё размеренное существование, пьяный свет, растворяющийся в тени земной жизни. Много времени прошло, пока я привыкла к своему телу и только восемнадцатилетней научилась пользоваться им, не ощущая его тяжести, как будто перепрыгивание с одной жизни на другую не оставило во мне горький вкус правды, который мне следовало бы забыть; как будто вопреки запретам я всё ещё берегла воспоминание о своем эфирном состоянии, в которое хотела вернуться...

Да, я смотрела в их глаза и видела себя — настоящую. *Молодую*. Без них я была бы просто древней сущностью в оболочке цветка, ожидающего воды или увядания. А они возвращали мне образ. Молодые женщины тоже возвращали мне его. Часами я могла рассматривать глянцевые модные журналы, но не потому что хотела выглядеть как модели на их страницах, а потому что эти девушки, в большинстве своём мои ровесницы, напоминали мне о том, что я молода. Я видела их и осознавала, что это правда.

Я лишилась девственности, когда мне исполнилось двадцать лет. Слишком старомодно для нашего мира, в котором девушки начинали жить самостоятельно с шестнадцати. Я сделала это, когда решила, что вполне готова, с ясным осознанием ответственности за свои поступки. Не было очень хорошо и закончилось слишком быстро, чтобы понять случившееся, но тогда это не имело значения — я была влюблена. Ему было семнадцать. Расстались мы из-за одной лжи, о которой сейчас я не хочу говорить. Как будто что-то оборвалось во мне. Восхищение, с которым он смотрел на меня, блеск его глаз, лёгкий румянец, проступающий на его щеках, когда я шутила неуместно. Тогда я поняла, что внешность просто маска и не более того. Внешние признаки говорили мне, что он влюблён, но правда была стара как мир — я ему нравилась ровно настолько, насколько нравились ему мои предшественницы, и на самом деле он не любил меня.

Следующих своих любовников почти не помню. Всё что запомнила — это моё зачаровывающее отражение в их глазах, снова и снова; каждый раз я искала что-нибудь — загадку для себя самой, ответа на которую не находила. Я видела только жесты, более или менее лишённые свежести. Когда мне исполнилось двадцать пять, я уже могла написать книгу о трюках, которые мужчины используют, чтобы соблазнить женщину. Я начинала разговор и заранее знала, чем он закончится. Предсказуемость. Таковы дети нового времени — ужасно предсказуемые, но всё ещё способные испытывать восхищение. Не суэта вела меня, а единственное желание почувствовать себя реальной. Избежать этой участи, которая бесстрастно преследовала меня даже в самые интимные моменты, которая наблюдала и оценивала, убивая опьянение всем новым; холодная безмолвная тень познания, нависшая над моей кроватью, когда я занималась сексом, заставлявшая смотреть на себя со стороны, тогда как мне нужно было забыться...

Джейсон появился в моей жизни немногим более одиннадцати месяцев назад. Знаю, что вы спросите: разве я была настолько извращена, чтобы нанять робота с мыслью сделать его своим любовником?

Робот! Как некрасиво это звучит! Вначале мысль принять машину в своём доме пугала меня. Но я поступила так, как поступали довольно многие мои подруги — эти щеголихи, эти красивые куклы с мозгами курицы. Ты должна попробовать, Даяна, увещевали они меня, тебе непременно надо взять одну такую игрушку. Она не для продажи, разумеется, но, если

подпишешь договор о найме, она практически будет твоей на вечные времена. Чертовски долго эти машины выдерживают. А самое хорошее, что непрерывно учатся. Не могут думать, но помнят твои привычки, и со временем их обслуживание становится всё более совершенным. У тебя будет твой утренний кофе точно такой крепкий и сладкий, как ты любишь, и ни кристаллика сахара более. Газета, твоя кровать, ванная... только подумай! Стоит дорого, но сэкономишь намного больше, потому что роботы не питаются и не нуждаются в выходных, а вместо того чтобы спать, работают...

Мысль отталкивала меня. Наверняка потому, что это напоминало мне о рабстве, о котором я читала в электронных учебниках по истории Земли... и наверняка потому, что боялась допустить к себе что-то, так похожее на человека. Если бы это была просто машина, я не колебалась бы: моё любопытство уже было довольно сильным благодаря бесконечной рекламе в газетах и на телевидении. Но машины так похожи на людей! Я вполне осознала это, когда Джейсон пришёл ко мне домой. Было что-то в прекрасной гладкости его кожи, что-то нечеловеческое, что меня тревожило. Однако он был спокойным и учтивым, таким, каким каждому роботу приходилось быть. Я знала, что он не мог меня ранить, но всё-таки что-то меня угнетало. Я пыталась себе внушить, что он просто машина. Бесшумный и гибкий, он был человеком из плоти и крови; я поняла, что воспринимаю его таким образом, когда поймала себя на мысли, что стараюсь не перегружать его работой и задаю ему нормальные человеческие вопросы. Какие? Я спрашивала о мелочах: как он себя чувствует, устал ли он, нравится ли ему мой дом. Знаю, что звучит глупо, но я просто не могла заставить себя воспринимать его как мебель — так мои подруги относились к своим механическим слугам.

Постепенно он превратился в друга. Когда в первый раз изменились мои чувства? Не знаю. Произошло ли это в тот же момент, когда я порезалась и он схватил мою руку, смотря на неё с выражением, я могу поклясться, сочувствия? Или когда я пожаловалась, что устала, и он на руках отнёс меня в уже приготовленную роскошную тёплую ванну? Когда утром он раздвигал занавески, чтобы позволить осеннему солнцу прикоснуться ко всем уголкам, а мой любимый завтрак ожидал меня в кровати?

Как могла бы я описать всё это? Мне надо говорить годами... Прошли месяцы. Появилась разница. Вначале она не была слишком заметна, но потом эта моя часть, такая бесстрастная, как будто изваянная из гладкого камня, начала её замечать. Мужчины в моей жизни. Их жесты. Отсутствие любви, сочувствия. Всегда спешащие, незамечающие, равнодушные. Настаивающие, чтобы я выслушивала их проблемы. Любовники, удовлетворяющие меня, но в первую очередь удовлетворяющие своё эго. Не допускающие, чтобы я встала с кровати без оргазма, лишь потому, что образ хорошего любовника требовал от дамы остаться довольной.

Я начала делиться, а Джейсон слушал меня, и это было началом. Постепенно я осознала, что спешу вернуться домой, только чтобы увидеть его, сидящего в кресле в гостиной, углублённого в свою книгу. Что я могла сделать для него? Ощущал ли он мир таким образом, каким ощущала его я? Я начала носить ему книги — единственное, что имело смысл для него. Часами я обходила книжные магазины. Сначала покупала ему техническую и историческую литературу, но потом, пристыженная сама собой, начала дарить ему книги по психологии. Он читал с удовольствием. Скоро вся квартира наполнилась книгами. И в один день... три или четыре месяца назад, я оставила на столике в гостиной книгу о сексе. Не знаю, на что я надеялась, но у меня не хватило мужества отдать её ему в руки. Я обманывала себя, что делаю это из чистого любопытства. Как психологический эксперимент. Но книга была потрясающе подробной, полной цветных иллюстраций. Как я и предполагала, Джейсон задал мне некоторые вопросы. Был замечательный вечер. Ясно помню каждую деталь. Бледный свет бра, тихую музыку — Ингви Йохан Малмстейн и Чешский филармонический оркестр, очень старая, но волшебная музыка, со вкусом чего-то неиспытанного. Она вплеталась в меня, ползла по моим венам. Овладевшие мною чувства были одновременно так жестоки и так прекрасны, что мне

показалось, что закричу. Свет танцевал в моём бокале, и в этот момент я увидела его, приближающегося ко мне. Испугалась. Подумала, что он прикоснётся ко мне, но он оставался неподвижным. Смотрел на меня. «Даяна, вам хорошо?» — и протянул руку к моему лицу...

Я закричала. Бокал разбился об пол, и вино разлетелось брызгами по кафелю, как кровь. В то мгновение я в самом деле поверила, что это кровь! Закричала, а потом заплакала. Плакала долго, так стыдилась себя! Когда наконец я подняла голову, Джейсон смотрел на меня, а его лицо — и это было самое замечательное — выражало сочувствие. Я поднялась и обняла его. Это тело было неподатливым, но прикосновение к его коже было совсем человеческим.

Вижу ваши лица и знаю, что вы думаете. Что я была испуганной и поэтому плакала. О нет, поверьте мне. Был страх, но он ослабел. Я заплакала потому, что знала, что сделаю.

«Джейсон, — сказала я, — не смотри так на меня. Не могу это выносить, понимаешь?»

«Я ранил вас? Простите...»

«Нет-нет, но перестань! О, как я хочу, чтобы ты перестал быть таким невыносимо заботливым и красивым! Если бы ты только мог... о, если бы ты мог...»

«Что?» — мягко спросил он.

«*Быть меньше человеком!*»

Я застонала и дёрнула его к себе. Он не сопротивлялся.

«Джейсон, я... Это странно, не знаю... Наверное, я сумашедшая, но как, ради бога, мне бороться с этим?»

Тогда он сделал что-то странное. Поднял руки, будто колебался, как поступить, и потом соединил их за моей спиной. Пытался обнять меня совсем по-человечески! Так, как наверняка видел в фильмах, которые смотрел ночью. Я снова заплакала. Потом всё теряется... Помню отдельные моменты... Его пальцы, проникающие в моё тело, — я показала ему, как это делать. Его язык, совсем как человеческий, но нечеловеческий на вкус. Последующее удовольствие...

Да, конечно, я заслуживаю, чтобы вы смотрели так на меня. Наверное, останусь в истории робототехники как первая женщина, обольстившая робота. Вы об этом даже не узнали бы, дураки! Что вы вообще понимаете? Вижу это, это написано на ваших лицах — для вас я просто интересный экземпляр для наблюдений, но запомните, что вам скажу: пока мир такой, какой он есть, никто из вас не сможет уходить из дома спокойно, оставляя свою одинокую супругу в компании тех, чья единственная цель служить, чтобы сделать вас счастливыми!

Но вас не это интересует, не так ли? Смутились... Чувствую это. Пытаетесь выглядеть холодно, но уже спрашиваете себя: теперь?.., когда?.., а если уже?..

Скажу вам то, что вас пугает. Да, Джейсон оказался вполне способным на секс. Может быть, мне надо благодарить компанию-производителя, какая только ирония! В этом католическом мире они постарались сделать его как настоящего человека, ни одной детали не забыли! А роботы учатся... Мне всё равно, что скажете, извращена ли я или нет. Когда-нибудь будет понято и это — секс можно найти везде, но только он недостаточен. Всё просто, не так ли?

И мы делали бы это всегда, потому что роботы не изнашиваются, в отличие от людей. Я постарела бы, но Джейсон не заметил бы этого, потому что его единственная миссия — делать меня счастливой. Был ли он сам счастлив? Мне хочется в это верить, потому что иногда я ощущала что-то еле заметное, какое-то трепетание глубоко в его схемах, это невозможно объяснить, но всё-таки можно было почувствовать.

Какое счастье, господи! Какое счастье! Последние месяцы были волшебными. Мои знакомые сказали, что я расцвела, и никогда не было столько мужчин, чьи взгляды были устремлены на меня... Однако они меня не волновали. Я стала реальной. Не знаю почему и как. Но впервые в жизни я не искала себя в глазах других. Восхищение было просто восхищением, а зеркала дома я завесила тюлем. Кроме одного. Большого трехстворчатого

зеркала, оставшегося от моей матери, в него я смотрела на себя и Джейсона, стоящего возле меня.

До того дня, когда всё закончилось.

Как я была наивна. Счастье сделало меня неосторожной... Но вы историю знаете, не так ли? Конечно, знаете. Мы занимались сексом в последний раз... Его волосы блестели в приглушённом красном свете спальни, я впервые не видела своё тело со стороны. Не помню, что случилось после этого, помню только, что никогда прежде я подобного удовольствия не испытывала. Они сказали, что я кричала... Правда ли? Какова правда? Только этот отрывок бумаги, вырезка из газеты... Правда ли то, что там написали?! Почему, почему вы отобрали у меня Джейсона? Вина не его, а моя! Моя! Слышите, только моя! Не убивайте его! Убейте меня!!!

«...Была спасена своим другом, 36-летним П.Р., который выстрелил прямой наводкой в робота. Через минуту, наверное под воздействием пережитого шока, Д.Д. бросилась со второго этажа. Вследствие падения женщина со сломанными ребрами, но без угрозы для жизни доставлена в психиатрическое отделение больницы Сент-Джордж, где восстанавливается».

«...Запись, извлечённая из позитронного мозга робота Н-110-23-ТК, показывает, что речь идёт о нападении из-за ревности к потенциальной мишени — тридцатидвухлетней Даяне Джонс. В пользу этого утверждения говорит последняя зарегистрированная реплика мужчины: „Убирайся вон с моего пути, человекообразная дрянь! Никакая сука не может предпочитать кучу старого железа мне!“ Можно утверждать с той или иной долей уверенности, что машина прострелена после того, как попробовала закрыть телом свою владелицу.

Поведение Н-110-23-ТК впредь поставит новые вопросы перед своими создателями».

«...Совет компании решил изъять с рынка всех роботов серии Н, принимая во внимание безопасность их владельцев, и запустить в производство новое поколение роботов без отличительных половых признаков».

ХРИСТО ПОШТАКОВ **(Перевод Николая Теллалова)**

Генератор реальностей

Сви принял самую подходящую для полного расслабления сознания шаровидную форму, а затем погрузился в мягкое лоно медитации. Прошло несколько световых смен, пока наконец трансцендентальное его состояние не достигло недоступных до сих пор вершин эзотерического познания. Так, кроме знакомых пределов собственного мира, он обнаружил ещё две границы, и даже третью, всё ещё не воплощённую в виде мыслеформы.

Согласно самым передовым теориям, насыщенная солями водная среда обитания Сви заключалась в твёрдую оболочку, которую он и остальные учёные именовали «пределом Лоа»; формулировали её структуру как сферическую на основе эмпирических наблюдений. Вторая граница отмечала переход к толще некоего совсем разреженного и неизвестного науке субстрата, и интуитивно Сви назвал эту среду «газом». Далее следовала пустота, почти лишённая дрожащих мелких частиц, определённых великим Мро как «молекулы». Пустота занимала необъятное пространство. Сви, опять же по наитию, окрестил её «космосом». Дополнительное трансцендентальное восприятие исследователя подсказывало, что в космосе движется несметное количество массивных и диффузных тел — первые относительно холодные, другие же, наоборот, раскалённые, причём около последних кружатся объекты

иного рода, некоторые из них холодные, некоторые горячие. И среди третьих тел находились такие, которые пребывали в промежуточном состоянии по температурной шкале. Таким образом, третьи тела вмещали в множестве своём его собственный мир.

Сви жил в подводной пещере — небольшой, но удобной. В ней имелось достаточно ниш для установки аппаратуры, а вход был изолирован от окружающей среды естественной завесой из водорослей, которая колыхалась по воле течений. По стенам пещерки лепились флуоресцентные организмы, дающие достаточно света для нужд обитателя, который дорожил своим уединением. Ему нравилась компания приборов и аппаратов, созданных его собственным гением. Это были плоды симбиоза между клетками водных растений и вытяжкой металлов, частично осуществленного различными приемами мыслесинтеза и мыследействия, а частично являющегося результатом непосредственных физических манипуляций. Часть приборов следила за изменениями кислотности и температуры среды, другие прогнозировали возникновение турбулентностей, потенциально неблагоприятных для процесса питания табунов диатомей. Некоторые аппараты даже транслировали данные в виде мыслеформ прямо в сознание других учёных, которые трудились в близких пещерах. Вот и нынешнее озарение Сви тоже должно было быть распространено среди коллег, однако нуждалось ещё и в дополнительной записи, чтобы занять подобающее место в памяти поколений.

Сви подплыл к своему последнему творению, которым особенно гордился. На этот аппарат ушли долгие годы труда, он представлял собой блок кристаллов металлических солей и, можно сказать, являлся формой электронной жизни, питаемой автономными гальваническими элементами. Возможности устройства оказались прямо-таки потрясающими, и Сви даже всё ещё не мог ума приложить, как использовать некоторые из них. Поэтому пока применял его в качестве калькулятора и запоминающего устройства, что на данном этапе выглядело вполне удовлетворительно.

В шаровидной форме тела уже не было необходимости, и Сви сплюснулся, протягивая к аппарату пару псевдоподий, которые прилипли к металлическим клеммам. Он намеревался записать в устройство добытую информацию. Учёный сосредоточился, составил нужные мыслеформы о сути свежих открытий и прозрений, после чего направил в аппарат сигнал запоминания.

И только-только расслабился, довольный очередным постижением, как водорослевая ширма на входе мягко колыхнулась, раздалась в стороны и пропустила — о ужас! — Мию. Непрошенная гостья выглядела сильно взбудораженной, ложноножки её даже искрились.

— Как дела, сладкий мой? — замерцало её ядро, довольно разбухшее в прозрачной толще в последнее время раздавшегося тела Мии.

— Зачем пришла? — ядовито полыхнул желтизной Сви, ясно показывая своё неблагоприятное расположение к посетительнице.

Её это не тронуло.

— Иди ко мне, милый. Уже десятки световых перемен мне снится наше слияние! Я так желаю...

— Поищи кого-нибудь другого. Знаешь ведь, что я занят наукой.

— Никого не буду искать. Не хочу глупого потомства. Я давно оценила твой интеллект, дорогой, твой блестящий ум...

Сви запаниковал — Мия медленно надвигалась на него. Вот же зараза... Слияние, конечно, не смерть, но индивидуальность в смысле способностей к рассуждению оно уничтожает, а новые личности могут оказаться далеко не настолько умными, чтобы продолжить изыскания Сви. Кроме того, вдруг все станут самками, что тогда? Сви на миг представил себе будущую идиотскую жизнь, цель которой преследовать и соблазнять самцов... и по его студенистому амёбовидному туловищу пробежала волна отвращения.

— Проваливай, Мия! — сильно засияло его ядро. — Сольёмся как-нибудь в другой раз. Позже! Заклинаю тебя именем всевышнего Года, уходи!

Она продолжала приближаться неумолимо, невзирая на его протесты. Сви испугался.

От ужаса онемели кончики ложноножек. Надо удирать, но куда? Мия вдвое крупнее. Рано или поздно сумеет загнать его в угол, сколько ни петляй около оборудования, а пещера действительно небольшая... Судорожные мысли заматались в прозрачном теле Сви, словно пойманные в пищевой фильтр диатомеи. Что делать, что делать?.. Может, делиться? Нет, на процесс деления уйдёт время, которого не имеется в запасе, да и умственный уровень двойников получится ниже настоящего... Что же делать?!

Мия всё надвигалась и надвигалась, тесня его в глубь пещерки, тело её растекалось в страшные объятия и мерцало в нежно-зелёных тонах.

Скоро Сви оказался запихнутым в угловую нишу, где располагался тот самый аппарат с множеством неведомых даже его создателю функций.

Обезумевший от ужаса учёный инстинктивно протянул ложноножку к контакту и совсем неосознанно послал к устройству последний отчаянный импульс. Подводная пещера, как и весь окружающий мир, вдруг озарилась ярким фиолетовым сиянием.

Сави распустил свою крупную правую клешню, освобождая шейный сегмент Мрии, и щёлкнул сильно, выражая свой экстаз. Всё, обязанность перед обществом на этот размножительный период выполнена. Мрия потом выбросит оплодотворённую икру в одну из инкубационных камер, а транспортные корабли разнесут будущее потомство по наскоро колонизированным планетам, где уже созданы условия обитания под стать расе твердотельных.

— Спасибо, ты был великолепен, милый! — Мрия приласкала педипальцами его второй грудной сегмент, на котором располагались чувствительные нервные точки. — Ты долго за мной ухаживал и постоянством добился своего.

— Было здорово, — согласился Сави, используя интимный код, при котором общение осуществлялось постукиванием маленькой левой клешней по хитиновым бородавкам её третьей пары ходовых ножек. — Если захочешь, можем и в следующий размножительный период сойтись в пару.

— Дельная мысль... но только не в подобных условиях! — Её фасеточные глазки на столбиках затрепетали недовольно, обозревая царивший в лаборатории беспорядок. — Ты молодец, но слишком уж небрежен в манерах. Мы могли бы сойтись в сладком единении в более изысканной обстановке...

— Мужские твердотельные никогда не знают, когда, где и в каких условиях приспичит... — примирительно изрёк Сави и помог ей сползти с рабочего стола, на который сравнительно недавно сам её забросил и там прижал, подчиняясь зову природы.

— Ты был неистов, словно дикий скварф! О, чудесный мой!.. Но сейчас я покидаю тебя, дорогой! До новой встречи... — Мрия щёлкнула на прощание правой клешней и выбралась из лаборатории.

Сави же устроился в гнёздышке для размышлений, пятая пара ног скрючилась в задумчивом положении. Сравнение со скварфом — это совсем неплохо. Скварфы, низшие твердотельные, вошли в поговорку благодаря своей необузданной потенции, их половая деятельность является самым занимательным зрелищем в зоопарках. Так что высказывание подруги — комплимент. Немного фривольный, разумеется...

Внезапно в его сознании промелькнуло нечто вроде воспоминания — видение слизистых объятий, в которых недолго захлебнуться. Видение сопровождалось чувством панического страха.

Сон, наверное, вспомнился, недовольно подумал Сави. Дурацкий сон. Иначе с чего бы после спаривания стал бы я думать о слизи и панике?!

Неприятный осадок, однако, остался. Чтобы отвлечься и забыть окончательно забредшую в мозги чепуху, он выставил глаза и направил их на последнее своё научное творение, которое покоилось на столе прямо перед ним. Затейливый хитиновый корпус, напигованный биочипами и нейронными связями, — всё собрано в момент полубессознательного творческого озарения. Сави впал в это состояние после пребывания в

специальной газовой камере, где ганглии релаксируют, но мысль проясняется и сознание ломает всякие ограничения. И вот результат — прибор, который может оперировать цифрами с точностью до пятого знака после разделителя целочисленных двенадцатиразрядных величин, но это только самое слабое его достоинство. Аппарат можно подключить к спектрометру или колонке хроматографа, да к любому другому прибору — и все данные почти моментально появляются в виде тёмных символов на светлой коже хамелеоноида, вживлённого в аппарат. Чудо, да и только.

И самое главное — аппарат этот единственный в своём роде, все его возможности только-только подлежат внимательному изучению...

И опять в сознание учёного просочилось размытое видение. На этот раз — не столь уж и неприятное. Идея. А что, если поставить семь штук из педипальцов на биосенсоры, расположенные в форме цветка, как раз там, где проходят питающие внутренности аппарата трубочки? Тогда получится...

Сави устался в прозрачную мембрану, через которую в лабораторию проникал дневной свет — синеватые лучи огромного светила, породившего жизнь на всей планете. В мироздании кроется столько загадок, столько тайн, что каждого исследователя ждёт непомерный труд, чтобы выяснить хотя бы одну из них... Вот известны законы подпространственных туннелей, существуют и способы управления гравитацией. Раса твердотельных осуществила успешную высадку и освоение девятнадцати звёздных систем. Однако в механизме подпространственных переходов ещё довольно белых пятен, наверняка есть скрытые эффекты, неиспользованные способы перемещения... но перемещения куда? Интересный вопрос... Почему бы не попробовать выяснить, что выдаст комбинация, занозой засевшая в сознании, вероятно отголосок опять же забытого сна... Что произойдёт? Любопытство — ценное качество для учёного. На нём зиждется познание.

Сави перестал бороться с искушением, и педипальцы коснулись точек неизвестного.

В лаборатории вспыхнуло фиолетовое сияние, которое перебросило учёного в одну из бесконечного множества реальностей.

Савит*** навёл объективы на участок серой местности, где его собратья развили лихорадочную деятельность. Среди них различалась модель Мриан**, которая давно напрашивалась на близкий информационный контакт, но ей недоставало программирования, чтобы реализовать упомянутую потребность. Её слишком узкий инфодиапазон микросхем только и позволял, что жрать алмазными коронками бурения скалу да выводить из задней части корпуса измельчённую и готовую для плавки руду. Ну, по крайней мере это-то делать она умела...

Рядом с Мриан** копошился КО***, который загребал шкивами на спине руду и гнал её в электропечь ВЕ***. Домна питалась тысячами РВ**-ами, чьи плоские внутренности были навеки прикованы к склону ближайшей горы, а внешние элементы терпеливо и тупо вертелись вслед за огненным шаром, который светил в чёрном небе лишённой атмосферы планеты. Работы всем хватало, так что все попытки Мриан** информационно сблизиться с шефом были обречены на нулевой результат. К тому же он уделял ей только служебное внимание. Худо programmed машине ничего другого не оставалось, кроме как грызть грунт и выбрасывать руду на шкив коллеги.

Ей-то что, подумал Савит*** двоичным кодом, вон РВ**-и — они сущие бедняги. Стоят весь эксплуатационный срок до полной амортизации на одном месте, все держат фотоприёмники перпендикулярно светилу, и одна забава у них, горемык, — жевать крохи информации, которую я им отпускаю по группам. Ничего, сегодня разживутся дифференциальными уравнениями третьей степени...

Он осознавал себя, совершенно объективно, механичной личностью самого высшего класса, но (логическое неравенство!) практической целью его создания являлось обслуживание остальных собратьев в данном планетном секторе. Досадная неэквивалентность! Хорошо что хоть полевое назначение получил, а не направили на завод

вскалывать до перегрева процессоров. Полевая добыча лучше производства, на производстве никакого свободного времени на созерцание не остаётся. А здесь заботы быстрые: подменил платиновые наконечники термопар в блоке контроля плавки металлов в утробе ВЕ***, починил треснувший фотоэлемент тому или иному РВ** — и размышляй себе вдоволь. Потому что тяжёлые ремонты, то есть двигатели, челюсти бурения, грёбла, шкивы и ходовые части, особенно по Мриан**-е, — это дело сервисных заводских автоматов, которые специально за этим приезжают на товарном СС*-е. Приезжают и чинят. Силовое и грубо. Микрочиповая же инфосхема Савит***-а вещь нежная, невероятно утончённая, не предназначена для грубых латаний... В ней имелись сферические блоки памяти с объёмом пятнадцать в двенадцатой степени гигабайт, импорт из машинной цивилизации **. Вообще весь механический мозг Савит**-а являлся сплошным стандартом лучшей пробы, и он позволял ему быть невероятно умным. Использовать такой блестящий ум для выполнения простейших процедур на забытой Конструктором планете — ну не грех ли это перед всемогущим Гагаротом-создателем?! Савит*** чувствовал, что ему надо заняться чем-то более соответствующим его возможностям...

Искусственные интеллекты обычно никогда ничего не забывают. В отличие от прежних перевоплощений Савит***-а, в этой реальности микрочипы его мозга прочно сохраняли воспоминания о двух других существованиях — вопрос состоял лишь в том, когда центральный процессор востребует эти данные. Что и произошло в один момент. Память об иных жизнях с приложениями — схемами изобретённых его перевоплощающейся личностью аппаратов — в один момент оказалась в фокусе внимания главного процессора. Савит***, не прекращая выполнения своих обязанностей, с повышенным микронапряжением стал изучать странные клетки своей памяти. Особенно заинтриговали его устройства из прежних жизней. Приборы состояли из различных материалов, однако принцип их действия оставался одним и тем же. Так перед Савит***-ом появилась альтернатива простым рассуждениям о сложности машинной вселенной. Появилась возможность... приключения. Нестандартного шага ввне алгоритма, прыжка в эвристический хаос. И он решил воспроизвести вспомненное изобретение, причём даже и улучшив его. Решившись, он не медлил, а тут же принялся за дело, используя подручные средства и материалы. Савит*** не собирался больше оставаться в столь скучной реальности, в которой очутился по воле Конструктора-создателя... Наносекунда сомнений — не совершит ли грех, пытаюсь убраться отсюда? Нет, конечно. Пребывание здесь — просто испытание. Ведь не форматировал великий Гагарот его память, не стёр схемы изобретения! Конструктор-создатель ставит задачи своим чадам из любви. И кого больше любит — тому самые сложные и увлекательные системы нелинейных уравнений: расти! совершенствуйся!.. И так далее.

Савит*** незамедлительно отправился к складу запчастей. Там же наткнулся на подходящий для сборки устройства стол. Тут же достал лист жести и принялся его резать, гнуть и паять дополнительными ремонтными манипуляторами. Скоро лист превратился в металлическую коробку, быстро заполняемую подобранными из кучи запчастей микросхемами и чипами. Несколько недостающих блоков изобретатель выковырял из собственного корпуса. Наконец смонтировал дисплей из магнитофоточувствительного стекла и сенсорный блок ввода данных, подсоединил необходимые индикаторы. Аппарат был готов, и конструктор даже не подумал доложить о внештатном исполнении начальству. Главный интеллект КК** и без того всё время был перегружен руководством и надзором за планетным хозяйством.

Савит*** включил электропитание аппарата, источником энергии для этого послужил его собственный силовой блок в телокорпусе. Экран на макушке жестяной коробки ожил. Панель ввода данных приняла комбинацию символов и передала их в нутро устройства. Манипулятор изобретателя утопил клавишу запуска... и помещение озарилось уже знакомым фиолетовым сиянием. Даже наносекунды не осталось сказать «прощай» всему, что его окружало.

В новой реальности его звали Самувит, и в ней он совершил тяжкое преступное деяние. Суть проступка заключалась в наглом отказе осуществить акт совокупления с дочерью Великого шамана, хозяина жертвенного валуна. К тому же мотив преступления сам по себе был преступлением — Самувит предпочёл спариванию еретичное влечение к опьянению разумом. Так что у Мриан в частности и у женской половины племени вообще было достаточно оснований для ненависти, что влекло за собой весьма опасные последствия для дерзкого грешника. Приговор вынесли быстро — отсечение органов размножения на виду у всех соплеменников. Так род еретика лишился потомства и должен был послужить в назидание и для устрашения других заблудших, уже, наверное, прегрешивших в уме. После казни им не придёт в голову воплощать греховные мысли в ещё более мерзкие дела!

Самувит уныло оглядел себя. Чешуйчатая кожа красиво блестела и вздувалась над буграми хорошо оформленной мускулатуры, пестрела по бокам могучего хвоста, способного одним ударом повергнуть любого соперника. Разве не жалко калечить такое тело?! Ох, если бы не поразила его ересь любознания!.. Но не будь этого его крамольного увлечения, не смог бы он варить столь нужное для воинов племени зелье марна. Гурри, монхатва и трамила росли в горах вроде бы на виду у всех, но лишь Самувиту было ведомо, как их правильно смешать и довести до готовой марны, без которой никогда бы воины его племени не превзошли бы бойцов из враждебного клана...

Увы, народ хвостатых безнадежно отупел, никакой тебе благодарности, да что там благодарность, некому даже рецепт марны передать... и будущие битвы будут проиграны. Никого из посвященных в знания уже не осталось в живых. Изыскания разума объявлены ересью — и вот они, ядовитые плоды запрещения! Великий шаман терпеть не может хвостатых умнее себя самого. Самувита передёрнуло от воспоминания о казни учителя Гургута. Мудрого поджарили на костре за чрезмерную любознательность. Самувит горестно прикрыл перепонками глаза.

Учитель мёртв. Но у ученика есть шанс выжить даже после отсечения мужских органов. Будет больно, но переболеет. А можно даже не ждать казни, а сбежать и попросить у соседей убежища. Он откроет им тайну приготовления марны. И родное племя погибнет, постепенно сойдёт на нет.

Нет, не получится. Как раз из-за ереси познания, въевшейся в сознание, разум поддерживает тление углей чувства долга. Огонь просвещения часто не дает махнуть хвостом на любовь к своему племени. Глупая привязанность, но что поделать. В то же время плоды ереси не должны затеряться безвозвратно. Познание действительно пьянит, завораживает возможностью задавать вопросы и пытаться находить ответы на них. Почему солнце всегда восходит с одной и той же стороны мира, а затем скрывается за горизонт с другой? Почему появляются облака в зелёном просторе неба? Почему воду пьют, но не жгут, как хворост? Откуда столько звёзд по ночам и что они собой представляют? Ересь познания увлекает, заставляет своих последователей спрашивать и спрашивать без конца обо всём и обо всех. И какое наслаждение испытываешь, когда вдруг находишь какой-нибудь ответ! Да вот только Великий шаман взял и запретил упиваться познанием. Мол, нечего задумываться над естеством и сутью природных явлений, жизнь, мол, не нуждается в каких-то там вопросах...

Вот так любознательность стала ересью. Второй официальной ересью. С ней можно как-то жить, если проявлять осторожность. Но вот если поддашься на первую ересь — тогда хана. Страшнее быть не может.

Первая ересь состояла в искушении прикоснуться к блестящему НЕЧТО, которое стояло на Священном валуне, что было строжайше запрещено. Нарушение запрета каралось жуткой и мучительной смертью — расчленением нарушителя...

Никто до сих пор не осмеливался преступить волю Великого шамана по отношению к неприкасаемому валуну. Великий шаман был самым сильным и свирепым хвостатым в племени. Для усмирения непокорных у него имелась заострённая палка, которая пронзала плоть любого мятежника. Авторитет шамана был столь велик, что осуждённых даже не

вязали. В их продолговатых зубастых головах и мысли о бегстве не возникало.

Сейчас и Самувит находился в подобном состоянии оцепенелости, разве что думал чуточку вольнее своих несчастных предшественников. Сидел покорно перед своей норой и мигал перепонками: свет белого солнца слепил глаза. Но покорность если не в ногах и хвосте, то в уме уже отступала.

Всё ещё есть время спастись, думал он. Солнце пока не коснулось соседней горной гряды, отмечая час назначенной казни. И от этой мысли мозги чуть не закипали от напряжения. В голове мелькали хаотические и странные видения. Сначала возник образ какого-то студенистого полужидкого тела, с которым он боролся, защищаясь от поглощения, не имеющего вроде бы ничего общего с поеданием, но не менее пугающего своими последствиями. Потом он сам ненадолго «поглотил» в некотором смысле другое существо — длинное и многоногое. И наконец, неведомая громадина, грызя камни и извергая их из заднего отверстия, умоляла его пообщаться с ней контактно... Вот же чушь лезет под череп со страху перед наказанием Великого шамана!..

Но среди смущающих образов всё отчетливее проступал предмет совершенно неясного предназначения, слеplенный из кристаллов... нет, из других каких-то комков и ракушек... да нет же, из блестящего камня... или из всего сразу и как-то отдельно. Непонятно. Ничего не понятно. Кроме одного обстоятельства — предмет сильно напоминал Священный валун, о котором предания твердят, что он упал с неба. Или прибыл оттуда. Короче, появился с небес.

Чья-то тень коснулась головы Самувита и прервала его размышления. Он повернул глаза. Тень на него бросала Мриан. Осуждённый на кастрацию с отвращением шевельнул хвостом.

— Зачем притащилась? — осведомился он.

— Ещё не поздно, — ответила дочь шамана. — Ещё не поздно исправить ошибку. Я готова — только хвост поднять. А потом измолю тебе прощение у отца.

— Ага, как же... прощения у полозов не просят! Лучше сдохнуть.

Полозов хвостатые не любили. Назвать кого-либо полозом или ужом — это величайшая кровная обида.

Мриан чуть не заскулила-застрекотала, но не из-за оскорбления в адрес папочки.

— Ну чем я тебе не пригожа! — воскликнула она. — Что я не так сделала, Самувит?

— Ого! Целых два вопроса за пару миганий глаз. Никогда бы не поверил, если бы кто другой такое про тебя сказал! — фыркнул язвительно осуждённый. — Того глядишь, поддашься ты на ересь познания — вопросы задавать...

— Слушай, ты! — зашипела она. — Уж безногий! Я тебе ягод лукошко принесла, утешить тебя хотела, а ты!.. Полоз гадкий! Будь ты проклят! Мне нечего тебе больше сказать! Будь проклят!

И Мриан в сердцах нахлобучила полное мягких плодов лукошко на голову наглого еретика и ушла, шипя, восвояси.

Самувит машинально стал утирать морду и слизывать сок.

Солнце ползло по небосводу, неумолимо приближаясь к горам. Грешник всё ещё не знал, как поступить. Из соседних нор стали выползать его соплеменники. Никто не оглянулся на смутьяна, никто не сказал ему ни слова. Все направлялись к валуну, где совершались все важные события в жизни племени — от наказаний до церемоний. Последним из норы поднялся сам Великий шаман. В правой передней лапе он сжимал свой печально знаменитый кол, в другой — огрызок какого-то мелкого зверька, имевшего глупость забрести в его жилище.

А на перевязи на шее шамана висел кремниевый нож со свежим острым сколом. Самувит сглотнул слюну.

— Пошли! — распорядился шаман.

Валун для жертвоприношений, он же Священный валун, находился в середине небольшой поляны и ярко сверкал в лучах заходящего за горы солнца. Валун был весь очень РОВНЫЙ, не чета бесформенному жертвеннику соседей. Прозрачное НЕЧТО на вершине

валуна тоже сверкало.

Всё племя ждало шамана и его жертву в молчании.

Шаман подтолкнул осуждённого вперёд и протянул нож к самой мужественной части тела Самувита. Злосчастный бунтарь и отступник замер, чувствуя, как бешено колотятся оба его сердца.

В следующий миг в душу хлынула отчаянная смелость, отвага преисполнила его от носа до кончика хвоста, и он решил, что негоже ждать оскпления, поздно уже бежать, а лучше совершить самое гнусное и запрещённое деяние, перед которым померкнет зловещая слава первой и второй ереси. Самувит шмякнул шамана хвостом, сграбастал передней лапой подвернувшийся камешек и швырнул его прямо в прозрачное НЕЧТО на вершине Священного валуна. НЕЧТО, которое по невнятным объяснениям шамана символизировало всевидящее око могучего бога Гагарота, разлетелось вдребезги...

Валун, он же аппарат, изобретённый и изготовленный ложноножками Сви, педипальдами и клешнями Сави, равно как и манипуляторами Са-вит***-а, в данной новой реальности никем не был собран, он возник будто сам собой. Повреждённый экран устройства, рождающего различные действительности, сыграл роль пьезокристалла. Электрический импульс шмыгнул в нутро устройства, активируя микроструктуру сердечника.

Полянке не оставалось нечего другого, кроме как озариться яркой вспышкой фиолетового сияния.

Едва возникнув в новой реальности, он уже знал своё имя и прошлое — Самуэль Витковский, сотрудник лаборатории автоматики при НИИ альтернативных источников энергии, житель планеты Земля, которого коллеги называют Сами. Впрочем, во вроде бы известном прошлом скрывалось немало белых пятен. В голове кружились смутные догадки, похожие на воспоминания — то ли обрывки сновидений, то ли фантазии о событиях, определяемых Самуэлем как невозможные, наверное, что-то такое читал где-то... но никак с ним такого не случалось! Он силился и напрягал память, выуживая из её глубин сведения, как будто совсем элементарные для здорового человека с нормальной судьбой. Тщетно. Он напрочь забыл, как выглядели его родители и друзья детства, а школьные годы вообще представляли собой полную тайну. Такова уж у людей память — избирательная, слабая, склонная терять «ненужные» факты. Самым отчётливым массивом в сознании оставалось то, что он на хорошей зарплате и что слышит в НИИ наиболее квалифицированным специалистом. И ещё было понимание того, что женщины-коллеги находят его весьма привлекательным мужчиной. Ну, конечно, это посторонний факт, он всецело отдан науке, весь досуг уходит на исследования, иногда он даже поесть забывает... не до женщин, короче.

Напоследок в голове постоянно возникала схема мудрёного устройства, на первый взгляд совершенно бессмысленная, но, если присмотреться внимательнее, не такая уж и бредовая. Что за аппарат получится, если заняться конструированием? Вот здесь так, а тут — этак... Так-так, уже неплохо...

Мысли сотрудника НИИ были прерваны появлением лаборантки Марии, которая как всегда незаметно вошла в сокровенное помещение учёного, загромождённое ценными приборами. Появления Марии неизменно отвлекали Самуэля от высоких материй. Она словно беспрерывно излучала некое обаяние, которое учёный каждый раз пробовал игнорировать, но ему это не удавалось — чары лаборантки продолжали витать вокруг навязчиво и липуче. Самуэль вздрогнул от звонкого голоса Марии.

— Здравствуйте, как самочувствие сегодня? — прошептала она. — Всё вы в работе, всё перегружены...

— Привет. Хорошее, спасибо... — промямлил он в ответ дежурную фразу и почувствовал необъяснимый испуг.

— Не стану мешать. Вот результаты последних анализов.

— Да-да, конечно. Положите их на стол.

— Всего хорошего! — проворковала Мария и выскользнула опять же без шума. Остался только запах её духов, смущающий и опьяняющий. И чего она всё время... крадётся?..

Вот же чёрт! Напоследок никак не могу сосредоточиться, подумал зло Сами. Давай-ка возьми себя в руки, браток!

И взял в руки инструменты — конструировать тот самый аппарат, чья схема чуть ли не навязчивее духов Марии возникала в уме, словно преследуя его мысли.

...Дело заняло около недели. И наконец произведение стояло на верстаке — пластмассовая коробка, переполненная магнитными дисками, чипами, блоками и всякой другой всячиной, которая встречается в обычных компьютерах. Гудели вентиляторы охлаждения, мигали светодиодные индикаторы. Нормальная клавиатура, но с написанными от руки символами. И роскошный жидкокристаллический экран. Аппарат заработал, внешне исправно, когда Самуэль включил его в сеть. Сейчас оставалось разобраться, для чего сия штука предназначена... ибо конструктор пока понятия не имел об этом.

Самуэль набрал две двойки, утопил клавишу «плюс», и, точно как он ожидал, на дисплее появилась цифра «четыре». Так, понятно. Коробка по крайней мере умеет то, что умеют элементарные калькуляторы. Негусто. Тоже мне постижение! Самуэль продолжил испытывать математические возможности своего изобретения, усложняя вводимые выражения.

Наконец, он набрал длинное дифференциальное уравнение. Ответ появился почти сразу после нажатия клавиши «результат». Гм. Уже неплохо. Но что, только и всего? Суперкалькулятор? Не ахти новшество...

Самуэль поставил пальцы на клавиши ввода текстовых символов. Поколебался и настукал осторожно:

«Основная функция аппарата?»

Даже если он и надеялся на ответ, тот пришёл неожиданно.

«Трансформирование реальности», — ответила собранная его собственными руками, но неведомая в сущности машина.

Самуэль оторопел. Что же получилось — искусственный интеллект, что ли?

«Как происходит перемена реальности?» — онемевшими от напряжения пальцами набрал он следующий свой вопрос.

«Введи цифровой код 2-7-9-1-5-8-7. Подтверди нажатием клавиши без надписи».

И правда, одну клавишу Самуэль так и не обозначил фломастером. Неизвестно почему — чувствовал нутром, что так надо. Пригодилась-таки.

«И что произойдёт?»

«Реальности произвольны и различны. В каждой из них ты возьмёшь на себя ответственность за своё существование», — выдал аппарат на своём экране.

Ого. Коробка ещё и философ... ну и ну.

Любопытство ученого щекотало мозги и чуть ли не распирало череп, кости, внутренности — всё. Когда чешется — почеси. Любопытство можно почесать, только выяснив и вычислив все неизвестные до конца...

Самуэль набрал указанные аппаратом цифры и приготовился нажать на безымянную клавишу. И замер. Запах одурманивающих духов Марии волна за волной окатывал его из-за спины. Самуэль завертелся на стуле, едва не лягнув ботинками элегантные щиколотки лаборантки.

— Простите... — заикнулся неловко.

— Кофе вам принесла, — пояснила Мария. — Отдохните. Нельзя всё работать и работать... даже при вашей выдержке. Удивляюсь, как вы ещё на ногах... гм, как вообще не рухнули, господин Витковский. Это слишком. Разве можно сидеть в стороне от жизни! Она проходит мимо вас.

Самуэль взял ароматно дымящую чашку.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Жизнь!

— Жизнь?

— Жизнь — это всё, что нас окружает и чего мы касаемся. Вот кофе ваш, к примеру, можно было выпить в парке, среди деревьев, по которым скачут белки. И при этом можно разговаривать не о науке.

— Белки... Вы предлагаете... прогуляться? — Самуэль неожиданно для себя покраснел.

— Именно. Предлагаю. Ох уж эти учёные люди... Беда с вами. Если женщина не сделает первый шаг, так и останетесь... ни с чем.

Самуэль обалдело взирал на лаборантку, а перед глазами мельтешили странные видения. Слизистая тварь преследовала его; он сношался с каким-то ракообразным; громахающая громадина добивалась с ним близости; пугающего облика ящер с размаху надел ему на голову корзину с чем-то мягким... Во всех наваждениях присутствовало какое-то вычурно нормальное восприятие межполовых отношений. Он, по крайней мере отчасти, ЖЕЛАЛ плотью и студенистую тварь, и ракообразное, даже немного охоч был и до громадины, жрущей камни. Мужская его часть не осталась совсем равнодушной и к ящерице... а сейчас и жасминовые духи Марии ударили в нос. Запах взбудоражил его до потери разума. Руки чесались прилипнуть к бёдрам лаборантки, не пренебрегая и остальным. Ладонь задрожала, чашка запрыгала по блюдецке и плеснула кофе прямо на контакт аппарата, вызвав короткое замыкание. Пластмассовая коробка громко треснула, посыпались искры, пополз удушливый дым. Мария взвизгнула, а Самуэль вскочил и невольно схватил девушку за руку, стремясь уберечь и успокоить её.

Он не знал, да и не мог знать, что короткое замыкание утвердило эту реальность как единственную. В дальнейшей жизни Самуэлю никогда больше не привидятся кошмары о сексе с одноклеточными, ракообразными, роботами или пресмыкающимися. Он не вспомнит о прошлых существованиях, а в голове его не будет появляться таинственная схема генератора реальностей. Настоящая действительность ему нравилась, и она осталась фиксированной навеки, всего остального будто и не было никогда.

Он продолжал держать руку Марии, их пальцы сплелись, лаборантка совсем не спешила отстраниться.

— Знаешь что... — Самуэль кашлянул. — С научной точки зрения пить кофе на природе — это дело основательное. Всё равно тот, который ты принесла, я пролил... Пойдём вместе?

— Да, господин Витковский! — обрадовалась Мария.

— Вот что, зови меня Сами... дорогая, — важно и мудро сказал он.

Исключение из Дарвина

Я всегда питал слабость к карпам. Некоторые люди эту рыбу не уважают, говорят, что, сколько с ней ни возись, всё равно, мол, воняет илом. Это не совсем так. Карп отменное блюдо, если толково стряпать. Вся соль в том, чтобы оставить рыбину поплавать в сковороде в подсолнечном масле и слоях томатного пюре вместе с нарезанным луком. Важно также, чтобы брюхо карпа вздулось от молотых орехов с приправами. Только потом — суй в духовку и жди! В конце концов белое мясо заставит тебя пальцы облизывать. Вот зачем я пришёл на свой излюбленный пруд, понятно, с удочкой, — за самым увесистым карпом пришёл, конечно. Всё равно делать больше нечего. Если верить рыбацким байкам, тут в прошлом году поймали карпище в пятнадцать килограммов. Ну, я на такое чудо-юдо не зарюсь, но и не откажусь, если на крючок попадётся...

Моё местечко, как раз под раскидистой ивой, которую видно с шоссе, оказалось, однако, занятым. Знаете, как чувствует себя человек в подобный момент. Зло берёт. А там такой берег — высокий, крутой, вода под ним глубокая. Камыши в стороне, они на отмелях

растут. Глядишь в зага-очный тёмный омут и говоришь себе: вот тут крупняки карпы водятся!

Увы. Только смотреть и остаётся. Чудное моё место занято. Какой-то тип долговязый в джинсах, футболке и грязных шлёпанцах. Плюхнулся, как пластун, на кусок полиэтилена и сосредоточенно так глядит в подозрную трубу, труба даже на стойке. На меня — ноль внимания.

Я решил попробовать кашлем, говорят, помогает в таких случаях. Долговязый на миг голову повернул, потом руку протянул и в блокнотике что-то записал. И опять за своё. Будто нету меня на свете.

— Прошу прощения, — сказал я нервно. — Я здесь обычно рыбачу, гражданин.

— Бронь на место не наложена, папаша, — ответил наглец и пятернёй по патлам своим поелозил.

— Поза у тебя не шибко удобная, разве что задница у тебя броневая, — рыкнул я, готовый на агрессию. У нас в роду полным-полно любителей грубого решения проблем.

Тот прикинул, о чём речь, понял, каким керосином пахнет дело, и благоволил оглядеть меня подробнее. Затем, придя к неутешительному для себя выводу о разнице физической кондиции двух спорящих сторон, изволил ответить. Кардинально другим тоном, разумеется. Но с непреклонным содержанием слов:

— Гражданин, пожалуйста, найдите себе другое место для рыбалки. Я провожу важные научные наблюдения!

Я фыркнул:

— В такой мутной воде — и наблюдения?

— Я не в воду гляжу, а смотрю за тем, что над ней показывается.

— А точнее? — пока ещё елеиным, но праведно закипающим голосом осведомился я.

— Пятёрка меченых лягушек. Статистический подбор. Их только отсюда видно.

Гнев мой притормозил маленько. Я задумался над проблемой помечивания мокрых тваринок — в смысле чем это их? Наверное, уж не краской, лягушки, кажется, кожей дышат, сдохнут ненароком — и никаких тебе статистик. Помню я, помню кое-что о земноводных, в гимназиях всё же обучались... А долговязый лихорадочно записал ещё раз что-то в блокноте. И глазом снова присосался к оптике. Пинка ему дать, что ли? И я бы пнул, да любопытство заело.

— А в чём суть наблюдений? — спросил я. — Чем они такие важные, твои лягушки?

— Мух ловят.

Он что, издевается? Я, однако, остался внешне спокоен. Заметил:

— Каждый знает, что мух ловят. Типично для лягушек. Но ещё и комаров.

— Меня мухи интересуют.

Ишь ты...

— Почему?

— Потому что важно. За прошедшие дни среднестатистическая норма поедания мух нарушена. Что может быть симптомом экологического дисбалансирования локальной среды, а она в свою очередь способна спровоцировать цепную реакцию крушения систем обитания...

— Да ну!

— Да-да. Даже и генетический шок, и исчезновение человеческого рода.

Оба-на! Этот долговязый небось чокнулся. Шарик за ролик заехали в голову у научного исследователя. Стоит ли с психом связываться? Я подумал и решил продолжить беседу:

— Хорошо, глобальная катастрофа — это важно, да. А вы долго ещё собираетесь оставаться на моём месте? Я рыбачить пришёл аж из города!

— Не волнуйтесь, ещё минут десять, от силы четверть часа... Я тут уже пятый день, с девяти до десяти утра, снимаю данные для статистики... Вон там моя машина.

Я машинально повернулся посмотреть на автомобиль долговязого. Интересно, почему

он мне показался долговязым? Ноги у него просто очень длинные, вот и всё. Пока лежит, не сразу заметно, сначала ноги в глаза бросаются. Кто его знает, может, даже и не выше меня...

Эх, а карпы внизу, на дне, пастями щёлкают, не терпится им наживу сцапать! Но потерпите, карлики, мне тут и вправду интересно стало.

— Секундочку, а что вы точно считаете? Мух?

— Да, съеденных мух. Каждая лягушка пронумерована.

— Они что, ваши лягушки, с ума сошли — на одном месте стоять? Болото-то большое.

— Меченых лягушек более ста штук, все приблизительно одинакового размера. Почти всегда пять из них оказываются вместе. Вот и считаю. Статистика потом обобщает. Неважно, какие именно номера оказываются в зоне наблюдения, это исследованию не помеха...

— И какова цель исследования?

— Межвидовой баланс.

Учёный чудик замолк. Рубль ему, что ли, за каждое слово платить? И ещё копейки за перевод на человеческий... Нет, я терпеть могу. Но не люблю терпеть, когда не понимаю. Да ещё и злость из-за занятого места не прошла. Я собрал остатки выдержки и попробовал в последний раз добиться нормального ответа. Если не получится — в дальнейшем стану общаться с лягушатником пинками!

— Объясните-ка подробнее, популярнее, — попросил я всё ещё вежливо.

А тот будто только и ждал, чтобы предпринять вылазку в мой огород.

— Что вы думаете об эволюции? — быстро прижал он меня вопросом.

Я поперхнулся воздухом.

— Что тут думать! В школе учили. Эволюция эволюцией. Сначала микробы одни были, потом динозавры, сейчас человек. Так Дарвин сказал.

Не люблю слыть простаком. Но вопрос меня смутил, и я не слишком умно отреагировал на провокацию, признаюсь. А может, хватит дискуссий — надавать дураку учёному по шее и достать удочки...

— Так сказал, да, — согласился долговязый. — Но действительно ли всё так?

— То есть?

— Ещё в тысяча девятьсот семьдесят первом году один учёный доказал, что некоторые виды не претерпели заметных изменений за миллионы лет, тогда как другие очень быстро возникали, развивались и гибли за тот же период, а даже и в ещё более короткий срок. Как чехарда — вид сменяет вид, а третий в сторонке стоит. Мухи и лягушки, например. Длительные периоды времени они сохраняли удивительную стабильность. И сейчас вдруг их статус меняется. Причём в сторону ухудшения. И причина не только, может, даже и не столько в человеческой деятельности, в промышленном загрязнении. Существуют и другие факторы...

— Чёрт побери, да объясните же, о чём толкуете!

— Лягушачьи языки. В последнее время становятся длиннее. Такое вот положение.

— Ну и что?

— Явное стремление ловить побольше мух, но результат таков, что мух всё меньше.

— Чем плохо? Мухи вредные насекомые.

— Ну... ладно, пусть вредные. Но лягушек тоже меньше стало. С одной стороны, меньше числом... да только КАЧЕСТВО у них уже другое.

— Качество?

— Они претерпевают какие-то перемены. А это уже плохо. Наверное, вид защитной мутации, хотя кто её знает. Лягушки крупнеют, возросла плодовитость, а вот мухи их не успевают догнать по скорости размножения. И чем чёрт не шутит, возьмут и исчезнут совсем. И как только это произойдёт, лягушки волей-неволей должны обратиться к другой пище. Понимаете? Популяция мух сокращается, лягушачьи языки удлиняются, прожорливость возрастает, и в конце концов они или приспособятся, или вымрут, как эти, за которыми слежу. А если вымрут лягушки, туго придётся аистам и другим птицам, пресмыкающимся тоже. Быстро исчезнут с лица земли одни виды, появятся новые, от

которых неизвестно чего ждать. Произойдёт экологическая катастрофа, подобная тем, которые имели место в геологическом прошлом планеты и объяснения которым всё ещё нет. Что послужило поводом для каждого из зарегистрированных в минувших эрах массовых вымираний? Пока что точно неизвестно. Природа словно включает некий защитный генетический механизм, и живой мир изменяется внезапно, в очень короткий срок. Наступит новая эра, о которой даже гадать трудно. И наступит вдруг, а не постепенно, как твердит теория Дарвина. Такое впечатление... будто нечто взмахивает волшебной палочкой, мол, надоели одни и те же животные и растения, давай-ка посмотрим, как себя поведут другие виды... Я полагаю, что каждый такой катаклизм имеет в корне только одну конкретную причину. Повод. Думаю, часто совсем незначительный на первый взгляд. Безобидный поначалу. Но потом, потом...

— Опять не понял.

— Так называемый эффект домино. Падает одна костяшка и валит все остальные. Виды вымирают в силу сочетания неблагоприятных для них факторов в результате одного-единственного события. Тут же на смену им возникают новые виды. И происходит это не за миллионы лет, как твердит Дарвин, а, может, за десятилетия. Или ещё быстрее. Причём факторы я комментирую внутренние, не кометы там и не глобальные потопы. Что-то ломается в генетике одного вида... и, погибая, он часто влечёт за собой в бездну почти весь окружающий живой мир. А на его месте появляется новый белый свет. Что непонятного? — Долговязый чиркнул карандашом в блокноте и продолжил меня поучать: — Видите? Пять минут, пять лягушек — и ни одной мухи! Впрочем, голуби тоже вырождаются. Часть их перьев превращается в иглы, пока мягкие, не как у дикобразов, но начало налицо. Я наблюдаю за голубями из окна квартиры. Становятся всё уродливее и гаже. Печальное зрелище, прямо тоскливое, я вам скажу...

— У голубей из-за металлургического комбината перья слипаются. От свинца в дыму. Яд.

— Ладно, пусть от свинцовых соединений. Но есть ещё перемены. Голуби день ото дня всё больше свирепеют. Не воркуют, а злобно шипят. Поведение существенно изменилось. Дерутся как никогда яростно.

— Они всегда дерутся! За самку, за крошки хлеба на подоконнике, бес их знает за что ещё... — резонно заключил я.

— Да, и прежде дрались, конечно. Но не столь... хищно. А с собаками и кошками что творится! Странные какие-то стали и всё необычнее становятся...

— Ну всё! Пятнадцать минут прошло! — лопнуло моё терпение. — Карп не будет ждать до вечера!

Исследователь наконец поднялся. Ага, так и есть — длинный, тощий. Туловище короткое. В высоту ему прыгать, олимпийское золото стяжать во славу общества, а не мозги отдельным гражданам пудрить лягушками, кошками и голубями да не наезжать с гонором на Дарвина. Все они умные критиковать — тот ошибся, этот недоглядел...

Глаза у долговязого были добрые, как у телёнка невинного.

— Будем знакомы, — внезапно предложил он и протянул руку. — Даниэл.

— Иван, — буркнул я не столь дружелюбно. Хотя, признаюсь, сердиться на людей с телячьими глазами трудно, но и терпеть их тоже нелегко.

— Иван, я попрошу вас об услуге, — пролепетал Даниэл. — Если получится так, что оба придём на это место в одно и то же время... давайте как-то... ну... вместе. Вы себе карпов удите, а я буду считать лягушек и мух. Никто никому не мешает. Вряд ли больше пары раз случится.

— Ладно уж, потеснюсь во благо науки, — сказал я и пожал ему руку.

До конца рыбалки карпы словно и вправду мутировали. На заначку не реагировали, на хлеб плевали, кукурузе хвосты показали, гады. Так что в тот фатальный день тупой рыбиной оказался я, а не карпы.

Следующие дни мы с Даниэлом делили ценное местечко на пруду. Учёный чудик, вопреки телячьим глазам, проявлял ослиное упрямство в своей работе. Вот это я уважаю: взялся за дело — вкалывай и вообще доводи до конца. Даниэл не сачковал, а скрупулёзно пас своих земноводных и подопечных насекомых. Молодец. Я всегда на рыбалку с собой водочку беру, угостил мужика — в конце сеанса наблюдений, конечно.

Отношения наши светлели... но физиономии мрачнели с каждым прошедшим днём. Его мухи действительно исчезали, да и мои карпы бастовали, заразы.

— Слушай, Ваня, — как-то предложил мне Даниэл, — а ты попробуй сменить наживку. Саранчу на крючок насади, например.

— Ха! Ну ты даешь! Карп — и саранча! Карп, молодой человек, рыба благородная. Она пасётся, а не цапает зубами, как щука. Я уже всё пробовал...

— Ничто не мешает попробовать саранчу. Вон их сколько прыгает...

Гм, действительно, а почему бы нет? Я быстро поймал наживу из тех, со вздутым зелёным брюшком, и насадил на крючок. Несчастное насекомое стало плевать пеной, не понравилось небось. Я бы пожалел саранчу, да люди существа жестокие, так что вместо того чтобы сочувствовать, я взмахнул удилищем, и крючок с наживой плюхнулся в середине омота.

Не прошло и минуты, толстая леска натянулась как струна. Здорово клюнуло, у меня пальцы судорогой свело, пока боролся с гадом, который сопротивлялся не как нормальный карп, а словно водяной чёрт. Еле вытащил с помощью сачка. Вытащил — и обомлел. Обомлеть обомлел, но всё же треснул добычу камнем по голове. Чудовище затихло. Вот это да... шесть кило, не меньше! Радость, однако, смешалась с тревогой. Даниэл встал рядом, рассматривая улов.

— Вот оно, — воскликнул испуганно он, — началось! Такие КАРПЫ уж точно только на саранчу клюют! Боже мой! Плакали мои исследования... — добавил уныло. — События меня опередили!

Я молчал. Карпище вообще на карпа не смахивал. Чёрный, как дьявол, вместо чешуи — грубая и шершавая кожа акулья. И зубы — зубища, клыки! И мало бед — нижние плавники больше напоминали недоразвитые лапы крокодила. Меня затошнило. Ещё секунда — и кинул бы эту гадость обратно в пруд... но, может, после духовки добыча будет выглядеть совсем ничего, а? Мало ли тварей дурно выглядят, зато вкуснятина — объешься. Съем я эту тварь, ёлки-палки, съем, чего бы мне это ни стоило.

Так я и сделал, даже Даниэла пригласил на ужин. И он, бедолага, вроде меня — сам живёт. А одинокая жизнь — не жизнь, а существование. К тому же горе у него — мечта совершить научное открытие пропала навеки. Все вокруг уже начали замечать перемены, но как будто всем до лампочки. Кстати, карпоподобная зверюга действительно вкусной оказалась. Нам с Даниэлом как-то полегчало. Поболтали, раздавили бутылочку, закуску умяли — всё чин чином. А потом проводил я гостя до дверей, запер замок и невольно задумался о его прогнозах.

Мать честная, что нас ждёт?..

Ну, меня в тот же вечер ждала вторая бутылка водки.

Прошло месяца два. Даже слепым и тупым стало ясно, что мир меняется невероятными темпами — тютелька в тютельку как Даниэл предсказал. И не пришлось ждать миллионы лет.

Мухи исчезли — начисто. Зато появились им на смену другие гадкие твари. Ярко-алые, с толстым панцирем, не каждый раз и ногой раздавить получается, а уж настырные — невтерпёж! О вымерших мухах, слепнях и оводах вспоминаю с умилением. А у этих челюсти прокусывают одежду. Уже не только мужики, но и бабы только брюки да толстые рубахи надевают. Боязно на улицу выходить, алые жуки-мухоиды там хозяйничают. И не только агрессивность их меня смущает, вообще странные они, о двенадцати ногах и с телескопическими глазками.

Ни зверь, ни птица их не трогают, лимфа у них ядовитая, а уж размножаются — словно

бьются абсолютные рекорды в этой дисциплине сломать.

А лягушки, они тоже совсем уже не те. Выродились в нечто несуразное. Покинули водоемы, кожа их ороговела. По бокам их клоак расположены двенадцать паутинных желёз; жабодонты, как их теперь называют, плетут коконы, в которые откладывают яйца, а затем развешивают их по деревьям, почти совершенно потерявшим листья. Натуралисты говорят, что для развития яиц нужен постоянный свежий ветер. А бывшие лягушки тем временем жрут бывших мышей, мышепагов, которые неосторожно перепархивают с норы на нору и становятся жертвами ещё более длинных ловчих языков жабодонтов.

В магазинах не достать курятины, не купить бройлера. Нет их уже в природе. Курицы сейчас меховые, кожа толстая, трудно режется ножом не только в домашних условиях, но и на мясокомбинатах тоже. Зато из хвостов экс-кур получаются красивые сувениры. Соседка шепнула недавно, что хвост куродрида, если поставить его в вазу с пёстрым колючим бурьяном, приносит удачу. Всегда. Проверено, мол...

Настенный календарь свидетельствует, что со дня поимки первого карпа-мутанта прошло девяносто восемь дней. Я сам отметил дату.

Свиньи измельчали, обзавелись оперением, но пока летают плохо. Слава богу, они хоть остались, а то коровы все как одна в некий непрекрасный день перестали принимать пищу и подошли. Молочные животные повывелись, молоко превращается в трогательную легенду о добром старом времени.

Собаки облезли, кожа у них стала блестящая, синеватая. Ходят на задних лапах, почти ногах. Один знакомый слышал от друга, что где-то уже встречали говорящих псов. Поумнели ещё больше, значит. Кошки вроде бы последовали их примеру, но не столь удачно — оглупели и перестали мурлыкать. Хозяева их тут же выдворили, так что бывшие кошки уже совсем дикие. Не знаю, как новый их вид назвали. Шляются по лугам, мышепагов ловят, конкуренцию жабодонтам составляют. Но составляют иногда и добычу более крупным экземплярам бывших лягушек... кому как повезет, значит.

Экологическая катастрофа каким-то образом привела и к климатическим переменам. Правда, я не возьмусь сказать, где тут причина, где следствие, но... Уцелевшие чертополохообразные растения не испаряют много влаги, климат стал сухим, термометр прыгает как сумашедший. Днём жара, зной до пятидесяти по Цельсию, а ночью — мороз январский. Идиотизм какой-то. Лишь в горах иногда идёт дождь — или снег, — что несколько утешает, мол, не помрём от жажды. Да и в поле растут водобуханки — сами по себе, без ухода, ловя редкие дожди, выпивая даже утренний жидковатый туман, зато очень вкусно и питательно, да и преследовать, как дичь, не надо. На кактусы похожи, но мясо — словно сдобная булка. Из-за водобуханок стал я даже думать, что экокатастрофа не такое уж и бедствие. Некоторые порхающие, шныряющие и планирующие вокруг создания довольно красивы, другие неприятны, но встречаются и совсем прелестные, а часто и безопасные виды. По земле ползают совершенно инопланетные на вид существа, интересно, что мягкость тел исчезает, мода на панцири и раковины пошла.

Когда я обнаружил на своей руке первую чешуйку, сначала стало страшно и дико захотелось водки. Но после второй и третьей привык. Потом и весь покрылся жёсткими пластинками и обрадовался, что теперь не надо бояться поцарапаться или порезаться, а мухоидам моя новая шкура не по зубам. Немного удивило выпадение волос и появление шестых пальцев на руках и на ногах, но я быстро приспособился и даже почувствовал себя гораздо лучше. Тело становится всё сильнее, а хвост теперь моя главная опора в жизни. Пусть волнуются собственники автомобилей — как станут в них забираться? Впрочем, сиденья в автомашинах уже производятся с учётом хвостатости. С совсем небольшим опозданием на конъюнктуру отреагировала мебельная промышленность.

Не прошло много времени, как я почувствовал рецидив молодости, жизнь начиналась словно сначала. В результате сего теперь я женат, у супруги золотистая чешуя и красивые фиолетовые глаза. Мы прекрасно уживаемся. Один лишь у нас повод для размолвок — моя

страсть писать истории, возникшая пару лет спустя после заключения брака. Вероятно, ей не нравится, как мои короткие толстые острые ногти стучат по клавишам компьютера. Всё кричит на меня из спальни:

— Перестань шуметь, псих! Заснуть из-за тебя не могу!

Я тоже не могу. Сон — это моё прошлое. Уже не сплю совсем. Всё равно спать значит время терять, как говорит мой лучший друг Даниэл, а он мужик башковитый, интеллигент.

И всё же каждому мил семейный мир, а сосед говорит, что скоро на рынок выбросят резиновые клавиатуры, пишешь на них сколько хочешь — и тишина!

Ох, уцелели мы, ребята, уцелели! Что с того, что видоизменились! Кому какое дело, как через время назовут нашу прошедшую эру! Мир переменялся к лучшему, и я глубоко благодарен за это бывшим лягушкам и бывшим, царство им небесное, мухам.

Благодарен, ибо привык и в этом виде мне хорошо. Что может быть важнее, а?!

АНАСТАСИЯ ЧЁРНАЯ

Дело №... «Золотой Петушок»

— Кар-кар!

Проклятый ворон! Задолбал до невозможности. Сегодня же его ошпилю и привяжу к забору на потеху приличным воронам. Или попрошу Каргу сварить из него похлёбку для Мурзика.

Как не хочется вставать, однако.

— Кар-ка-ар!

— Заткнись, петух бройлерный! — крикнула я и запустила в Квока шёлковой подушечкой.

Промахнулась. Вот блин горелый! Я сразу раскаялась в том, что сделала.

Ну и надо было мне так криво бросать свою любимую подушечку-сердучек? Это она форму такую имеет, в виде сердечка. Сама вышивала.

Квок — Каргулин ворон. Не правда ли, прикольное имечко? Этому старикану уже лет не сосчитать, а он, как обыкновенный петух, орёт ровно в шесть утра, не давая поспать приличным (и не очень) людям.

— Литушка-а... — раздался ласковый, слегка скрипучий голос. — Вставай, милая. Кушать уж давно подано.

— Иду, Каргуля! Вот только сейчас зажарю твою курицу и спущусь. Жаль, невкусная будет: старая уже.

— Что ты, лапушка! — ужаснулась моя хозяйка. — Да он не специально-то! Ты уж не гневайся, дорогая. Что с глупой птицы взять? Оно только в присказке говорится: «Мудр как ворон», а на самом деле...

Старушка не договорила. А что тут скажешь, всё и без слов понятно.

Да, кстати, забыла представиться.

Меня зовут Левашова Аэлита Ивановна, 198... года рождения. Волею судьбы оказалась в сказочном царстве, провинциальном государстве под названием Ведеркино. Работаю у царя-батюшки нашего Потроха (заметьте, ударение на второе «о») главой частного детективного агентства. Живу на квартире у Саломеи Сосипатровны Деревенской, в народе именуемой бабой Каргой за дурной глаз да умение колдовать. Бабуля на прозвище не обижается. По-моему, она сама уже давно позабыла своё «натуральное» имя-отчество.

Как я попала в эту затерявшуюся среди времен эпоху — сама не знаю. Жила себе жила в Москве, честно зарабатывала на кусок «Сбарро-пиццы» да чашку зелёного (дорогущего) чая «Nadin» профессией частного сыщика. Отлавливала всяких загулявших жён, распутных секретарш и так далее.

И вот однажды ко мне явилась некая Станислава Кромофф (фамилия явно переделана на американский лад) с просьбой вычислить любовницу её мужа. Выдала вполне приличный аванс и пообещала по успешном завершении расследования заплатить в два раза больше. Я согласилась и приступила к делу.

Моих подопечных я выследила довольно быстро. Впрочем, они не слишком-то и скрывались. Милые такие ребята. При взгляде на изменника-мужа мне его даже стало жалко. Бедный парень. Явно позарился на богатое приданое Станиславы. Иначе зачем молодому человеку с наружностью модели жениться на толстой бабище лет на пятнадцать старше его?

Парочку отчего-то всё время тянуло ввысь. То на крыше небоскрёба встретятся, то полетят вместе на дельтаплане. И даже записались на прыжки с парашютом! А мне что прикажете делать? Пришлось тоже записаться.

Настал день, когда наша группа загрузилась в самолёт. Набрали высоту. Инструктор подал команду, и высадка воздушного десанта началась. Голубки тоже прыгнули. Моя скромная персона, конечно, сиганула за ними. Лечу это я лечу, стараюсь не упустить их из виду и вдруг чувствую, что покрываюсь холодным потом.

Батюшки-светы! Да ведь я впопыхах дернуть за кольцо забыла. А до земли уже считанные метры остались. Мысленно попрощавшись с белым светом, я уже приготовилась спокойно помереть...

Как вдруг провалилась в воздушную яму.

Очнулась на маковке колокольни в славном городе Ведеркино. Зацепилась лямкой рюкзака с парашютом за крест. Ну вылитый барон Мюнхгаузен.

Пообжила, поосмотрелась чуток и открыла здесь филиал своего агентства. А работы у меня непочатый край. То одно, то другое дело наклёвывается.

Заработки, конечно, не ахти, но для этого времени вполне хватает. Цены в Ведеркине, нужно прямо сказать, совсем не столичные. Не то что у нас в Москве. Там в «Новоарбатский» гастроном заскочишь купить чего-нибудь вкусненького к чаю, смотришь, а тысячи рублей как не бывало.

Тысяча рублей! Да мне в царстве славного Потроха за эти деньги до конца своих дней придётся горбатиться, если я домой не вернусь...

— Литушка-а, красавица-а! Блинки-то стынут! — прервала мои размышления бабушка Саломея.

Быстро одевшись, я затопала по ступенькам.

— Чё у нас на завтрак? Мм... Обожаю блинчики с повидлом... Бабуля, ты чудо! — сказала я и чмокнула разулыбавшуюся старушку.

Не успела доест свой «скромный» завтрак, как в дверь настойчиво забарабанили.

Я выглянула в окошко. Опять царские снайперы. Ох, как они надоели! Ну и чего им в этот раз надобно?

Разговор был недолгим. Оказывается, Потрох уже который день не спит. Манька-преследка замучила. Войны ему мерещатся везде. Гневается. Утопиться грозит, а перед тем всех придворных на колы пересажать.

Короче, срочно надо ехать на государев двор, в царёв терем.

А я-то тут каким боком? Это не мой профиль — психически хворых убалтывать. Но ехать всё равно придётся.

Быстро попрощавшись с Каргой, я уселась в повозку и покатила к царю.

На Потроха было жалко смотреть.

Глаза у него слипались, борода узлами закрутилась. И весь вид у батки был какой-то жалкий, замученный. В общем, совсем не царский.

— Ага, явилась — не запылилась! — грозно прикрикнул государь-надёжа. — Где тебя только черти носят, пока я самолично изменников выслеживал?!

Царь у нас ва-аще на этом деле помешанный. Пунктик у него такой. Везде врагов царства выискивает.

— Ближе к делу, ваше величество, — холодно прервала я его словоизлияния.

— Ну чего ты энто злая-то такая? — пошёл на попятную повелитель. — Злой будешь — на кол посадить велю.

— К делу. Я не люблю повторять.

Вообще-то батька, как ни странно, у меня по струнке ходит. Это он сегодня в ударе почему-то.

— Ну, милая, к делу так к делу, — покладисто согласился царь, уселся на трон и, сурово тыча скипетром в мою девичью грудь, изрёк: — Изволь-ка мне петушка золотого доставить. Он, сказывают, всех супостатов за версту чует.

— Чего-о? Ну вы, величество, блин, даёте! Петушка ему подавай, видите ли! Где я вам его найду? Это ж сказки. Его ж Александр Сергеевич Пушкин выдумал!

— Ну-ну! — погрозил владыка. — Ты потише. Поумерь-ка пыл свой боевой. Какого-то Пушкина приплела. Я царь или не царь? Значится, так: привезёшь кура — повышу тебе жалованье в два раза. Не привезёшь — пеняй на себя. — Потрох развел руками.

Разговор о деньгах меня немного успокоил. Наличность — это всегда приятно.

— Откуда вы хоть про него узнали? — поинтересовалась я.

— Дак это, старец седой явился мне во сне. Настроил гусельки яровчатые и забренчал песенку. Складненькую такую. Есть-де у Шемаханской царицы петушок золотой. От деда моего двоюродного достался. Так что кур этот — наше семейное достояние. Надо бы вернуть.

— И где же я найду эту особу царских кровей? — скептически протянула я.

— В лесу, возле Ольшина. Лагерь у ней там. Мне мои снайперы донесли.

— Отчего ж их и не пошлете?

— Не доверяю я им, — нахмурился царь. — Бездельники окаянные. Гусударственное дело как пить дать завалят. — Когда едешь? — осведомился он деловито.

Что ты с ним поделаешь. Придёт в голову какая блажь — колом её оттуда не выбьешь. Придётся-таки ехать свет за очи, искать эту царицу «кавказской национальности». И как я у неё ещё этого петуха экспроприировать буду?

Словом, сошлись мы на том, что через три часа, собравшись и прихватив с собой Каргуню с Мурзьем (это бабкин чёрный кот-оборотень, каждое полнолуние превращающийся в тупого громилу), я буду ждать царских снайперов с каретой и шестёркой лошадей.

Карга, конечно, была против и ехать отказалась наотрез. Меня, красну девицу, тоже не пускала. Но я отпросилась «на пару дней» и, взяв за шкурку Мурзья, стартовала в Ольшино.

Ольшино. Что оно, собственно, собой представляет? Да ничего примечательного. Обыкновенная маленькая и запущенная деревенька. Вот, правда, лес там очень красивый. Но мало ль у нас в округе живописных местечек. И чем именно это приглянулось Шемаханке?

Да-а... Шатер у царицы обалденный. Раза в полтора будет повыше царского терема. Огромный, словно шапито, он раскинулся на кисельном берегу молочной реки (я нарочно проверила — всё чистая правда: и молоко, и кисель всамделишные). В этом шатре слились все цвета радуги. Будто золотом вышитая надпись «Шемаханская царица: бюро торговли. Холодильники, телефоны, коты-баюны, жар-птицы» украшала вход.

Ни фиги себе, подумала я. Откуда здесь холодильники и телефоны, в сказочной-то реальности?

Ну и ну, понеслась вдогонку первой другая мысль. Никогда бы не подумала, что венценосная особа снизойдёт до торговли.

«Ты совер-ршенно пр-рава, юная хозяйка, — вклинился в моё сознание мурлыкающий голос Мурзика. Он у нас в обыкновенные, неполнолунные циклы не может говорить по-человечески, а только телепатирует. — Интер-ресно, а где это сама цар-рица?»

— Пойдём поищем, — предложила я.

— Позолоти ручку, красавица! — донеслось откуда-то со стороны.

— Ой, кто вы? — Я инстинктивно приняла боевую стойку каратека.

Пред мои ясны очи предстала дама цыганской наружности. Только одета она была не в

пример нашим городским гадалкам. Коротенькое зелёное платьице великолепно гармонировало с её изумрудными глазами и смоляными, до самой земли волосами, заплетёнными в пять или шесть косичек-дредов. Прекрасное, отнюдь не поддельное кольцо из зелёных же камешков украшало её лебединую шею.

— Меня зовут Эсмеральда, хотя чаще называют Шемаханской царицей, — очаровательно улыбнулась она.

— Ужель та самая...

Тьфу, с языка чуть не сорвалось: «Татьяна». А что? Обе ведь персонажи Александра Сергеевича.

— Не сомневайся. А вы, собственно, кто будете, страннички? — нахмурила соболиные брови царица. — И зачем ко мне припожаловали?

— Кхе-кхе, — прочистила я горло. — Разрешите представиться. Аэлита Левашова. Нахожусь на службе у царя нашего Потроха. По его поручению и прибыла. А это Мурзик. — Котик ненавидит, когда я его так называю; обожаю мучить четвероногих.

— Мурзик... Чудесное имечко... — нежно пропела Эсмеральда, и у киски сразу посоловели глаза. — Так чего же вам надобно, перехожие?

— Нам нужен золотой петушок, — бухнула я без экивоков.

А чего, спрашивается, резину тянуть?

— Ха-ха-ха! — звонко засмеялась Эсмеральда. — Ха-ха! Надо же было такое придумать!

Странная она какая-то. Чего смешного нашла в обыкновенной просьбе? Смех без причины, как известно, явный признак... Хм-хм.

— А в чём дело? — поинтересовалась я.

— Милая Лита... Вы не обидитесь, если я вас так буду называть? Я ведь всё-таки старше вас... немного.

— Что вы! Неужели? — польстила я царице. — Великолепно выглядите.

Парочка комплиментов всегда помогает налаживанию хороших отношений.

— Большое спасибо. Но ближе к теме. Лита, неужели вы ничего не знаете о петушке? Да ведь это давняя история. О ней ещё в газетах писали. Он же умер, золотой наш. С горя и скончался. Всю жизнь каялся в том, что по молодости и глупости шлёпнул царя Дадона. Уже лет пять, как его нет с нами, — обронила слезу царица.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Сколько раз я говорила Потроху, что экономить на подписной кампании нельзя. Так нет же: «Казна не вынесет! Тратить гусударственные деньги на листки ненужной бумаги, с которой даже в сортир не сходишь...» Мракобес! Ретроград! Вот что значит не иметь доступа к международной информации. Сидела бы я сейчас преспокойненько дома, пила бы чай с ватрушками...

— Что же мне теперь делать? — Я растерянно уставилась на Шемаханку.

— Ну с этим проблем не будет, — успокоила меня царица. — Насколько я помню, Потрох никогда не отличался особым умом. Я могу продать вам петушка-на-посошок. У меня, кажется, есть один золотисто-рыжего цвета. И характер у него соответствующий. Должен подойти.

— Петушок-на-что? — переспросила я.

— На-посошок. Я их держу на продажу. Знали бы вы, какие из них замечательные закуски выходят. Окорочка — одно объедение; У меня этих куриц — тьма! Иногда даже возникает мысль, а не наладить ли экспорт петушиных окорочков за границу. Дело может оказаться весьма прибыльным.

Мне почему-то припомнились наши рынки, заваленные унылыми «окорочками Буша». Так вот кому мы обязаны этим видом импорта!

Мы погуляли ещё немного по лагерю царицы, попили шербета, заедая его пахлавой и рахат-лукумом. Эсмеральда оказалась классной девчонкой. Представляете, она мне просто подарила петуха! В конце концов Шемаханка даже решила отправиться с нами к Потроху. Видите ли, соскучилась, давненько не видела.

Наверняка батька не заметит обмана, тем более в присутствии Эсмеральды.

Когда мы сидели в карете, я всё же решилась задать вопрос, который уже давно не давал мне покоя:

— Эми, у тебя на вывеске написано: «Холодильники и телефоны». Что это значит?

— Ты что, не знаешь, что такое холодильник? — поразилась царица. — Ведь это такая каменная коробка, которая не пропускает солнечных лучей. Телефон — ещё проще: два полых куска белого мрамора, соединённые бамбуковой трубкой или, на худой конец, камышом. Говоришь в один — слышишь из другого.

Да! Техника на заре цивилизации. А я-то наивно думала, что первые бытовые приборы появились гораздо позже.

Потрох, как я и предполагала, даже не усомнился в подлинности петушка. Да и не до того ему было. Он всю приударял за Эсмеральдой. Даже предложение ей сделал. Царица обещала подумать.

В этот раз всё закончилось хорошо. Разве что бедного Мурзья Карга целую неделю отпаивала отворотным зельем.

Вот она — женская магия!

НАТАЛЬЯ ТАТАРИНЦЕВА

Не родись психологом...

В одном из провинциальных городков, чьё название можно различить на карте только с помощью мощной лупы, и то пришлось бы долго всматриваться, наступила ночь. Собственно, это событие никак не может считаться из ряда вон выходящим хотя бы потому, что оно случается постоянно на протяжении бесчисленного количества лет. Но эта ночь могла похвастаться оригинальностью — сегодня падали звёзды...

Наблюдая падение звёзд, орали полночные коты, нещадно обливаемые из окон.

Начитанные пятиклассники Вася Семёнов и Коля Инночкин нашли на пустыре обломки летающей тарелки! К сожалению, впоследствии оказалось, что это останки трактора «Беларусь», но МЧС ребята на уши подняли...

Двое влюблённых решили загадать на падающую звезду желание — никогда не ссориться, но вдрызг разругались, выбирая, на какую именно звезду загадывать.

Астроном-любитель Архип Селивёрстович, затаив дыхание, приник к телескопу, был намертво скрючен радикулитом и матерился без слов...

Так можно было бы рассказывать о многих и многих, но нашей героине, Анжелике Макаровой, нынче было абсолютно не до звёзд.

Вот уже почти двадцать лет прошло с того счастливого дня, когда романтические и начитанные родители нарекли её столь редким и красивым именем, рассчитывая, вероятно, что дочка вырастет в очаровательную светловолосую авантюристку и будет разбивать сердца королям, графам или, за неимением таковых, хотя бы финансовым олигархам. Но, как говорил один мудрец, что выросло — то выросло...

Как известно, девушки бывают либо умные, либо красивые. Анжелика была умная... очень. То есть настолько умная, что о красоте речи не было и намёком.

Собственно, поэтому она и плакала на кухне в половине первого ночи. Нос распух, лицо пошло отвратительными красными пятнами, а очки с толстыми линзами то и дело норовили упасть в кружку с невкусным зелёным чаем.

Обычно от неминуемой депрессии её спасали два луча света в тёмном царстве комплексов неполноценности: РАБОТА (психолог в младшей школе № 130) и КВАРТИРА (однокомнатная, досталась от бабушки и о-о-очень давно требовала капитального ремонта). Но больно уж невезучий выдался сегодня день...

С утра её облаяла соседская собака, потом осмелили весёлые бритоголовые юноши из дома напротив, а на работе милая первоклашка с огромным бантом наотрез отказалась поговорить со «страшной тётей», и разгневанная мамаша, словно революционный бронепоезд, помчалась к директору выяснять:

— Почему лица с такой антипедагогической внешностью позволяют себе работать в передовом учебном заведении?!

И при этом пыхтела с таким праведным негодованием, что Анжелика поняла: чтобы немедленно восстановить душевное равновесие в целом и мировую гармонию в частности, ей остаётся только одно — пойти повеситься.

И сейчас Анжелика постепенно склонялась именно к этому варианту...

Умберто спешил на работу, проклиная всё на свете:

— ...И жизнь эту растреклятую, хвост ей в гриву, и карьеру эту, в гробу я её видел... и вообще...

Внизу многоцветными огнями сиял город, чёрные кожаные крылья со свистом разрезали воздух, цель была близка, но настроения это не улучшало. Отнюдь.

— Ё-мое, ещё и работать в таких антисанитарных условиях! — озлился он, опускаясь на крышу панельного дома.

Сверху район своей формой удивительно напоминал древний Стоунхендж, только светились квадратики окон да торчали спутниковые антенны.

Умберто сверился с записанным на бумажке адресом и, вздыхая, спланировал на потрёпанный балкончик. Всё вроде верно: квартира семнадцать, дом сорок пять. Заказ будет выполнен.

Анжелика проснулась от душераздирающего скрипа балконной двери. За доли секунды в сонном мозгу замкнулся логический круг: красть у меня нечего, значит, это не вор, привидению здесь тоже нечего делать, может, гости, но гости входят через дверь, а через окно влезают воры, но красть у меня нечего...

Наивной девушке даже в голову не пришёл тот единственный вариант, что обязательно возник бы в голове любой другой представительницы её пола.

Как гласят умные книги, в стрессовых ситуациях включаются скрытые резервы организма, о которых человек даже и не подозревал. Но в тех же умных книгах не упоминается, что при этом, как правило, напрочь отключаются мозги. Что Анжелика успешно и продемонстрировала. На цыпочках она метнулась к стене и совершила самый глупый поступок, какой только можно себе представить, — включила свет!

Умберто понял, что попал не туда. Взъерошенная девушка в огромных очках и пижаме с бегемотиками никак не тянула на объект заказа. Но, помянув про себя недобрым словом систему распределения с их идиотскими ошибками, решил всё же действовать по плану. Как говорится, «не мои проблемы, моё дело маленькое».

Он пригладил пятернёй волосы и интимно прошептал:

— Зови меня Умберто, моя госпожа...

И тут Анжелика поступила, как поступила бы любая учительница, узрев у себя в спальне здорового голого типа с крыльями летучей мыши и именем из плохого латиноамериканского сериала.

Она неистово завизжала, а когда извращенец от мощи децибелов начал тихо сползать по стенке, метнулась в крохотный совмещённый санузел и надёжно заперлась на хлипкую щеколду!

Умберто растерянно топтался посреди комнаты. С одной стороны, его здесь никто не держит, понятно, что «непогрешимые начальники» попросту ошиблись адресом, и самое

разумное сейчас — отправиться в главный офис и учинить грандиознейший скандал. Но с другой стороны... напуганный и злой случайный свидетель — это брак в работе, за который могут запросто лишить премии по итогам года. В голову закралось робкое сожаление о том, что нельзя действовать, так сказать, радикальными методами. То есть формулировка «хороший свидетель — мёртвый свидетель» здесь не работает. Увы, увы!..

Таким образом, не оставалось ничего другого, как извлечь психованную девицу из ванной и по возможности успокоить... любыми (нерадикальными!) способами.

— Кошечка моя! — проникновенно начал он, подходя к обшарпанной двери.

— Тамбовский волк тебе кошечка! — решительно отрезали в ответ. После слов, сказанных ТАКИМ тоном, обычно следует выстрел в упор из двух револьверов и последующее презрительное пинание трупа.

— Э-э-э, ну рыбка...

— Аналогично! -

— Зайка! Птичка! Солнышко! Да открой же дверь, идиотка-а-а!

— Я чё, дура?! — надменным и презрительным тоном осведомились из-за двери.

Переговоры зашли в тупик...

Удачно срезав наглеца, Анжелика поудобнее перехватила древнюю швабру, дабы, ежели этот здоровенный маньяк вознамерится ломать дверь, врезать ему в лучшем стиле китайских боевиков по... Опыта у неё не было, так что, в общем, по чему получится, туда и врезать!

Однако снаружи царил тишина. Потом послышались странные звуки, словно кто-то немилосердно колотится головой об стену, да ещё и тихо скулит сквозь зубы. Прислушавшись, можно было различить:

— Блин горелый, а... — Тонем непередаваемой скорби: — За что?! За что?! За что?! Шеф меня убьёт... — Стук головы о стену. — Нет. Сначала уволит, потом убьёт. Нет. Просто уволит... — Задумчиво: — Лучше бы убил! — Три сильных стука подряд. — А мне до повышения месяц остался... ну два от силы... Этого мне только не хватало. — Осторожный пинок по двери ванной. — Коллеги интригуют, заказчики хамят, секретарши обидно хихикают в спину, зарплату постоянно задерживают... Это не жизнь, это...

— Обширная депрессия на грани истерии, — донеслось в ответ.

— Во-во! — уверенно подтвердил Умберто. — Что?!!

— Хотите об этом поговорить? — Дверь распахнулась, и, держа в руках невесть откуда взявшиеся блокнот и ручку, психолог в пижаме воинственно поинтересовалась: — Имя? Фамилия? Должность?

— Умберто. Корсиканский. Профессиональный инкуб в третьем поколении... А вы серьёзно, доктор?!

До конца рабочего дня оставалось ещё добрых три часа. Искренне наплевав на свои служебные обязанности, Анжелика самым бессовестным образом дрыхла, положив голову на увесистую пачку специальной литературы для школьных психологов.

Надо сказать, что за последние две недели она практически перешла на ночной образ жизни. На следующую же ночь после ухода благодарного и внутренне преображённого Умберто её разбудил донельзя мрачный тощий и нескладный вампир, измученный постоянными конфликтами с отсталыми, погрязшими в мещанстве родителями. Пришлось помочь и научить наконец-то не слушать маму...

Потом явилась делегация стервозных дамочек-ведьм в кожаных купальниках различного размера с плетками в мозолистых руках. У тех вообще проблем было немерено, но в результате все рекомендации свелись к совету кардинальным образом изменить свою жизнь: выйти замуж, развлечься стиркой, «Фотошопом» и научиться делать закатки на зиму. Но кожаное бельё сохранить до лучших времён...

А потом прилетело престарелое привидение, а потом — толпа грязных, как чушки, оборотней, а потом... И так — с ночи до утра, целую неделю подряд...

Спать хотелось зверски. Анжелика с надеждой взглянула на часы: до конца рабочего дня осталось два часа и пятьдесят восемь минут.

Но, как известно, всё имеет свойство заканчиваться. И вечером, уже укладываясь спать, Анжелика лелеяла светлую надежду, что хоть сегодня её оставят в покое. Должны же быть выходные у задёрганных психологов...

Очевидно, нет. Два часа ночи. Звонок в дверь. Очень хочется кого-нибудь убить.

И пока толком не проснувшись Анжелика судорожно нашаривала блокнот в сумке, ручку на столе и тапочки под кроватью, посетитель взял на себя смелость войти сам. Точнее посетительница. И похоже, дамочка совершенно не утруждала себя бытовыми мелочами вроде открывания двери. Она попросту прошла сквозь неё.

— С-слушаю вас... — пробормотала Анжелика, недоумевая, какие психологические проблемы могут быть у дорогой одетой дамы со взглядом прокурора. И к какому виду нечисти она вообще относится?

— И правильно делаете, — милостиво кивнула та, — старших надо слушать.

— А... в смысле...

— И желательно молча, — продолжала тётка, неторопливо прикуривая тонкую дамскую сигарету.

Сизый дым поплыл по комнате. Анжелика сморщилась и чихнула.

— Итак, дорогая моя, до меня дошли слухи, что вы оказываете некоторого рода услуги моим... хм, подчинённым.

— Не услуги, а квалифицированную психологическую помощь! — зевнув, возмутилась Анжелика. Она уже привыкла к ночным визитам разнообразного вида нечисти и поэтому могла позволить себе непочтительно пререкаться.

— Цыц! — рывкнула дама. Квалифицированный психолог вздрогнула и послушно закивала.

— Так вот, — невозмутимо спокойным тоном продолжила ночная гостья, — во избежание дальнейших недоразумений я вынуждена решить эту проблему радикальным способом.

В голове у Анжелики почему-то крутилась фраза из популярной некогда песенки про несчастную любовь: «Просто я слишком много знаю, я слишком много знаю-у-у».

Меня пора убить, решила она.

И абсолютно не сообразила, зачем предполагаемая убийца протягивает ей какие-то листочки с фиолетовой печатью в углу.

— Что это? — последовал совершенно логичный, но тупой вопрос.

— Договор, естественно! — фыркнула дама. — Стандартное трудовое соглашение о приёме на работу. Гарантируем высокую зарплату, двухнедельный отпуск и премию в конце года. Ставьте здесь закорючку!

Анжелика пробежала глазами документ. Вроде всё законно, пентаграмм и козлиных черепов нигде не видно, душу не просят и кровью расписываться не надо. Общество с неограниченной ответственностью «Астроблпромхромбромторг» принимает на работу Макарову А. Ю. на должность штатного психолога. С: 1 апреля 2007 года. По: неограниченно, до смерти. Директор компании: Азазелло В. Х.

— А... это?... — попыталась сформулировать вопрос Анжелика, тыча пальцем в последнюю строчку. Булгаков был её любимым писателем.

— Витольда Харитоновна Азазелло! — Директор компании приняла гордую позу и небрежно взмахнула сигаретой. — Начальство надо знать в лицо. Впрочем, — добавила она с легким оттенком гордости, — вы, должно быть, слышали про моего дедушку? Он в своё время весьма прославился у вас в столице.

— Это в столице, но мы здесь тоже книжки читаем, — буркнула Анжелика, подписывая договор. В сущности, она заключала банальнейшую сделку с тёмными силами, но почему-то ей казалось, что это самый разумный поступок в её жизни.

— И ещё одно, — вспомнила вдруг суровая начальница. — У нас принято поощрять

новых сотрудников.

— Деньгами? — с надеждой восторпилась Анжелика. Что ни говори, а это было бы очень кстати, ибо зарплату в школе задерживали на неопределённый срок.

— Желанием, — тонко усмехнулась Витольда Харитоновна. — Чего изволишь? Только быстро и коротко.

Вот так всегда и бывает: тебе предлагают воплотить в реальность любую, самую сокровенную мечту, но выбирать надо самой и очень, очень быстро! Машину? Дачу на берегу Чёрного моря? Вечную жизнь? Или...

— Хочу нравиться мужчинам!!! — зажмурившись, выпалила Анжелика.

— Будет исполнено... — Дама с улыбкой растворилась в воздухе.

Раннее утро застало Анжелику у зеркала в самом разнесчастном состоянии духа. Чуда не произошло. Она не превратилась в ослепительную голубоглазую красавицу. Азazelло её обманула. Жизнь закончилась...

Ничего толком не соображая от обиды и разочарования, Анжелика машинально собралась и вышла из дома. На работу в школу. Хотя толком не знала, где же теперь её постоянное место работы. Договор-то подписан. Или это всё приснилось?

Свидание было в самом разгаре. Местная королева красоты Светка Кислова сидела за столиком открытого кафе, снисходительно принимая комплименты от красы и гордости района Костика, сына банкира.

Как вдруг краса района запнулся на середине фразы и влюблённым взглядом уставился... Нет, не на Светку, совсем даже в противоположную сторону, а затем, презрев все правила хорошего тона, деревянной походкой устремился за объектом своей неожиданной страсти. Изумлённая девушка проводила взглядом исчезающего поклонника и, попросту говоря, обалдела, разглядев, кто оказался её неожиданной соперницей...

По противоположной стороне улицы, медленно переставляя ноги, брела невообразимо страшная деваха, сутулая, тощая и в огромных очках. За ней в некотором отдалении следовала небольшая толпа мужчин различного возраста и социального положения, но все как один с влюблёнными глазами. Замыкал шествие Костик, сын банкира...

Элегантно одетая дама в чёрном «ягуаре» задумчиво улыбнулась.

— Мы всегда получаем, что хотим, — тихо пробормотала она, прикуривая тонкую сигарету, — но хотим ли мы этого? Именно этого...

ЛЕВ ЖАКОВ

Дырка в обоях

Мама была на работе, папа поехал за приятелями, чтобы помогли вынести мебель из комнаты: в детской намечался ремонт. Маша уже попрощалась с кроватью (купили новую, большую, она стояла в гостиной и пахла клеем), со столом — его помыли, стерев мишку с разными лапами, мышонка, похожего на попугая, и одноцветную девочку, которая до сих пор стеснялась сказать, как её зовут. А ведь Маша дружила с ней почти целый год!

Остались обои. Совсем старые, недетские, зато за спинкой кровати на них виднелись настоящие золотые полоски, и ещё к ним хорошо прилипали шарики пластилина, держались долго-долго, пока вокруг шарика не расплзлось тёмное пятно. Тогда пластилин отпадал. Может, обоям было больно, они плакали, пластилин намокал, становился скользким и больше не мог висеть. Или это собирались жители заобойной страны, много-много-много — они же малюсенькие, — и спихивали шарик, потому что он загораживал свет и у них плохо росла их заобойная капуста. Она была такая розовая, и росла во все стороны, и сладкая. А без

света капуста становилась зелёная и невкусная, как будто варёная.

В кармане у Маши лежал красный карандаш. Все остальные мама спрятала, потому что боялась, что Маша раскидает их по комнате, и взрослые, которые будут выносить мебель, поскользнутся на них и сломают себе ноги. И ручки мама спрятала, и все игрушки, кроме мягких. Маша бы и со зверями меховыми поиграла. Но папа сказал, что, когда в комнате будет совсем пусто, ничего не останется, они будут клеить новые обои. А старые снимут. Все-все, не оставят ни кусочка. И настоящие золотые полоски за кроватью тоже снимут. Как? Они же приклеенные. Но если папа обещал, значит, сделает. Поэтому Маша один карандаш тоже спрятала — от мамы. Какой попался. Бедные обои!

Чтобы им было не грустно там, куда они потом попадут, Маша нарисует им собаку. Она защитит обои от плохих людей. У Маши когда-то была собака Лизка, но она умерла. У Лизки был длинный хвост и пушистые уши. Маша нарисует обоям Лизку. Та очень громко гавкала, она их в обиду не даст.

Лизка вышла просто замечательная, длинная, красная, хвост кренделем — как настоящая. Маша примерилась, занесла карандаш и стала вырисовывать глаз, вдавливая грифель в жирную точку, чтобы получился круглый и блестящий.

Пст!

Острые провалилось, прорвав бумагу. Получилась дырка.

Маша наклонилась и заглянула в отверстие.

Много лет спустя, когда она вырастет, и у неё самой будет дочка, и они как-то вечером станут вместе рисовать на обоях, и войдёт мама — уже бабушка, и скажет: «Мало я в детстве тебя ругала! До сих пор не понимаю, ну что ты с тем куском обоев носилась?» — Маша ответит: «Ну... у него на ногах росли рога».

Всё остальное она разглядела потом. И зал «как в фильме или театре» (в ресторанах ей пока бывать не приходилось) — со множеством столиков, лепниной, зеркалами и драпировками на стенах, сценой и низкими ярко горящими люстрами, — и оркестр, и посетителей. Самым первым она заметила стоящего у двери высокого худощавого человека в костюме-тройке. У него была квадратная голова, а на ногах росли рога. Ветвистые, как у оленя.

Сначала Маше показалось, что все сидят неподвижно. Она моргнула — нет, всё жило: зал разразился громовыми аплодисментами. Странные существа бешено хлопали, кто-то топал и свистел. На сцене маленький человечек — у которого два уха свисали, как у кролика, а третье, самое длинное, стояло торчком на макушке, и с кончика его на девочку смотрел круглый чёрный глаз, — закричал в микрофон:

— Да-да, поприветствуем её, нашего создателя! И вернёмся к делам, от которых отвлеклись буквально на минуточку, чтобы сотвориться. Итак, сегодня у нас в программе выборы президента!

Зал отозвался бурей аплодисментов. Ведущий продолжал:

— Позвольте представить вам наших кандидатов! Хотя вы все их отлично знаете, кое-кто даже лично, однако кто-то, быть может, и забыл, более того — постарался забыть!

Часть присутствующих расхохоталась. Глаз на ухе человечка с микрофоном, не отрываясь, смотрел на

Машу, хотя ведущий обращался к залу, и не просто обращался — он буквально вливался туда своим вниманием и словами. Девочке показалось, что выражение этого третьего глаза какое-то печальное.

— Итак, впереди по числу голосов у нас пока что мистер Офлер Массен, приветствуем! Прошу мистера Массена на сцену!

Рогатоногий, который тихо переговаривался с бледным молодым человеком в чёрной пшяпе и с редкой порослью на подбородке, помахал, отвечая на громкие приветствия. В сопровождении своего помощника он двинулся мимо столиков, по дороге пожимая руки всем желающим. Ходить на рогах можно было только вперевалку: отростков много и все неровные. Поэтому кандидат в президенты носил ботинки на очень, очень высоком каблуке,

точнее двух каблуках — для устойчивости. Брюки мистера Массена ниже колен были располосованы, чтобы хоть как-нибудь прикрыть рога, и Маше он сразу напомнил ковбоя.

— Второй наш кандидат — мистер Х. В.! Прошу любить и жаловать! Мы ждём вас, мистер Х. В.!

От других дверей к сцене двинулся толстый и крепкий, как баобаб, мужчина. Если мистер Офлер Массен был почти лыс, то на голове мистера Х. В. цвели роскошные густые заросли волос, усиливая его сходство с деревом.

Кроликообразный коротышка продолжал надрываться:

— А пока достойные кандидаты поднимаются на сцену и тепло пожимают друг другу руки, я напомню уважаемым избирателям обстановку. Пока что наш замечательный трактир — самого высшего класса! — «У Дятла» является миром-однодневкой и зависит от чужих рук. По времени создателей часов около шести вечера нас сотрут с лица вселенной-стены!

Зал издал общий стон.

— Но если мы успеем выбрать президента и провести торжественную церемонию вхождения в должность, то станем самостоятельным миром!

Зал разразился аплодисментами.

— Поддерживаю ваш энтузиазм, вы же поддержите ваших кандидатов! Не забывайте, у нас остались всего лишь сутки собственного времени! Постарайтесь отбросить разногласия и объединиться ради продления жизни нашего мира! Итак, слово предоставляется мистеру Офлеру Массену!

Голос из-за дальнего столика крикнул:

— А чего, ну их, эти выборы! Офлера в президенты, и мир спасен!

Большая часть зала встретила высказывание согласным рёвом, другая часть разразилась в ответ свистом, топаньем и воплями «Долой!» и «Даешь Х. В.!».

Рогатоногий, похожий на ковбоя в пиджаке, взял микрофон. Зал приутих.

— Спасибо всем! И давайте поблагодарим нашего дорогого конферансье за его непереносимое участие во всех важных делах мира-таверны «У Дятла». Мистер Кролем, главный спортсмен, лучший бегун, пловун и прыгун! Приветствуем!

Зал горячо поддержал слова кандидата. Маленький ведущий раскланялся и отошёл в сторону.

— Чемпион в трёх видах спорта? — изумлённо спросила Маша.

Мистер Кролем обратился к ней лицом, висячие уши его прочертили в воздухе две кривые дуги. Взгляд всех трёх глаз был полон невысказанной тоски.

— Несложно быть первым, когда ты единственный, — сказал он девочке.

— А почему вы такой грустный? — спросила она. — Вас все так любят!

— Я же лучший. — Глядя на девочку снизу вверх, мистер Кролем улыбнулся. Однако по веку третьего глаза расплзлась слеза, окаймляя тёмную радужку, и круглый глаз стал похож на чёрный бриллиант в оправе из множества мелких прозрачных бриллиантов — как будто конферансье украсил ухо драгоценной брошкой.

Маша вздохнула:

— А я вот и единственная, и лучшая у родителей, но они меня всё равно не любят...

Присутствующие вновь захлопали: мистер Оф-лер Массен закончил выступление. Конферансье, подмигнув Маше, перехватил микрофон:

— А теперь приветствуем мистера Х. В.!

Речь второго кандидата была основательной и мощной, как и он сам, только вот Маша ничего из неё не поняла. Пока девочка растерянно моргала, ведущий пояснил ей:

— У нас не голосуют бюллетенями или поднятием рук. Наши кандидаты наступают избирателям на пятки. И задача будущего президента — не пропустить ни одного избирателя. А жители позволяют или не позволяют отдавливать себе конечности. Офлер просто мастер в этом деле. Наступает так, что закачаешься.

— У него же на ногах... — Маша засмушалась.

— Поэтому он может обслужить сразу несколько пяток, и это многим нравится! Особенно детишкам.

— А что, дети тоже могут... ну, выбирать?

— Конечно, это же и их мир, — серьёзно ответил мистер Кролем.

— А разве... ну вот то, что он это делает, разве это как-то... ведь президент делает что-то другое, он же главный, да? Из-за того, что он приятно ходит по ногам...

— Ты хочешь спросить, какая связь между умением управлять страной и способностью наступать на пятки? — догадался конференсье. — Самая прямая! Люди сразу видят, какой у кандидата подход. Прости, мне пора. Спасибо, что заглянула. Теперь уж мы постараемся сами как-нибудь. Но ты можешь ещё немного посмотреть. — Ведущий вернулся к кандидатам, встал между ними. — Итак, давайте посмотрим, кто лидирует! — воззвал он в микрофон к залу. — Прошу оператора показать статистику!

В воздухе над головами кандидатов высветились две горизонтальные синие полосы, похожие на показатели количества жизни у героев компьютерных игр типа РПГ. При виде результатов Офлера большая часть зала дружно взревела. Дети повскакивали со своих мест, крича во всё горло. Слабо светящаяся полоса почти касалась красного вертикального штриха справа.

— Подводим промежуточные итоги! — Конференсье качнул третьим ухом, и публика подуспокоилась. — Господину кандидату мистеру Х. В. осталось тридцать пять пяток! Господину кандидату мистеру Офлеру Массену осталось всего десять пяток!

Свист, топот, крики, стоны разочарования поднялись над залом. Конференсье едва перекричал шум:

— А теперь прошу кандидатов пройти на свои места, потому что сейчас перед вами выступит...

Мистер Массен побледнел, казалось, он хотел что-то сказать, возразить. Но конференсье уже заливался как соловей, и Массен вернулся на место. Садясь за свой столик, он тихо, чтобы никто другой не услышал, стал ругаться:

— Веллер, что это значит? Я обошёл уже все пятки! Даже этого баобаба Х. В.! И должен был победить уже сейчас! Немедленно достаньте мне этих пятерых, я на них наступлю! Небось родился кто? Имена и адреса, срочно!

— Я тоже ничего не понимаю, господин кандидат, — пробормотал Веллер, поднимаясь и отворачиваясь, чтобы мистер Массен не заметил зазмеившуюся по его тонким губам улыбку. — Все расчеты верные... Сию секунду всё будет! — И он скрылся в глубине помещения.

Офлер Массен, нервно постукивая пальцами по нежно-кремовой скатерти, вслушался в слова конференсье. Он покосился на своего соперника, но тот тоже с выражением удивления на морщинистом, как кора старого тополя, лице смотрел на сцену.

— ...Наша замечательная, всеми любимая певица! Она отсутствовала долгое время, потому что совершала длительный гастрольный тур! Вы все её, конечно, прекрасно помните, как и её восхитительные песни! Позвольте представить вам очаровательную мисс Диаманту Розенпихельштайнер!

Люстры в зале начали гаснуть, остался только млечный круг — свет одного прожектора, направленный на занавес в глубине сцены. Зазвучала музыка. Ткань колыхнулась, раздвинулась, пропуская тонкую фигурку в блестящем, обтягивающем бедра платье. При каждом шаге тело певицы искрило и мерцало. Она подошла к краю сцены. Зрители замерли.

Офлер крепко зажмурился, но тут же раскрыл глаза и уставился на певицу — и в продолжение всей песни не отводил от неё взгляда, как и все присутствующие в зале. Голос у Диаманты был негромкий, но глубокий и бархатистый. Маша тоже заслушалась. Ей почему-то сразу представился берег моря, которого девочка никогда не видела воочию, хотя по телевизору — много раз. А тут вдруг море появилось перед глазами сразу, целиком, будто Маша встала на колени у кромки прибоя, приблизила лицо к самой воде и смотрела вдоль

водной поверхности. Поверхность эта волновалась, сверху-вниз и обратно ходили горки сероватой воды, как большие дельфины, и вместо плавников у них были пенные хохолки. Дельфины-волны стаяй проплывали мимо Маши, мелькала пена, похожая на шапку молочного коктейля, их бока тёрлись друг о друга с шуршанием. Иногда дельфины издавали печальные звуки, как будто кто-то из них играл на флейте.

Волшебство закончилось. Люди качали головами, приходя в себя. Аплодисменты раздались не сразу, пока ещё стояла мёртвая тишина, и слышно было, как прошелестело платье певицы, когда она поклонилась и выпрямилась. И лишь спустя долгий миг, во время которого Диаманта отступила на шаг от края сцены и встала, раскинув руки в ожидании, — лишь после этого взорвались аплодисменты.

— Спасибо, спасибо! — Певица посылала в публику воздушные поцелуи, снова и снова раскланиваясь, а зал всё грохотал и никак не мог успокоиться.

Наконец хлопки стали жиже, и Диаманта ускользнула со сцены. Её место занял конференсье:

— Вчера я встретил в фойе голубого зайца...

Посетители занялись содержимым своих тарелок. Офлер чиркнул на визитке несколько слов, подозвал официанта:

— Передайте мисс Диаманте.

И оглянувшись. Мистер Х. В. с помощниками обходил столики, шутил, смеялся, раздавал автографы и шарфы со своим именем. Офлер смял салфетку.

Из дверцы сбоку от лесенки, что вела на сцену, выскользнула закутанная в бежевое манто фигура. В сопровождении официанта она приблизилась к столику.

Кандидат Массен поспешно поднялся.

— Какая честь, — пробормотал он, целуя протянутую руку... вторую... третью.

У мисс Диаманты Розенпихельштайнер насчитывалось шесть рук. И десять ног. Её ноги от бедра до колена и руки от плеча до локтя были нормальными, но ниже разделялись. Пальцы всех трёх пар рук были унизаны кольцами, на нижней паре позванивали браслеты. Платье обнажало левое плечо, на котором выделялись ярко накрашенные губы.

— Вы позволите? — Офлер помог певице сесть, придвинул ей стул и вернулся на своё место. — Что будете пить?

— Мартини бяanko, пожалуйста. — Диаманта провела ладонью от бедра до колена, разглаживая мерцающую ткань платья. Ткань, струящаяся, будто ручей по камням, пахла хвоей.

— Примадонна! — Офлер смотрел, как певица двумя правыми руками брала с подноса официанта бокал. — Не верю своим глазам. Какими судьбами? Вы отсутствовали дома столь долго, что мы почти забыли о вашем существовании. Это жестоко.

— Неужели? — Диаманта выставила одну ножку, покачала ею.

— Где же вы побывали, в каких краях? — Мистер Массен поправил галстук.

— В очень-очень многих. — Диаманта Розенпихельштайнер пригубила мартини, оставив на стекле нежно-розовый след. — В других мирах.

— И как там, в других мирах? Вам понравилось?

Диаманта вынула из маленькой сумочки, висящей на нижней левой руке, пачку, достала сигарету. Офлер немедленно поднёс ей зажигалку. Певица затянулась, выпустила струйку полупрозрачного дыма, который прикрыл её лицо бледной вуалью. Тёмные глаза мисс Диаманты подёрнулись дымкой отрешённости.

— Это было прекрасно, — прошептала она. И решительно разогнула сизую завесу. — А что у вас? Дом, знаете ли, всегда остаётся домом, несмотря ни на что. И в трудный для родного гнезда момент я не смогла остаться в стороне. Как видите, я тут, чтобы вместе со всеми обрести независимость.

— Помочь миру стать самостоятельным — долг каждого гражданина!

Диаманта чуть заметно поморщилась.

— Вы всё о политике, мистер Массен...

— Офлер, просто Офлер! Ещё martini? — Кандидат жестом подозвал официанта, который стоял неподалёку, делая вид, что его тут нет, но не сводя взгляда с рук мистера Массена.

Мисс Розенпихельптайнер покачала головой. Чёрно-белая фигура, начавшая уже движение к столику, замерла по знаку мистера Массена и через мгновение, убедившись, что вызов отменили, перетекла в прежнюю позу.

— Вы так любезны... — Диаманта, чуть наклонившись вперёд, пробежала пальчиками левой верхней руки по локтю кандидата. — Вы меня обяжете. — Она другой рукой потянула Офлера за галстук, и губы на её плече жарко прошептали: — Поцелуй меня...

Офлер закашлялся.

— Здесь так душно. И людно.

Не отводя взгляда от манящих губ и огромных глаз, кандидат махнул официанту. Тот немедленно нарисовался рядом, почтительно склонившись, выражая полную готовность внимать. Офлер спросил:

— У вас есть свободная комната?

— Конечно, всё левое крыло. Может, вам предложить...

— Я сам!

— Пожалуйста, ключи. — Официант протянул их на подносе. — Третий этаж. Далеко не заходите, там в сто двадцатом отшельник живёт, так шума не любит. Разрешите проводить? Шампанское в номер?

— Корзину для пикника немедленно.

Диаманта слушала, затенив глаза ресницами, по губам её блуждала мечтательная улыбка. Офлер не глядя забрал ключи. Официант испарился и тут же сгустился вновь, уже с корзинкой, приоткрытая крышка которой показывала горлышко запотевшей бутылки. Мистер Массен предложил мисс Розенпихельптайнер руку, та положила две тонкие кисти ему на локоть, поднялась, и они удалились. Мистер Х. В. проводил пару внимательным взглядом, кивком указал на закрывшуюся дверь своему помощнику.

Перед Машей возникло лицо конферансье.

— Туда тебе смотреть не надо, это будут взрослые дела, — сказал он. — Погуляй пока.

— Ну и ладно! — Девочка отвернулась, отошла от стены. — Ну и пожалуйста!

Комната была пуста, и Машины шаги звучали гулко. Со стены Лизка смотрела на девочку огромным глазом. Послonyaвшись туда-сюда, Маша не выдержала и вернулась к дырке.

Зал опустел, скатерти были убраны, перевёрнутые стулья лежали на столах. Человек в синем комбинезоне подметал пол. Две огромные люстры погасли, теперь через одну горели только небольшие настенные лампы, похожие на бра в родительской спальне. Конферансье убирал со сцены стойку микрофона.

— У нас ночь, — пояснил он. — Я же говорил, поиграй или погуляй пока, а то все разошлись. Через пару часиков заглядывай. — Два его уха покачивались в такт словам.

— У меня все игрушки отобрали, — пожаловалась Маша. — А одну на улицу не отпускают.

Конферансье распустил узел галстука, и тот свесился с шеи, как сонный удавчик.

— Тогда подожди, я схожу поужинаю и расскажу тебе что-нибудь о нас. Хочешь?

Маша кивнула.

— Пятнадцать минут! — Мистер Кролем скрылся во внутренних дверях. Свет погас, и всё стихло.

«Интересно, а где они живут? — подумала Маша. — И где мистер Массен и мисс Диаманта устроят пикник? Если весь мир — трактир, значит, нет ни травы, ни деревьев, ни реки?..»

И тут же девочка увидела длинный коридор, высокий и широкий, как улица, освещенный редкими лампами в фигурных плафонах матового стекла. С обеих сторон тянулись двери, все закрытые. Возле одной стояли кандидат и певица.

— Куда вы хотите прогуляться? — спросил мистер Массен.

Диаманта ответила не раздумывая:

— Пусть это будет побережье из чёрного вулканического песка — и море, бескрайнее море. Я так его люблю, что почти все мои песни о нём. Наверное, в прошлой жизни я была рыбой... дельфином...

— Анемоной, — подхватил Офлер, вставляя большой, замысловатой формы ключ в замочную скважину и поворачивая его три раза. — Смертельно, ядовито прекрасной!

Диаманта засмеялась, и звенящий её смех смешался с шумом волн, который вырвался из открывшейся двери. В лицо Маше дунул свежий солёный ветер, и девочка на миг задохнулась. Волосы растрепались.

За проёмом расстился берег, полоса зелени, из-за косяков выглядывали пышные кусты, травяная дорожка тянулась вдаль, сменяясь полосой чёрного песка, на который с шорохом набегали горки воды, рассыпаясь белой пеной и откатываясь ворча. Офлер и Диаманта вошли...

Всё закрыл круглый чёрный глаз в белой опушке. Маша отпрянула. Огромный тёмный зрачок отъехал, сменился сначала ухом, затем лицом конферансье.

— Ну-ну-ну, дорогая! Оставь их, им надо побыть вдвоём. Просто вдвоём. Потерпи, я скоро.

Маша, протяжно вздохнув, оторвалась от дырки и присела на корточки, прислонившись к стене. Скрестив на коленях руки, девочка положила на них голову и стала ждать. Глаза как-то незаметно закрылись...

Море таит в себе неизведанные тайны. Почему можно слушать его бесконечно, и всегда в однообразном шуме набегающих волн — разные песни?

Огромный, как дом, алый диск касается воды и высвечивает дорожку. Она протягивается к самым ногам людей, словно приглашая прогуляться по красноватой ряби в огненное царство или в самый ад. Диск солнца медленно тонет, заваливаясь набок, пропарывает пространство, отделяя небо от моря, отбрасывая на последнее багровую тень.

Прижавшись друг к другу плечами, мистер Массен и мисс Розенпихельштайнер сидели на чёрном песке. Большая ладонь нашла маленькую и накрыла её. Волны выбрасывались на берег, разваливались на брызги и пену и впитывались в песок. Две ручки, как белые крабики, поползли, шевеля пальчиками, забрались на кисть Офлера.

— Я заказал номер с видом на море, — прошептал мистер Массен, приобнимая мисс Розенпихельштайнер.

Певица прижалась к нему:

— Ну так идём...

Офлер помог ей подняться, поддерживая под многочисленные локотки. Диаманта оглянулась. В сизо-красном воздухе почти всё было чёрным: и кусты, и деревья, и трава, и мох на камнях, и выкинутые морем водоросли; тени сливались с песком, и казалось, что их вообще нет. Где-то за спиной высился тёмный контур двери.

— Жутковато, — тихо проговорила мисс Розенпихельштайнер, кивая на побережье. — И до жути красиво.

Офлер свернул скатерть со всем содержимым в узел и сунул в корзинку, повесил её на локоть. Повернулся к Диаманте...

Ближайшие к ней кусты зашевелились, оттуда с шумом вывалился чёрный ком и распался на два силуэта. То были мистер Х. В. и его маленький помощник. Они бросились к Диаманте. Певица закричала.

Баобабообразный мистер Х. В. схватил её за руку и дьявольски захохотал:

— Вы попали, Массен! Я буду первым!

Но Диаманта одну за другой закатала по толстым щекам кандидата Х. В. пять звонких пощёчин, её ладошки мелькали в воздухе, как колибри. Пока толстый соперник с воплями хватался за повреждённое длинными ногтями певицы лицо, Офлер подхватил Диаманту под

руки и потянул к дверям:

— Бежим!

Мисс Розенпихельштайнер сочла, что это очень романтично, и поспешила следом.

— Стыдно, господин кандидат! — кричал мистер Массен. — Вы пользуетесь неполитическими методами!

— Убавьте жару! — пыхтел мистер Х. В., преследуя их. Помощник держался рядом ровной трусцой. Шумел ветер, беспокоилось море. — Я вас нагнал! Отдайте избирателя, вы пользуетесь интимными связями в личных целях! Вам всё равно не выйти, стойте, не заставляйте меня бегать, у меня же одышка!..

У дверей, загораживая весь проём, стоял телохранитель кандидата Х. В. Мистер Массен резко сменил курс и нырнул в кусты, увлекая за собой девушку. Блестящее платье мисс Розенпихельштайнер почти сразу превратилось в сеточку. Офлер с треском ломал ветки рогами.

Беглецы притаились за развесистой клюквой, вдыхая пряный аромат гирлянд мелких желтых цветочков.

— Они нас найдут? — прошептала Диаманта на ухо Офлеру.

Тот снял с куста лоскуток её платья:

— Боюсь, что достаточно быстро.

До них донёсся шум — то пробирались к ним идеологические враги.

— Что будем делать? — нетерпеливо спросила певица, не выказывая страха. Она чувствовала себя женой декабриста, верной подругой в беде и несчастьях. — Дождёмся, когда они подойдут ближе, и запинаем? Закидаем шишками?

— Это не наш метод. — Офлер нащупал руку Диаманты и сжал её. — Обогнём дверь, зайдём с тылу...

— И забьём корзинкой!

— Тсс...

Они вышли на тропинку, ведущую к дверям, и крадучись двинулись по ней, пригибаясь. Шум, создаваемый пробиравшимися сквозь заросли мистером Х. В. со товарищи, раздавался совсем близко.

— Выходи, Офлер! — крикнул Х. В. — Сразимся, как честные люди, один на один!

Диаманта, дёрнув своего спутника за рукав, вопросительно мотнула головой в сторону голоса. Мистер Массен прошептал, щекоча ей ухо:

— Какая честность, когда их трое против одного? А если где-то ещё люди скрываются?

Мисс Розенпихельштайнер посмотрела на него влажными глазами:

— Мы умрём?

Офлер вздохнул, но ничего не сказал, только положил руку на талию Диаманты и привлек девушку к себе.

Телохранитель напряжённо вглядывался в проход между кустами, ведущий к берегу. Оттуда доносился треск, свидетельствующий о рвении мистера Х. В. и его помощника.

— Диаманта! — Офлер взял певицу за руку.

— Да? — шепнула она.

— Ты можешь пройти мимо него. — Мистер Массен указал взглядом на телохранителя, застывшего с откляченным задом. — Если очень-очень тихо...

— А как же ты?!

— Тсс... Я за тобой. В коридоре беги в номер и жди меня там. — Он вложил в её ладонь ключ. — И не беспокойся, может, я нагоню тебя. — Офлер запечатлел на светлом лбу мисс Розенпихельштайнер успокаивающий поцелуй.

Диаманта всхлипнула. Мистер Массен подтолкнул её. Певица неслышно скользнула к дверям, как будто вовсе не касаясь ногами земли. Через прорехи на платье сквозило белое тело — кандидат невольно залюбовался ею.

Девушка приблизилась к выходу, она почти касалась телохранителя, но он не замечал

её. Диаманта приоткрыла дверь — и тут телохранитель учуял её духи. Он резко обернулся. Офлер присел.

Телохранитель схватил воздух. Дверь вернулась в косяки с едва слышным мягким стуком, и он завертел бритой головой, пытаясь понять: не почудилось ли ему?

Мистер Массен расправил плечи, выступая из кустов на тропинку. Его сильно расклешенные штаны шуршали по траве, но звук терялся за воплями и треском, издаваемыми мистером Х. В. Шум этот приближался.

Офлер успел подойти вплотную к дверям. Он потянулся к ручке, когда телохранитель с криком схватил его за локоть:

— Попалась!

— Вы меня с кем-то перепутали, — с холодной вежливостью произнёс кандидат Массен.

Телохранитель разжал пальцы:

— Это вы... А дамочка тут не пробегала?

— Не понимаю, о чём вы толкуете. — Офлер толкнул дверь.

— Э, погодьте! — Телохранитель дёрнул ручку на себя, прищемив кандидата.

Но Офлер, видя уже перед собой слабо освещенный коридор — путь к свободе, — изловчился и лягнул телохранителя рогами. Бедняга взвыл, а мистер Массен вырвался. Переваливаясь, он побежал к лестнице.

— Сюды, сюды! — заорал телохранитель и замахал руками, как будто в темноте его знаки мог кто-нибудь увидеть. — Мистер Х. В., сюды, скорей!

— Стой, подлец! — Х. В. вывалился из кустов и кинулся за соперником, держась за сердце. Позади трусил помощник.

Мистер Массен захлопнул за собой дверь номера, привалился к ней спиной.

— Диаманта! — позвал он, тяжело дыша. Шторы на окне были задёрнуты, в комнате царила крошечная тьма.

Лёгкое шуршание — и перед ним нарисовалось бледное лицо. Сорочка Диаманты отсвечивала голубым, мерцая и переливаясь. Мисс Розенпихельштайнер стала развязывать галстук кандидата, одновременно расстёгивая пуговицы на его рубашке, снимая с него пиджак и глядя по волосам.

— Вы справились с ними! — горячо шептала она. Офлер освободился от одежды и обнял Диаманту, рогами нащупывая кровать.

— Вернись, собака! — кричал, пыхтя по коридору, мистер Х. В.

В комнате с задёрнутыми шторами слова больше не звучали — только жаркие вздохи. Кандидат замолотил кулаками в запёртую дверь:

— Открывай! Ты нечестен!

Перед мистером Х. В. появился конференсье. Покачивая ушами, он с укоризною сказал:

— Господин кандидат, вы нарушаете общественный порядок. Ночь, люди спят. Умейте же проигрывать с достоинством. Не успели так не успели, зато у вас будет ещё пять лет, чтобы достичь желаемого. Ведь главное же нынче — не стать президентом, а успеть спасти мир от исчезновения. Разве с этим вы станете спорить?

Мистер Х. В. выдохся. Сорвав с роскошной гривы кепочку, он шваркнул её об пол.

— Да провались оно всё пропадом! Это, в конце концов, пошло! Что за игры дурацкие! Уж лучше бы я остался пекарем! И какой идиот подбил меня баллотироваться в президенты? Вспомню — живого места на нём не оставлю! А вы слишком быстро бегаете! Думаете, раз ведёте это шоу, так вам уже можно следить за людьми?! Я этого так не оставлю! — Он вытер рукавом пот со лба и щек, спросил ядовито: — И что мне теперь делать, а, мистер говорун? Куда податься? Не обратно же в кухню! Да в меня последняя судомойка станет пальцем тыкать: это он не вышел в президенты! А я ведь ещё не женат, что вы на это скажете, мистер всезнайка?

— Отдохните, господин Х. В., - посоветовал конференсье. — И приходите с утра

пораньше в зал.

— А! — Баобабообразный кандидат махнул рукой и, сутулясь, поплёлся прочь.

За ним двинулись безмолвный помощник и обескураженно оглядывающийся телохранитель. Мистер Кролем подмигнул им и тоже исчез.

Маша проснулась от звука открывающейся входной двери и громких голосов, раздавшихся из прихожей. Голоса принадлежали большой весёлой взрослой компании. Девочка вскочила, припала глазом к дырке в обоях.

В зале горела одна люстра, сцена была пуста, официанты накрывали на столы, застеленные белейшими парадными скатертями, носили стопки тонких тарелок и подносы с бокалами настолько прозрачными, что об их присутствии можно было догадаться только по редким бликам на изгибах стенок или ножки. У лесенки мистер Кролем тянул провода. К нему подошёл мистер Веллер, помощник кандидата Офлера Массена, подал ведущему лист бумаги.

— Заявка, — коротко сказал он.

— Но... — Мистер Кролем быстро пробежался взглядом по строчкам, третий глаз внимательно следовал за парой других, как будто проверял, не пропустили ли они что-нибудь. Конферансье перевел взгляд на довольно улыбнувшегося помощника: — По форме всё правильно. Поздравляю вас, кандидат Веллер. У вас все голоса.

— Можете называть меня «президент».

— После церемонии, — сухо отозвался ведущий, возвращаясь к своему занятию.

— Так начинайте, — велел Веллер.

— Сейчас народ подтянется...

— Времени нет! — с раздражением перебил его новый кандидат. — Начинайте церемонию!

Конферансье пощёлкал по головке микрофона, вслушался в отзвук, донесшийся из динамика, и произнёс каким-то совершенно другим голосом:

— Веллер, мир существует, пока соблюдаются его законы. Сядьте и ждите.

Скривившись, экс-помощник отошёл в зал, выдвинул стул из-за первого столика и сел, скрестив руки и закинув ногу на ногу. Через внутреннюю дверь уже входили первые посетители, они же обитатели и избиратели, занимали места.

— Скорей же! — Маша сжала кулачки.

Взрослые разделись, прошли в гостиную, где мама предлагала всем чаю, а папа — снять обои и вынести шкаф. Голоса разделились.

На сцене мистер Кролем развел руками:

— Увы, для возведения в президенты требуется присутствие большинства жителей. Но мы можем хотя бы начать. — Он взялся за микрофон: — Дорогие избиратели! Прошу вашего внимания! Пока вы рассаживаетесь и принимаетесь за завтрак, я расскажу об изменении в программе, а вы потом передадите мои слова тем, кто появится позже. Итак, сегодня мы собрались здесь, напомним, чтобы всенародно избранного кандидата утвердить в должности президента! Как вы помните, в кампании участвовали два кандидата: мистер Офлер Массен, — громкие аплодисменты, — и мистер Х. В... — Жидкие хлопки. — Однако сегодня утром об участии в гонке заявил ещё один кандидат — мистер Бренем Веллер. — Непонимающее молчание. — Вижу, вы удивлены, — согласный ропот, — но мистер Веллер имеет все ваши голоса, значит, вы давали наступать себе на пятки и знаете об этом, соответственно, ничего странного в заявлении мистера Веллера для вас не должно быть. Да, с объявлением о своем участии он припозднился, однако у него все голоса! И он успел первым! Так что, что бы вы об этом ни думали, выходит, что мистер Веллер выиграл избирательную кампанию!

— Быстро посдираем всё со стен, а Ленка пока ужин приготовит, что нам этот чай, верно, мужики?

Этот папа! Маша чуть не расплакалась. Где же Офлер?

Мистер Массен стоял перед огромным зеркалом в каменной раме и завязывал галстук. Мисс Розенпихельштайнер сидела на краю кровати, которая занимала почти всю комнату. Певица красила ресницы, зажав между коленей тубу с тушью и макая туда кисточку. При этом она яростно говорила:

— Хоть бы прощальный поцелуй! Все вы, мужчины, одинаковы! И ладно бы все, все меня не волнуют, но ты, Офлер! Боже, я была влюблена в тебя с самого детства, ещё в школе! А ты меня даже не замечал! Я думала: стану самой известной в мире певицей — и тут-то ты обратишь на меня внимание! И что? Всё твоё внимание — исключительно чтобы оттоптать мне ноги и тут же сбежать! Какие вы все бездушные властолюбцы! Не подходи ко мне! Вали к своему народу!

Офлер, отряхнув с пиджака ворсинки ковра, присел рядом с мисс Розенпихельштайнер.

— Диаманта, поверь, когда я наступал на твои многочисленные нежные пяточки, я испытывал неземное блаженство! Но мне надо скорее спуститься вниз, чтобы провести церемонию. Ты же знаешь, что...

— Что я знаю! — со слезами в голосе выкрикнула Диаманта. — Только то, что я для тебя ничего не значу! Да разве стоит мир любви женщины?! Уйди от меня, видеть тебя не хочу! — Она бросилась на подушку и разрыдалась, размазывая тушь по щекам.

Офлер потянулся к ней, но услышал снизу шум — и вскочил. В последний раз провёл ладонью по остаткам волос и скорым шагом покинул комнату.

Диаманта отняла от подушки заплаканное лицо, вытерла слёзы, огляделась. Она была одна. Что ж, сказала она себе, отлично. Ну и пожалуйста. Певица привела себя в порядок, взяла трубку гостиничного телефона, набрала номер.

— Хей, Ансвик, это я. Заказывай самолёт, через час буду. Да, согласна на этот тур. Пусть, мне всё равно. Вызови такси, я спускаюсь.

Маша не выдержала и спросила:

— Мисс Диаманта, а зачем вам столько ног?

— Мне?! — Певица резко обернулась. — Ха! Зачем мне столько ног! У себя спроси, ведь это ты меня выдумала!

Зал зашумел. Кто-то аплодировал, кто-то топал и свистел, кто-то сердито выговаривал своей второй половине, кто-то пытался успокоить детей.

— Прошу на сцену мистера Бренема Веллера!

Веллер взлетел, как лопнувшая пружина, и взбежал на сцену, не касаясь ступенек. Собравшиеся хлопали вяло. Кандидат вскинул руки в приветственном жесте.

— Спасибо, спасибо всем! — выкрикнул он. — Можете звать меня просто — президент!

Кто-то засмеялся. Но ожидаемых бывшим помощником взрыва хохота, грома одобрительных аплодисментов не случилось. Он скривился, прошептал зло:

— Быдло!

Конферансье перехватил инициативу:

— Так или иначе, дорогие мои и уважаемые жители «У Дятла», времени у нас осталось в обрез!

Каким бы ни был мистер Веллер, надо срочно его инаугурировать, чтобы обрести мир! А что касается будущего главы государства, то его мы переизберём в случае чего через пять лет.

— Держи карман шире, — пробормотал Веллер.

— Итак! — продолжил ведущий громко, перекрикивая стоящий в зале гам. — Итак, дорогие жители и избиратели, вижу, заняты почти все столики, значит, в зале присутствует большинство нас, и, значит, мы начинаем! Торжественную церемонию по вступлению в должность нашего первого президента!

Папа вошёл в комнату, с ним трое взрослых дяденек. Папа посмотрел на дочь, которая спиной пыталась загородить часть стены.

— Что тихаришься? Ну нарисовала, всё равно сейчас всё снимем. Иди помоги маме на

кухне, а мы тут пока...

Маша помотала головой, не отлипая от стены. Но папа уже не смотрел на дочь, он распоряжался:

— Берите стол, а ты помоги мне.

С громким хрустом первый лист оторвался от стены... Девочка прильнула глазом к дырке, шепча:

— Ну давайте же!..

Мистер Офлер Массен раскрыл дверь в зал и остановился на пороге, ожидая громких приветственных криков. Все ждут, конечно, только его...

Но мистера Массена никто даже не заметил. Все взгляды были устремлены на сцену, где конференсье под раскатистые звуки марша подносил насупленному бывшему помощнику мистера Массена символ власти — золотой скипетр и увесистый том, переплетённый в чёрную кожу, — Конституцию. Мистер Х. В. сидел, набывчившись, в тёмном углу, смотрел хмуро, жуя корочку хлеба. Помощник его пальцем собирал крошки.

Офлер вошёл в зал и остановился на полпути к сцене.

— Я опоздал? — спросил он сам себя. — Что тут происходит? — Он потерянно огляделся. — Что же мне теперь делать?

— На попа его, иначе не пройдёт! Не выломайте косяки!

— Это же Офлер! — Веллер отодвинул конференсье вместе с регалиями и приблизился к краю сцены. — Вот же он, явился насладиться моим триумфом! А, Офлер? Мистер Массен! Подойдите же сюда! Мне вас так не хватало! Не стойте дубом, вы же не мистер Х. В., этот глупый толстяк. Ну же, не чинитесь. Понимаю, вам неловко видеть в этой роли меня, а не себя, но такова жизнь! Давайте же, присоединяйтесь! Господа, позвольте представить вам небезызвестного мистера Офлера Массена, бывшего кандидата в президенты, а нынче — главного неудачника этого захудалого мирка! — Веллер захихикал. — Что, чувствуете, как в груди всё проваливается и кажется, что дальше жить никак, совершенно никак невозможно? Я знаю, что чувствуете! Специально ждал вас, чтобы надсмеяться, да, не удивляйтесь. Ведь кругом кто? Быдло, тупой народ, серая масса, потребитель и избиратель, электорат! Только такой умный человек, как вы, может понять мою радость, мой триумф! Ведь я — как вы, пять лет шёл к этому дню. Только вы открыто, на глазах у всех, пользуясь восхищением и любовью, а я — то мытьём, то катаньем. Но я вас опередил! Ха-ха! Смотрите на меня и плачьте, Офлер! Я вас ненавижу, любимчик публики! Да, это я подстроил, чтобы певичка Диаманточка явилась последней и чтобы вы охмурили её всю эту ночь! Я великий, я самый умный!

— Какая пошлость, — пробормотал Офлер с болью. Но Веллер его услышал.

— Пошлость, говоришь? Это ты намекаешь на все ваши дурацкие фильмы, где главный злодей, вместо того чтобы сразу убить главного дурака, распинаяется перед ним? Так я тебе объясню, в чём дело! Или я не человек, думаешь? Я человек! Я тоже хочу, чтобы меня поняли и оценили! Ясно тебе, неудачник? Это быдло разве способно? Только такой же умный, как я, сможет по достоинству оценить то, что я собой представляю. Кривишься? Однако ты не сможешь отрицать, что я победил! Я даже лучше и умней, чем ты, Офлер!

Папа уже ободрал одну стену, пол исчез под кучей закрученных в рулончики обрывков.

— Скорей же! — не сдержавшись, шёпотом воскликнула Маша.

— Что ты сказала?

— Нет-нет, это я себе.

— И верно. — Веллер под недовольный ропот зала повернулся к ведущему: — Продолжайте. — Он принял серьёзный вид.

— Долой! — крикнули из зала.

Конференсье протянул Веллеру регалии главы государства, произнося древнюю формулу.

— Сим... утверждаю... — голос мистера Кролема звучал медленно и торжественно, — носителем... высшей власти...

Сквозь хруст и треск весело отрываемых обоев Маша различила певучий звон далёкого гонга.

— Это что такое?

Мистер Кролем прервался на секунду, чтобы крикнуть в зал:

— Родился новый человек! Внесите его для парадного наступления! Да быстрее, у нас чертовски мало времени!

И продолжил церемонию. Веллер нервно поглядывал то в зал, то куда-то вверх. Мистер Массен следил за бывшим помощником, в углу глаза застыла капля влаги.

Во внутреннюю дверь вбежал растрёпанный мужичок с туго спелёнутым младенцем на руках и дробной рысью устремился к сцене. Однако у самой лесенки затормозил и попятился, увидев, кто стоит перед ним.

— Быстрее же! — поторопил его мистер Кролем, с видимым трудом удерживая на весу скипетр и Конституцию.

— Н-нет... — Мужичок завертел головой, отступая. — А где же... Мистер Массен, вот вы где! — Заметив проигравшего кандидата, счастливый отец кинулся к нему. — Окажите честь, наступите!

Офлер сморгнул.

— Распелёнывайте! — срывающимся голосом велел он.

Мужичок положил сладко спящего ребёнка на ближайший стол, прямо среди тарелок, рюмок и приборов — никто не возражал, его даже поддержали, — и стал дрожащими руками сдёргивать пелёнки.

— Не смейте! — завопил Веллер. — Как вы можете?! Немедленно прекратите! Я президент!

Офлер нависал над отцом с ребёнком.

— Какой-то он у вас... странный, — осторожно заметил он.

— Ни боже мой. — Папаша поднял голенького младенчика подмышки, держа его спинкой к мистеру Массену. — Наступайте!

У младенчика на попе открылись глазёнки и ясно посмотрели на Офлера.

— Машка, отойди, ты мне мешаешь!

Веллер издал громкий стон прямо в микрофон, и звук сотряс помещение, зазвенели хрустальные подвески на люстрах. Но всё было кончено.

— Такого не может быть! — завопил Веллер. — Ведь я же перед вами всю душу! Наизнанку! Ненавижу! — И он, рыдая, скрылся за кулисами.

— Быстрее же, мистер Массен! — крикнул конференсье, протягивая новому президенту скипетр и том законов.

Офлер, переваливаясь, побежал на сцену.

— Сим утверждаю...

— Машка, я кому говорю!

Девочка спиной прижалась к стене.

— А ну уйди! Лена, она меня не слушается! Иди разберись со своей дочерью!

Пришла мама, вытирая мокрые руки, сердито сказала:

— Уже вечер, сколько можно, все после работы, устали! Немедленно отойди, не мешай папе. Тебе сколько раз говорили, чтобы не путалась под ногами! — Мама дёрнула Машу за руку, пытаясь оттащить её от стены. — Я тебе дам лист бумаги, и ты нарисуешь себе другую собаку. Ты меня вообще слышишь?

Маша замотала головой, сдерживая слёзы.

— Да сколько же можно, как ты меня утомила! Стыдно перед людьми! — Мама схватила дочь за плечо и потащила из комнаты.

— Нет-нет, пожалуйста, не надо! Подождите! — Маша хваталась руками за дверцы шкафа и ручку двери. — Ну ещё чуть-чуть!..

Её выволокли из комнаты и отшлёпали. Маша заревела. Не потому что больно, а потому что папа взялся за последний кусок обоев, прямо у Лизкиного уха, и сильно дёрнул, и

отодрал кусок, и кинул его на пол, и наступил, и стал отрывать остатки, клочки размером с ладонь и меньше.

Маша сидела на полу и плакала. Папа принёс ей Лизку.

— Хватит реветь, на тебе твою псину, только успокойся. Ты же хотела новые обои? Не устраивай цирк. — И вернулся в комнату: — Ну всё, беремся за эту дуру...

И мужчины окружили огромный, почти до самого потолка, шкаф.

Девочка осторожно расправила загнутый в трубку лист. Посреди листа была дырка. Сквозь неё виднелась противоположная стена. Всхлипнув, Маша заглянула в дырку. И увидела всё то же самое, только несколько больше: противоположную стену, часть косяка и заднюю стенку шкафа, которую поддерживал молодой белобрысый парень. И папу, который, приседая, завопил на парня:

— Куда прёшь, у тебя что, глаза на жопе?! Не наступай на пятки, бляха-муха!

Маша бочком подобралась к застрявшим в дверях мужчинам и застенчиво попросила белобрысого:

— А наступите мне на пятки? Я тапки сниму и носочки...

Потом, когда Маша уже вырастет, и пойдёт однажды на концерт мисс Розенпихельштайнер, и увидит, как та танцует, она поймёт, зачем Диаманте десять ног. Это случится ещё до того, как у Маши родится дочка. К тому времени я как раз закончу Первый медицинский, пойду работать в районную поликлинику и стану первым Алискиным педиатром. Которых у девчушки будет предостаточно, потому что долго работать с ней ни у кого нервы не выдержат: серые глазки на ладошках такие серьёзные и смотрят так пристально, пронзительно, не по-человечески...

Другое притяжение

От толчка я свалился на четыре точки, но не удержался, повалился плечом на асфальт и проехался по нему щекой.

— Что же вы стоите на пути у высоких чувств, молодой человек? — слышалось сверху, и я почувствовал, как кто-то меня тормозит.

Я опёрся о какой-то столбик, поднялся на карачки, затем, поддерживаемый под локоть, сумел встать. От яркого дневного света глаза крошились и болели.

— Вы в порядке?

Это был благообразный старичок вроде профессора: в бархатном пиджачке, гладко выбритый и в круглых очках на кончике длинного носа.

— А я знаю? — Передо мной всё плыло. Предметы, дома, люди — всё стремилось улететь вверх или пуститься в бег по кругу. Как тот, что меня толкнул. Пацан ещё, юнец, лет двадцати, а то и моложе, сверкнув подошвами, свечкой взмыл с земли и исчез в раскрытом настежь окне пятого этажа. Только занавеска колыхнулась. Я сглотнул, сдерживая тошноту.

— Он же кричал, — произнёс профессор, поправляя в нагрудном кармане смявшийся платочек. — Когда влюблённого юношу тянет к объекту его чувств, все стараются отойти с дороги.

— А я слышал? — Моргнув, я начал крениться, подгребая ногами, в кусты около тротуара.

Старичок поцокал языком:

— Быть может, врача?

— Я в порядке!

Он изучил меня поверх очков.

— Если с вами всё в порядке, отчего ж вы не тянетесь по делам? — В тараканьих его глазах зажглось подозрение. — Мне кажется, что не всё так хорошо, как вам кажется...

— Слышь, старый, отвяжись? Не надо врача! Лучше скажи, чё тут вообще происходит?

— Если вы неважно себя чувствуете, почему не тянетесь в больницу? — Он опустил взгляд, внимательно осмотрел мою обувь.

Я тоже взглянул на ноги. Колени были испачканы, я их отряхнул.

— Так-так... — протянул профессор, потёр друг о друга пальцы и полез в карман за платком. — Да вы стоите на земле! Давно с Луны свалились?

А вот он на земле не стоял: завис в воздухе в нескольких сантиметрах над ней.

Пока я пялился на него, профессор схватил меня за плечо и закричал фальцетом:

— Милиция! Тут слунисвалившийся! Держите его!

Он вцепился сухонькими когтями в ткань моей рубашки, но я вырвался. Развернувшись, прыгнул в кусты и ломанулся по газону прочь. Я мчался не разбирая дороги, перепрыгивая через живую изгородь и скамейки. На середине сквера оглянулся. Из потока прохожих выбрались двое в синей форме. Они направились в мою сторону, плавно перемещаясь по воздуху.

Двигалась милиция быстрее меня, это я понял, оглянувшись повторно. Я ещё несся по дорожке, ведущей к обсаженной низкими липами аллее, а менты уже достигли середины сквера.

Из кустов высунулся всклокоченный седой бомж, заросший так, что не видно было лица, — одни глазки, похожие на черносливины, да красный широкий нос. Я налетел на его нереально огромные кеды и растянулся во весь рост. Но немедленно поднялся, прихрамывая, побежал дальше.

— Шо таке? — заспанным сиплым голосом спросил он вслед.

Сзади засвистели.

Бомж вскочил, подобрал полы грязного зелёного пальто, приподнялся на цыпочках, подпрыгнул — задники его обуви загорелись, из них повалил сизый дым, — и бомж помчался вперёд, обгоняя меня. Я трусил за ним, а с тыла неумолимо приближалась милиция. Я чувствовал спиной их присутствие и наподдал.

— Шо тормозишь-та? — Бомж обернулся, сделал нелепый прыжок в воздухе, сменив направление, и рванул нам навстречу.

Милиционеры прибавили ходу. Старик в рваных трениках с отвисшими коленками пёр прямо на меня. Милиция поднажала, до меня им оставалась какая-то пара метров.

— Шо встал, вперёд! — просипел бомж, выставя левую ногу. Из безразмерных кедров посыпались искры, запахло палёным.

Он крутанулся, дёрнул меня за шкурку — и потащил. Тело оторвалось от земли, повлеклось по воздуху, как надутый гелием шар.

— Ща мы им покажем, эх-мы! — сдавленно прохрипел бомж, приседая. Он катился над асфальтом в своих кедах, как лыжник с заснеженной горы. Из задников клубами шёл дым, с шипением вырывались струи огня. И мы неслись вперёд, по аллее, милиционеры свистели, прохожие останавливались, оглядываясь нам вслед, кричали, махали руками, но мы свернули за угол, пролетели ещё две улицы, сбив старушку, которая пыталась зацепить нас клюкой, и начали петлять по городу, уходя от погони.

В телевизоре пела давно забытая группа «Мираж». Мелькающий сполохами красного и жёлтого экран скупно освещал край дивана и стола, спинку стула. Остальная комната тонула в тенях и пыли. И в этой темноте шевелилась, вздыхая, тяжёлая туша тоски.

Болела голова. Во рту пересохло. Давно и безнадежно хотелось пить, но Санёк боялся встать: тоска притаилась, поджидая, готовясь вонзить острые зубы в его ноги. Поэтому он продолжал смотреть в экран, где кривлялась певица, открывая и закрывая маленький ярко накрашенный рот.

Однако в какой-то момент жажда и нужда пересилили страх. Санёк нащупал провод от торшера, нажал выключатель. Тусклый жёлтый свет разлился над полом, вырвав у темноты крут паркета, тапочки и батарею пустых бутылок вдоль стены.

На кухне от забытой на полу горбушки во все стороны порскнули тараканы. Они торопливо бежали к плинтусу, заползали под шкаф и мойку. В пятнах жира и кетчупа на не убранных после ужина тарелках застряла муха.

Санёк хлебнул воды из фарфорового кувшина, постоял, держась за шкаф. Его качало: вчера они немного посидели, Санёк потом дрых до вечера, но всё равно ощущал слабость в членах и лёгкое головокружение.

Он открыл холодильник — новый, большой, неуместный посреди старой коммунальной кухни.

Холодильник был не его, но Санёк об этом даже не помнил. Он выгреб из пластикового контейнера горсть квашеной капусты, отправил в рот, пожевал вяло. Пряди соленья полетели на пол. Под холодильником шевелились усы.

Кто-то прошмыгнул на кухню. Санёк краем глаза уловил движение.

— Пошли вон! — взревел он, падая на стул возле телефона. Ему было плохо.

Жена брата сунулась в холодильник, что-то взяла там и поспешно вышла. Санёк мучился похмельем. Он со второго раза взял трубку, подпер голову кулаком и задумался, тыча пальцем в диск. Затем решился.

— Алло, Настя? Привет. Как ты, нормально? И я тоже нормально. Настя, давай встретимся сегодня. Что значит «не могу»? Идёте с мужем в кино? А я? Настя, ты же знаешь... Не понял... Ах так, да? Ну ладно. Ладно. Нет, не поговорим потом, не надо, я всё понял. Нет-нет, не надо. Всё, ладно. Пока, я сказал!

Бросил трубку — аппарат звякнул. Потом снова поднял, набрал другой номер.

— Виталий Иванович? Привет, дорогой, это Санёк. Да, сегодня свободен. Нет, завтра на работу не надо. Приходи, да. Не понял... Что значит «не можешь»? Виталий Иванович! Ну что же ты... а ещё друг называется... Ну ладно. Ладно. Я всё понял. Всё, считай, больше не друзья. Нет, не надо потом говорить, я всё понял. Всё, прощай, бывший друг!

С размаху опустил трубку на рычаг, встал, опираясь на тумбочку, шатаясь, добрался до сортира, потом, забыв выключить свет, ввалился в комнату и тяжело упал на диван. Его все предали, друзья бросили, он остался один, совсем один...

Телевизор мерцал, «Мираж» плакал и рыдал, заглушая тоску. Приподняв руку с пультом, Санёк прибавил громкости — так, чтобы в ушах не звенело, не нудело одиночество. Звуковые волны омыли тело, голова поплыла, Санёк расслабился, прикрыл глаза...

— Саша, сделай потише! — постучал в дверь брат.

— Да пошёл ты! — вякнул Санёк, но вяло, так, что его не услышали. Поворочался с боку на бок. Никто его не любит...

Тоска смотрела из темноты голодными глазами. И Санёк не выдержал. Поднялся, натянул носки, вделся в кроссовки, схватил куртку — и выбрался из дома, оставив дверь комнаты открытой.

Внутри тихо просочилась мать, выключила телевизор. Злое чувство улеглось возле дивана, поджидая.

Упали мы где-то за мусорными бачками в глухом дворе на окраине. За помойкой тянулся заброшенный стадион, полуразрушенный дом справа был огорожен забором, барак слева паялился заколоченными окнами.

— Ну шо, лунный, свалился посередь центра? — Бомж выпустил мой воротник, приземляясь.

Я, не удержавшись на ослабелых ногах, шмякнулся на какую-то рвань. А он уже деловито копался в мусорной бачке, выкидывая оттуда пакеты, коробки, тряпки...

— Шо замер? Помогай бутылки собирать. — Он заперхал, схватившись за коричневый свитер на груди. — Шо? Я тебя спас, вот и ты помоги. Промеж свободных людей должна быть допomoга.

— Чё?

— Менты щас возвращаются, — просипел он, выуживая из мусора зелёную бутылку и придиричиво разглядывая её, — так шо давай.

Я поднялся, попав ладонью в какую-то дрянь. Вытер пальцы о траву, подошёл к бачку.

— Чё я, больной — с Луны падать?

Он даже не оглянулся.

— Ты шо? — просипел он. — Я рази своих от лунных не отличу? Я ж так, шутейно. Вижу, шо ты настоящий свободный человек, вон как стоишь — только силком от земли и оторвёшь.

Я украдкой посмотрел на свои ноги. Обычно стою, как всегда.

— Давай ищи. — Пошарив под свитером, он вытащил мятый пакет, сунул бутылку туда.

Дедок быстро перелопатил мусор, обнаружив пять посудин. Одну из тарелок, радостно заперхав, он опустил в широкий карман пальто.

— Ещё чего, в мусоре копаться!

Возле бачка стояла спортивная сумка. Я присел, осторожно расстегнул её. Что только люди ни выкидывают! Вот, например, полным-полно отличной одежды, которую ещё носить и носить. Я поворошил рубашки и штаны и вытащил на свет ещё одну склянку.

— Во! — продемонстрировал старику. И только сейчас заметил, что одно ухо у него больше другого, притом сильно оттопыривается, да ещё просвечивает.

— Багато улова! — Бомж вцепился в посудину. Бутылка была странной формы, похожая на большую гранёную пробирку с узким горлышком. Внутри плескалась ярко-оранжевая жидкость. Старик потряс бутылку, изучил на просвет. — Виски, что ль, какая заморская? — пробормотал он, задумчиво склоняя голову и касаясь оттопыренным ухом плеча. — Али сливовое китайское пойло? — Покрутил её и так и сяк, встряхнул. — Всё одно выпьем, — решил, погружая её в бездонные карманы пальто. — Больше тама ничего такого нэмае?

Покопавшись в недрах сумки, я извлек ещё два пузыря, на пол-литра и четверть. Второй — плоская выгнутая бутыл, первый — загадочной формы сосуд, помесь лампы Аладцина и водочного графина. Бомж вцепился в сосуд, также полный маслянисто переливающейся оранжевой жидкости:

— О, це вещь!

Кругом царили покой и умиротворение. Было тихо до звона в ушах, только редко-редко раздавался откуда-то из-за домов звук шагов или голос. За бачком притулился диван — продавленный, грязный, с потёртой полосатой обивкой, из дыр которой тут и там торчали опилки, поролон и пружины.

— Бутылочка... — нежно просипел бомж, опускаясь на сиденье. Диван застонал, загремели пружины, скрипнула ссохшаяся древесина. Старик прижал хрустальный бок к щеке, погладил сосуд. — Ридная моя...

Я осторожно присел рядом, опёрся о спинку, поперёк которой тянулся разрез — и так и лезли оттуда кудряшки стружек. Головокружение почти прошло, взгляд прояснялся. Пожалуй, самый подходящий момент выяснить, куда же меня занесло.

— Разопьём? — Бомж зажал бутылку между ко-ленями, начал срывать пробку обломанными ногтями с чёрной полосой грязи под ними. Пробка была залита сургучом, запечатана.

Что-то блеснуло на солнце, резануло глаза. Сверху крикнули басом:

— Чё вы делаете, суки позорные! А ну быстро всё на место и руки вверх!

С крыши дома выглядывала круглая бритая голова, рядом виднелось дуло винтовки, солнечные лучи играли на окуляре оптического прицела. Бандит грозил нам кулаком.

— Ща спущусь, убью гадов! — гудел он, как из бочки, низким густым басом.

— Занатто! — просипел бомж и с надрывом закашлялся.

Бандит на крыше поднялся в полный рост, загораживая солнце.

— Тикаем! — хрипанул старик, подскакивая. Пихнув бутылку в карман, он приподнялся на цыпочках в своих огромных кедах, хлопнул пятками; посыпались искры, пошёл едкий синий дым, показались огоньки пламени. — Эх-мы! — Бомж ухватил меня за воротник — и нас потащило.

Носки моих кроссовок вычерчивали две кривые по песку. Гориллообразный бандит в

сером костюме-тройке спускался по пожарной лестнице, прыгая через полпролета и на ходу изрытая проклятия. Приподнявшись выше, старик присел на своей обуви, будто на лыжах, пару раз оттолкнулся подошвой от воздуха. Из задников с рёвом исторглась оранжевая струя, едва не обжёгшая мне руку, искры фонтаном брызнули во все стороны. Дым повалил чёрный, ядовитый, он вонял жжёной резиной — и мы рванули с бешеной скоростью. Промелькнул внизу голый стадион, пустырь, заросший бурьяном и заваленный мусором, пронеслись маленькие, словно врытые в землю домишки, окружённые чахлыми садами, — и всё это осталось далеко позади, кругом теперь мелькали поля, овраги и кое-где, проглядывая меж кустов, затянутые ряской пруды.

Затем впереди возникли холмы и поляны, составленные из старых ненужных вещей: перед нами расстилалась городская свалка. У границы её стояло несколько серебристых мусорных баков, двое ребят в синей униформе лопатами выгребали из них мусор.

Распахнулась дверь, хлопнула форточка, по ногам пробежал сквозняк, брызнул свет, заливая комнату, выскочили из темноты трюмо, кресло, старая тумбочка с телевизором — и в комнату ввалилась подвыпившая компания.

— Давай, Марин, садись! — командовал раскрасневшийся Санёк, толкая раскрашенную девицу на диван. — Петрович, куда, потом завалишься, дуй на кухню, притащи стул!

Они вывалили на стол нарезку салями, помидоры и огурцы, пучок редиски, два клюквенных рулета, выставили бутылки — водка, вино для девушки, опять водка и снова водка, лимонад для запива. Тут же Санёк достал нож с тарелкой, Марина подседа к столу, закинув ногу на ногу — короткая юбка уехала вверх, обнажая бёдра в полный рост, — стала кромсать овощи; Петрович внёс, ударив об косяк, табурет; Сергуня тоже пристроился возле стола, переставляя бутылки и стаканы, протирая последние о футболку на животе.

Санёк врубил музыкальный центр, отворил окно, подперев раму книгой.

— На чём мы там остановились? — Он подрулил к компании и начал тыкать штопором в бутылку. — Сначала дамам!

Марина кокетливо хихикала, отводила взгляд, дрожа густыми, твёрдыми, будто пластмассовыми, ресницами.

— Но и про мужчин не забудем. — Петрович погладил обширную плешь, обрамлённую почти прозрачной нежизнеспособной уже порослью.

Сергуня взялся за водку и огромной лапой скovyрнул пробку. Марина подставила рюмку, куда заструилось бурое в отсветах люстры вино; мужчины сдвинули стопки.

— Вздогнем, — деловито бросил Петрович и тут же хряпнул.

— А тост, тост! — запротестовал Сергуня и, опрокидывая стопку, едва не проглотил её. Марина захлопала в ладоши.

— Сила! — крикнула она и захохотала в голос.

Санёк поднялся:

— Тост, господа! Предлагаю выпить...

Зазвонил мобильник. Он мелко вибрировал, исходя переливами расхожей мелодии.

— Брось, Шурик! Отключи! — Марина положила ладонь ему на колено.

Санёк смотрел, как трубка ползёт, дрожа, к краю стола.

— Да ну, а вдруг... — Он схватил телефон. — Алё!

— Я ей и говорю... — громким шёпотом, наклонившись над тарелкой с редисом, заговорил Петрович. — А она мне...

Марина смеялась, запрокидывая голову. Санёк отошёл к окну.

— Саша, ты чего, ты когда на работе появишься? Ты чего делаешь? Пьян, что ли? Саша, да ты спятил! Третий день тебя нету, Сан Палыч уже о тебе только матом! Ты понимаешь, чего делаешь, Саш? Ты ваще думаешь головой? Придёшь завтра?

— Хватит орать, — невольно повышая голос, ответил Санёк. — Чё привязался? Я занят. Мне некогда на работу ходить.

— Саш, ты чего?! — явственно офигел собеседник. — Ты ваше работаешь или где? Если ты завтра не появишься, я всё Сан Палычу расскажу, и он тебя уволит на хрен. Ты не понимаешь, что ль? Это работа, тебе тут бабки платят, а не курорт! Саш, я серьёзно, меня достало тебя прикрывать каждый запой! Ты больной, тебе лечиться надо!

— Я не пью! Я трезвый! — завопил Санёк. — Вы меня заколебали со своей работой!

— Саш, ты чего, ты чего, да успокойся... — забормотал собеседник.

Марина, обернувшись через плечо, улыбалась, показывая жёлтые зубы. В прямых пальцах она держала сигаретку.

— Красавица! — Петрович подъехал к девушке вместе со стулом, припал к её груди. — Богиня!

— Саш, но ты приходи завтра! С твоей трудовой, сам знаешь, устроиться сложно. Помнишь ведь, как Сан Палыч тебя брать не хотел? По полгода работаешь, ну кто ещё возьмёт? А я больше не могу прикрывать, Сан Палыч и мне не верит. Завтра сам с ним поговори, он придёт. Ты понял? Саш, он завтра придёт, ты должен быть на месте, иначе уволит, точно говорю!

— Да пошёл ты! — проорал Санёк, размахнулся и швырнул телефон об пол. — Задолбал!

— Шурик, ты чего? Иди к нам!

В дверь стучали.

— Саша, сделай музыку тише! — крикнул из коридора брат. — И не шумите там! Уже одиннадцать, и ребёнок спит! Если не прекратите, я вызову милицию!

— Пугает, — авторитетно заявил Сергуня, опрокинул две стопки подряд и, повернувшись к девушке, стал поигрывать выпирающими мускулами. Рукава его футболки были давно вырваны с мясом, чтобы видны были бицепсы.

Марина смеялась.

— Милиция? — Санёк беспокойно завертел головой. Перед глазами плыло.

— Ну шо, вроде оторвались. — Зависнув над насыпью из ржавых железяк, бомж меня отпустил.

Я ударился плечом и скатился на кучу полиэтиленовых пакетов, из которых тут же посыпался всякий хлам. Старик хлопнулся рядом, отчего пара пакетов лопнула, обдав нас канцелярской мелочью: пластиковыми скрепками, обрывками скоросшивателей да использованными шариковыми ручками.

— Чё нас всё время преследуют? — Я потёр ушибленное место.

Бомж хмыкнул.

— Шо-шо... не любить свободных людей, ясно шо.

— Почему?

— Тот, кто твёрдо стоит на ногах, тяжёл на подъём, — философски изрёк старик.

Покряхтывая, он начал спускаться на утоптанную поверхность мусорного слоя. То тут, то там торчали из-под ног рваные стаканчики, размочаленные книги, смятые коробки из-под сока. Бомж покрутил носком своей безразмерной кедины.

— А мы зато вон как могём, — с гордостью произнёс он почти без сипа, но тут же согнулся в приступе жуткого кашля. Он хрипел и перхал, выдавливая из себя мокроту, корчился и давился.

— Не понял, — сказал я, когда он, устав, замолчал, повалившись лицом в какую-то кофту без рукава.

Он махнул рукой, не поднимая головы, и затих. Я сполз к нему, сел рядом. Кругом стояла первозданная тишина, нарушаемая лишь приглушёнными шорохами — то падал в кучи, сползая по склонам к подножию, мусор, который перекидывали из бачков работяги в синей униформе. И эти шорохи столь органично вписывались в окружающий ландшафт, что казались свойством самой тишины.

— Я ничё не понял, — сказал я. — За что менты хотели меня схватить? Чё я не так

сделал? Почему здесь все летают? Что за чушь?

Старик повернул голову, глянул на меня одним глазом, просипел, и мятая бумажка возле его рта колыхнулась:

— Видать, здорово ты приложился башкой к столбу, малой. Али всё ж таки с Луны свалился? Тяготеют. А мы нет. Ни к какому делу не тянемся. Вот и болтаемся тут, на свалке, по будмайданчи-кам шаримся да помойкам. Этих чув, мусорщиков? Пашут тут больше пяти лет. Вот шо значить заниматься делом! Хоть кол на голове теши — а они всё о мусоре. Кругом шо хошь может робытыся, они и не услышать.

Он тяжело перевернулся на спину и, заложив грязные руки за голову, уставился в небо.

— У меня батя алкоголик был, пьяница запойный, — хрипло произнёс он. — Так я сыздетства ни к какому делу не интересен. Из школы выгнали, дворником работал... мусорщиком вот иногда... нигде себя не нашёл.

Замолк и долго ничего не говорил. Устав ждать, я сказал:

— А я актёром был. Ещё в институте, когда в Таллине учился, сломался на одной роли. Всё мог играть, а любовь к больному брату не далась. Так и не раскрылся. Потом по театрам в Питере мыкался — везде давали роли второго плана, нигде не получилось развернуться. А я молодой. Красивый. Девушек люблю. Денег нет. Славы нет. Какого хрена? Пошёл на завод сначала. Хорошо зарабатывал. Потом туда, сюда... деньги есть, а радости никакой. Работы, работы... всё уже не помню. Сейчас вот устроился — мебель делаю. Зарабатываю прилично, музыкальный центр купил, диван новый, телевизор большой...

Бомж приподнялся на локте, подмигнул:

— Надо обмыть это дело. Будешь?

Шорох мусора за насыпью смолк, работяги начали переговариваться вполголоса; послышался скрежет, глухой алюминиевый звон. Вытащив из кармана пальто гранёную пробирку, старик царапал по сургучу обломанными ногтями.

— Мож, горлышко отбить? — предложил я.

— Та ты шо, с Луны свалился? — вскинулся бомж и прикрыл бутылку локтем. — Актёр... Видали мы таких актёров. — Он с подозрением уставился на меня. — Небось и верно свалился? — сипло спросил он. — То-то смотрю — и балакаешь ты как-то смурно, и мысли у тебя липкие, не как у свободных людей?

— Да ты чё, старик? — Я потянулся к бутылке. В горле давно пересохло. — Давай открою.

Пальцы его скрючились, вцепились в горлышко; бомж спрятал руку с сосудом в глубине своих лохмотьев.

— Точно не оттуда? — Он кивком указал на небо. — А не то чув я тут дви силовых линий...

Вдалеке послышались свистки. Их почти заглушили скрежет баков,двигаемых мусорщиками, и их голоса, однако старик вострепнулся, приставил распрямлённую ладонь к своему сильно оттопыренному уху.

— Як менты скоро-то... — озабоченно просипел он.. — Занатто! — и посмотрел на меня: — Тебя ищут, малой.

Я вскочил.

— Где тут спрятаться?

Он заперхал, хватаясь за грудь: смеялся.

— Шо толку прятаться? Не, точно лунный! Це ж менты! Их к тебе притянет!

Но тут с другой стороны раздались крики — знакомый басовитый с хрипотцой голос. Бомж побледнел под коркой грязи на морщинистом лице.

— Ох, лышенько... — по-птичьи быстро оглядываясь, пробормотал он. — Ох, отберёт...

Работяги кончили выгружать мусор. Из-за насыпи показались четыре бака, подталкиваемые мусорщиками. Один волочился сзади, открытый, из него торчали черенки лопат; цепь, которой контейнер крепился к другим, натянулась, конец её болтался внизу,

позвякивая. Мусорщики, приближаясь, понемногу набирали ход.

Милиционеры вынырнули из-за большого разъеденного дождями фанерного щита. Их было уже трое; летящие впереди двое, надувая щеки, свистели, ещё один махал полосатым жезлом.

За спиной бомжа показался бандит, чью сумку мы разворошили, за ним мчался другой, похожей комплекции. Я видел, как блещут на солнце их бритые макушки.

Старик больно ткнул меня кулаком под ребра.

— Прыгай! — велел он, кивая на громыхающий мимо последний мусорный бачок.

Мусорщики, не обращая внимания на вопли, свистки и несущихся с двух сторон милиционеров и бандитов, невозмутимо переговаривались, глядя перед собой и толкая контейнеры.

— А ты?

— Не пропаду! — Старик с силой толкнул меня, и я полетел прямо в разверстую пасть бачка, ощерившуюся черенками лопат.

Я зажмурился, зацепился плечом за край контейнера, услышал, как затрещала рубашка, и свалился на вонючее дно. Сверху что-то упало мне на голову. Потом я услышал слабый крик бомжа:

— Она там, там, у него!

Менты и бандиты столкнулись с рёвом и грохотом. Взорвались и смешались выстрелы, вопли и стоны, удары, звон, но всё это заглушил нарастающий свист воздуха вокруг. Я пошевелился, переворачиваясь, чтобы сесть, меня кинуло назад, вдавило в стенку... на поворотах по железному дну, страшно грохоча, каталась пустая бутылка.

— Поч-ч-чему она всегда так быстро конч-ч-чается... — Сергуня тряс бутылку над полупустой стопкой. Несколько капель разлетелись над столом.

Петрович сполз с дивана, где лежал на коленях у Марины.

— Надо сходить! — заявил он, мотая головой, словно отгонял одолевающих его мелких бесов. — Киоск, я помню, прям под домом? — Худосочный мужчина добрался до окна, животом навалился на подоконник. Перегнувшись, выставился наружу: — О, точно! Вот он, родимый! Срежем дорогу?

— Петрович, ты чё, седьмой этаж! — завопил Санёк, неверной рукой хватая собутыльника за рубашку.

Марина завизжала, прижимая ладони к щекам. Тогда неторопливо, как бык-производитель, спускающийся к стаду с холма, поднялся Сергуня. Обхватил Петровича за торс и рывком втянул обратно.

— Тебя там эта, как её... сила тяготения съест, — авторитетно объяснил он, ставя Петровича на ноги. — Ногами дойдем, не слабо.

— Мариночка, ты с нами? — Петрович заюлил вокруг девушки, подавая ей то курточку, то сумочку.

— Ребят, вы чё, вы куда? — Санёк с трудом оторвался от стены возле окна. Его покачивало.

— Спокуха, Шурик. — Петрович уже застёгивал тёмно-синий пиджак с пятном от помидора на кармане. — Сгоняем за добавкой.

— Я с вами! — Санёк ползал под столом в поисках куртки, но пока что найти не мог.

— Вот же она! — Марина указала на гвоздь, вбитый в стенку шкафа.

Санёк дважды повернулся вокруг себя, ища выход, стукнулся головой о полированную ножку и завыл. Девушка засмеялась в полный голос.

Дверь открылась, на пороге стоял брат Санька, бледный от злости молодой человек лет двадцати трёх.

— Если вы немедленно не выключите музыку, я вызову милицию! Двенадцать часов ночи!

— Антон, Антон, ну ты чё, — забормотал Санёк, выбираясь из-под стола на голос,

поднялся, держась за стулья. — Ну ты чё, Антон, мы уже уходим, не надо только ментов вызывать...

— Но мы ещё вернемся! — выкрикнула весело Марина. Она чувствовала себя ведьмой на метле.

— Если вы вернётесь... — Антон достал из кармана трубку, — вас будет ждать дежурный наряд. И ты, Санёк, опять будешь ночевать в вытрезвителе. Я больше повторять не буду.

Петрович загородил дорогу набычившемуся Сергуне.

— Ты чё, парень, нарываешься? — прогудел Сергуня, сжимая кулаки.

Антон отступил в прихожую и дальше, к своей комнате.

— Я сказал, — предупредил он. — На тебя уже два заявления лежат в отделении.

И скрылся за дверью.

— Никто меня не любит... — заныл Санёк. Марина уже накидывала куртку ему на плечи.

— Забей, — пробасил Сергуня. — Кишка тонка..

— Ага, опять побьют, деньги отберут... — пожаловался Санёк, вслед за приятелями выходя на лестничную площадку. — С-суки...

На столе осталась валяться пустая бутылка, вино разлилось по скатерти, превращая рыжую поверхность в бурое болото. То тут то там высились над ним кочки редиски и помидоров. Растерзанная упаковка являла миру полусъеденный дешевый чизкейк.

Из соседней комнаты, оглядываясь, выползла мать. Музыка в её комнате играла приглушённо, оттуда доносились негромкие голоса. Она выключила музыкальный центр, подслеповато щурясь и наугад тыча пальцем, затем погасила верхний свет и прикрыла дверь.

По дороге мусорщики перекидывались редкими фразами:

— Моя смена была, когда «Арго» ставили. Подошёл я к капитану, заговорил. Он спросил, не надо ли сувенир.

— Сам, что ль, предложил?

— Ага. Так я не стал стесняться, попросил звёздный ветер в бутылке.

— А он?

Под их унылый разговор я задремал. Очнулся оттого, что на голову посыпался песок; с перепугу я закричал.

— Кто здесь? — слышался недовольный голос.

Я открыл глаза: кругом темно, сверху — синеющее вечернее небо в бледных звёздах. На краю окоёма показались две головы, одна лохматая, другая лысая. Мусорщики уставились на меня.

— Ты как тут? — спросил тот, что повыше, лысый. — С Луны, что ль?

— Нет-нет, что вы! — Я пошевелился, застонал: тело затекло и болело.

— Так вылазь! — грубо потребовал второй, лохматый. Он едва доставал напарнику до плеча.

Две пары крепких рук схватили меня за локти и запястья и вытащили наружу. Ох! Припадая на правую, совершенно онемевшую ногу, я отковылял от бачка.

— Где я? — спросил тупо, хлопая тяжёлыми веками. В глаза будто песка насыпали.

— На космодроме, болван, — отозвался лохматый. — Убирайся, бомжатник!

— Я нормальный!

— Не спорь, мужик, давай отседова. — Лысый похлопал меня по плечу. — Ты нам тут не нужен. Ещё скажут, чего привезли. Ты как попал-то к нам?

Набрав в грудь ставший прохладным воздух, я собрался было рассказать, как...

— Хрена ли лысого слушать ещё! — возмутился лохматый, забирая из бачка лопаты. — У нас график, братка! Пусть чапает в терминал и там объясняет охране, как пробрался на территорию. Пошёл, залётный! Чтоб мы тебя тут не видали больше...

Последние слова он произносил, отвернувшись от меня. Лысый соорил

сочувствующую мину, разведя руками, после чего, подхватив пару мётел, отправился за напарником.

— А где терминал-то?! Эй, куда идти-то?! — спохватившись, крикнул я.

Не оборачиваясь, лохматый махнул в сторону. Я разглядел низкую громаду какого-то здания, понурившись, побрёл туда. Подходил к концу, но ещё не закончился сомнительный какой-то день. Чувствовал я себя фаршем, натуральным фаршем с глазами.

В длинном прямоугольнике терминала возник жёлтый квадратик: открылась дверь. На её фоне мелькнул чёрный силуэт: вышел человек — и свет исчез. Я быстрее двинулся вперёд и даже перестал хромать.

Ухнуло где-то рядом. Темнота ожила. Вокруг засвистел ветер, он нарастал, превращаясь в ураган. Воздух закручивался между ног. Меня потянуло куда-то, понесло, подошвы оторвались от земли... Я закричал. Ревущий поток поднимал меня и тащил вверх, крутил и засасывал, втягивал в какое-то невидимое жерло, неведомую пасть...

Но тут кто-то схватил меня за ноги, повис на мне, секунду мощный воздушный пылесос ещё пытался утянуть нас обоих, однако не сдюжил, и мы сверзились. Песок набился в рот, а тот, кто схватил меня, навалился сверху, вдавливая в землю. Я с силой зажимал уши, чтобы хоть как-то защититься от какофонии — казалось, то ревёт и воет само пространство, однако вибрации рвали тело, проникали внутрь, минуя уши.

И вдруг всё стихло. Давление сверху исчезло. Я потряс головой, сплёвывая траву и песчинки. Человек встал и помог мне подняться. В слабом свете звёзд я разглядел юное безусое лицо, волевое, с крупным подбородком.

— Романтик? — неприветливо спросил он.

— Нет-нет, — на всякий случай поторопился откеститься я, смущённо отряхивая рубашку на животе и джинсы.

— Ну да, вы ещё молоды, — согласился он, присмотревшись. — Как же вы очутились на поле?

— Да я заснул в мусорном бачке, и ребята приволокли...

Наклонив голову, он изучил мои ноги.

— С Луны свалился? — с подозрением спросил он, отступая на шаг.

— Да нет же! — Я даже руки поднял для убедительности. — Я из этих, как их... свободный я, во.

— Бомжатник... — скривился парень. — Ну да чего теперь. Давай тогда зайдём чайку дёрнем. Я раньше пришёл, экипаж ещё не подъехал, скоротаем времечко. Небось давно нормально не ел?

Через каких-то двадцать шагов по полю он толкнул дверь — и я зажмурился от яркого света. Это была ракета. А я даже не заметил её корпуса: он сливался с темнотой. Перед тем как шагнуть через порог, я отступил, запрокинул голову и вроде бы разглядел. Она уходила вверх, узкая, стройная, чуть серебрящаяся по контуру, красивая, как детская мечта.

Мы попали в небольшую уютную комнатку. Стены, пол, потолок — всё металлическое, посередине стоит деревянный стол, вокруг пластиковые стулья, и у входа — глубокое кожаное кресло. Хозяин гостеприимно усадил меня туда, сам начал открывать встроенные шкафчики, методично доставая оттуда и ставя поочередно на стол термос, стаканы в подстаканниках, кусковой сахар в хрустальной сахарнице, алюминиевые чайные ложки. Потом достал ещё хлеб, масло, колбасу и сыр.

— Странно, что вы о них не знаете, — рассказывал он, подавая мне дымящийся стаканчик. — Они лет двадцать как появились, даже больше. — (Ему самому было от силы девятнадцать, мне же — к тридцати.) — Романтики — это старики, которые летать сами уже не могут, тяги не хватает. Но ещё хотят. Вот и приходят сюда, смотрят, как мы стартуем. Их притягивает к ракете воздушным потоком и уносит в открытый космос.

Я поёжился, сообразив, чего избежал, и искренне поблагодарил юношу. Он тем временем нарезал бутерброды.

— Вам повезло, что я как раз шёл, — спокойно отозвался он.

— А куда летите? — поинтересовался я.

— К М51 Гончих Псов.

— Ого! И что там? — Название ничего не говорило ни уму ни сердцу.

Он прищурился, высокий лоб его пересекла морщина.

— Да вы точно не свалились? Об этом только все и говорят. Нашли там несколько планет предположительно земного типа. Вот, будем исследовать на предмет внеземного разума...

Я почувствовал, что совершенно теряюсь в мире. Везде меня принимали за чужака, нигде было приткнуться, не о чем поговорить — может, я и впрямь с Луны свалился, да так головой приложился, что всё забыл? Только вот что тут делают с этими свалившимися?

— Да что вы, что вы!

— А не то я и врача могу вызвать... — Он потянулся к столу, поставил наполовину опустошённый стакан. Красновато-коричневая поверхность заходила мелкой рябью.

— Да что вы, что вы!

— Ну вы смотрите, если вдруг...

Взглянув на дверь — успею ли в случае чего выскочить, — я постарался сменить тему:

— Так с вами можно попрощаться? Больше не увидимся...

— А вы приходите встречать. — Он поднялся, подошёл к шкафчику. — Всё-таки, может, по глоточку чего покрепче не помешало бы, — пробормотал он, поворачиваясь ко мне с металлической фляжкой в руке. — Будете?

— Конечно! — Я напряг остатки памяти. — Когда встречать? — Межзвездные полёты — это ж годы или столетия... — На каком принципе, кстати, работает ваш корабль? — Я начинал склоняться к тому, что попал в параллельный мир.

Он замер, держась за крышечку фляги.

— Что значит «на каком»? — И обежал взглядом всю мою скрючившуюся в кресле фигуру, от пыльных кроссовок до взъерошенной макушки. — На собственной тяге, как обычно... — Парень сделал шаг к дверям.

— Я не понял. Ведь есть же земное притяжение, и, чтобы его преодолеть, требуется приложить огромную силу, потратить массу энергии, сжечь тонны топлива... Вы летите через ноль-пространство или через гиперпространственные туннели?

— Зачем же, просто летим, — промямлил он, передвигаясь к выходу. — Погружаемся с командой и летим себе.

— Но какая же сила вас движет? — допытывался я.

— Да обычная же, сила тяготения, — вяло отбивался он. Его волевой подбородок как будто сник. — Нас просто тянет туда, потому что мы хотим туда попасть.

— А я, положим, тоже хочу?

— Если тяга достаточная... — бормочет он, — то, конечно... Вы не против, если я сбегая за ребятами? Вам будет интересно познакомиться с ними.

И сбегал. Небось за ментами помчался, падла. Но они меня фиг найдут! Пока прочёсывают космодром, я уж улечу вместе с ребятами, и никакие сволочи в форме потом меня не достанут!

Я выбрался из помещения и пошёл искать укрытие. Внутри ракеты был небольшой лабиринт коридоров, что вверх-вниз, что влево-вправо, и помещения все как кубики. Побродил я там, в дальней комнатке открыл какую-то дверцу, залез и затаился. Никакого центра управления, приборов никаких не нашёл, только жилые помещения. Полки с книгами обычными, шведские стенки... Всякое.

Ноги замёрзли. Мне показалось, что я задремал. И — голоса, теперь снаружи звучали голоса, они были отлично слышны. Я насчитал человек семь — веселая компания, молодые пацаны.

— Давайте осмотрим, — предлагал один.

— Пора лететь, бросай свои шутки, штурман, — говорил другой.

— Кроме шуток, он с Луны свалился! — клялся мой голубоглазый спаситель.

— Капитан, ты ему веришь? — возражал кто-то ещё. — Всех лунных отлавливают ещё на улице!

Капитан приказал:

— Три минуты на обыск! Время!

И пацаны забегали, начали хлопать дверями, топать, переговариваться... Я затаился.

Получилось, что я хорошо спрятался. Через три минуты капитан отзвонился в диспетчерскую, и ему скомандовали старт. Юнцы собрались в соседнем помещении и трепетно дышали. Я прислушался, поднеся ладони к ушам: сейчас как заведут двигатель, он взревёт...

Ничего не происходило.

— Почему не взлетаем? — вякнул кто-то. Первым сориентировался капитан.

— На борту посторонний! — крикнул он. — Прочесать корабль ещё раз! Проверить все системы жизнеобеспечения! Быстро!

— Я вам говорил, говорил! — Судя по голосу, штурман бежал впереди всех.

Захлопали двери. Я вжался в стену. По ногам сквозило. Осторожно, почти не дыша, я пошарил справа и слева. Там было пусто. Не забрался ли я в какую-нибудь вентиляцию? Задравши голову, разглядел сеточку светлых полос. Я вытянул руки и поводил ладонями по металлу. Пальцы нащупали холодные скобы по сторонам от входного отверстия.

— Тут смотрел? — спросил голос у самого моего виска.

Заскрежетала, поворачиваясь, ручка. Я сжался, вцепившись в скобы. Одна нога норовила соскользнуть. Если дверь откроется, я попаду вошедшему пяткой в глаз.

— Доктор, его нигде нет! — крикнули подо мной. Я вздрогнул и поджал ногу. Они что, вызвали...

психиатра?

Дверца открылась. Я видел, как всунулась в мою темноту кудрявая голова, видел её силуэт на фоне жёлтого прямоугольника на полу, видел розовое ухо.

Голова покрутилась и исчезла.

— Тут никого! — отрапортовал юнец подо мной.

— А это что? — спросил его капитан.

Мы одновременно посмотрели на пол. Там, на пыльной решётке, остались два моих следа.

— Все сюда! — разнеслась команда по открытым настежь помещениям и коридорам.

Сжав зубы, я пополз вверх. Железо скрипело под ногами.

— Он движется в сторону камбуза!

Я с размаху влетел макушкой в преграду. Мир наполнился звоном.

— Остановился!

Десяток бегущих топочут как будто по ушам. Судорожно вцепившись в скобу, я шарю по стенам и по решётке над головой. Подо мной металлический колодец глубиной в несколько метров. И снизу кто-то лезет! Хотя какое-нибудь бы отверстие, хоть малюсенькое, хоть защёлка или замок — я сломал бы их голыми руками!

— Успокойтесь, вам не причинят вреда, — говорит голос снаружи.

В стене открывается окошечко, сквозь дырочки я могу разглядеть лицо человека в белом халате, который, наклонившись, высматривает меня сквозь множество мелких отверстий.

— Бревед! — гнусавит санитар.

Я отшатываюсь, теряю равновесие, соскальзываю...

Темнота выползла из углов, разлеглась вокруг тусклого круга света от торшера; она ждала момента, когда можно будет вонзить зубы в это пространство, чтобы съесть, поглотить его без остатка, зажевать и выплюнуть комком смутных теней. А за спиной темноты присела, сложив лапки на груди, прикрыв красные глазки, хмурая беспробудная тоска.

Санёк вошёл тихо, стараясь двигаться осторожно, но всё равно задел стул, и тот с грохотом полетел на пол. Во всей квартире было темно, только у матери из-под двери выбивалась полоска света. Там едва слышно играла музыка и переговаривались почти шёпотом. Перед глазами ходили круги. Из глубин организма поднимался вал тошноты, давя органы, просился наружу. Санёк держался. Он рухнул на диван и затих, бессознательно шаря вокруг. Случайно задел выключатель торшера, и слабенькая сороковаттка, будто охнув, погасла.

И тогда темнота сделала шаг вперёд, и заполнила комнату, и села на грудь, а тоска, подобравшись с полу, забралась в голову.

— Меня никто не лю-убит... — простонал Санёк, слепо вглядываясь перед собой. Постепенно глаза привыкали, и он разбирал в слабом свете фонарей за окном очертания громоздкой мебели.

Туша давила на виски и глаза, застилая взгляд. Тоска была всегда, всегда, когда он оставался в комнате один. Даже телевизор не помогал. Санёк нашарил наконец «ленивку». Засветился экран, замелькали на нём люди, лица, огни, жёлтое, красное, синее, звуки, формы — там была жизнь, там были счастливы, улыбались и пели, а тут... тут была тьма, и одиночество, и ничтожество, и бессилие — все насели на человека, царапая мозг острыми злыми когтями.

Санёк скатился с дивана, на карачках подобрался к окну, подтянулся к подоконнику и положил лицо на него, щекой к прохладной шершавой поверхности. Он вдыхал свежий воздух и не мог надышаться, он пил ветер, впитывал шорох машин и цокот каблучков, голоса поздних прохожих, которые и не знали, что он страдает тут, наверху. Никто не знал, что он есть, мир отверг его, забыл про Санька, плюнул, а он, Санёк, утёрся, потому что делать — что он мог сделать, когда вместо приветливого ласкового лика давно уж видел злобный оскал?

Голова кружилась, пол поднимался и опадал, стены клонились в разные стороны, в такт дуновению ветра. Сквозняк развозил грязь по морде мира, в морщинах его скопились злобные чертенята, они показывали розовые языки, тянули, вытягивали, будто хотели достать до Санька.

Что он мог?

Санёк подтянулся выше, цепляясь за карниз. Металлическая полоса отогнулась, царапнув большой палец.

Только ответить тем же. Поднявшись во весь рост, Санёк забрался коленями на подоконник, упираясь ладонями в проём, высунулся на улицу. Внизу стоял киоск, где продавали водку, пиво, сигареты и чипсы; огни его перегораживали тротуар. Из-за поворота, визжа шинами, вывернула чёрная иномарка и, набирая скорость, проехала мимо. Санёк, покачиваясь, выдвинулся дальше, копя во рту слюну.

Потом нагнулся и плюнул.

Шатнулся, пальцы заскребли по дереву, собирая занозы под ногти, — и улица приняла его. Подхватила полными руками ветра, нежно, как когда-то мать, с любовью и заботой. Санёк расслабился и улыбнулся, отдаваясь последней ласке.

Но напоследок его всё-таки больно толкнули в спину.

— Но штурман ловит вас и живым и невредимым доставляет к санитарам, а они привозят вас к нам. Ну что, теперь укольчик? Успокоительный.

— И так я попал к вам, — закончил Санёк и с укоризной посмотрел на врача, который в свою очередь с сочувствием изучал покрытого синяками и ссадинами пациента: молодой человек в грязной клетчатой рубашке и в синих джинсах, держась за бок, сидит над кушеткой, парит в двух-трёх сантиметрах над простынёй.

— Только не укол, — стоит он на своём. — Мало ли как ваши лекарства на меня подействуют. Вон, видите, я уже тоже летать начинаю... Доктор, это что, заразно?

— Вам просто необходим отдых. — Полная рука тянется к шприцу, который давно

лежит на салфетке рядом с карточкой Санька, куда доктор записывал его рассказ. — Но вы настолько возбуждены, что вряд ли заснёте самостоятельно. Вы изведётесь, растратите нервы... Один укол — и наконец отдохнёте.

Санёк смотрит в окно. В кабинете горит электричество, поэтому молодой человек не заметил, что за белыми ситцевыми занавесками светает. Солнце ещё не взошло, но небо уже голубое, почти как днём. Санёк поникает и позволяет доктору приблизиться. Двигаясь мягко, как умеют иногда именно такие грузные врачи, доктор подносит шприц, и Санёк подставляет под иглу руку.

— Может, и впрямь перебрал? И мне только кажется, что я летаю? — спрашивает он покорно.

Рука доктора дрогнула.

— Да нет же, не кажется, вы действительно куда-то тяготеете, но, видимо, никак не решитесь.

— Тяготею? Но, доктор...

— Иван Борисович.

— Я не понимаю, ну как желание чего-то может пересилить притяжение земли?

— Да ведь на тяге весь мир держится, молодой человек.

— Саша. Меня зовут Саша.

— Оглянитесь, Саша. Посмотрите же вокруг. Юноша так любит, что летит к возлюбленной: его тянет к ней. Как магнитом. Что такое хотя бы магнит, вы знаете?

Санёк кивает. Глаза у него красные, лицо осунулось, но он слушает, покачивая ногами и сам покачиваясь над кушеткой.

— А как же иначе? Как бы иначе они жили друг с другом? А те же космонавты как летали бы к звездам? — Иван Борисович, крупный, седой уже мужчина, отступил на шаг, сунув руки в карманы белого халата.

— На топливе!

— Не смешите, Саша! Как иначе, если бы сила притяжения имела только у планеты, поклонники находили бы талант, музыкант — слушателей, артист — зрителей? Вот где тяготение! А вы говорите — земля. Как по-другому люди избирали бы себе дело по душе, если бы существовало одно ваше земное притяжение? Как изучали бы поведение перелётных птиц?

Санёк задумался.

— А вас куда тянет, доктор? — спросил он, потирая глаза и сонно моргая.

— Честно? Сейчас — в кровать.

— Почему же вы сидите здесь, со мной?

Доктор присел на стул возле окна. Из форточки дуло, и занавеска слегка колыхалась на свежем предутреннем ветру. Белый медицинский шкаф у другой стены поблескивал стеклами, за которыми выстроились шеренгами разные пузырьки.

— Вы мой пациент, — ответил он, поглаживая подбородок.

— Ну и что? Вы так любите свою работу?

— Да я, собственно...

Доктор отвёл глаза и положил шприц на стол. Санёк висел уже в центре комнаты. Один шнурок у него развязался и болтался над кушеткой.

— Но вы же видите, что вас куда-то тянет? — обратился к нему врач.

Молодой человек, обхватив себя руками, зябко поёжился. Там, в воздухе, без опоры под ногами, он чувствовал себя очень неудобно.

— А знаете, Саша, давайте проверим, — оживился вдруг доктор. Уставшие глаза за толстыми стеклами заблестели. — Когда у нас сомневаются, то делают так. — Он начал отпирать окно.

— Эй, зачем это?! — испугался Санёк. — Я прыгать не буду! Я не самоубийца!

— Когда вы окажетесь за окном и отпустите себя, вас утянет в нужную сторону, — объяснил доктор, убирая с подоконника на стол бегонию и раскрывая створку. — Может, не

сразу, правда...

— Я же упаду! — заверещал пациент, забиваясь под потолок.

— С чего же? — Доктор попытался поймать его за штанину. — Ведь не падаете же вы сейчас! Не дурите, Саша, идите за окно!

Как только Санёк оказался наверху, он вдруг ощутил, что чувство, которое он испытывал сегодня целый день, — будто его рвёт изнутри на части, тащит во все стороны сразу, — изменилось.

— Или укольчик, — предложил доктор снизу.

— Иван Борисович, меня, кажется, тянет! — крикнул Санёк. — Помогите!

— Куда, куда тянет?!

— Не знаю! Но если вы немедленно не схватите меня за ногу!..

Он как будто снова оказался на космодроме. Кругом нарастал рёв воздушных струй, Санёк становился всё легче...

— Спасите! — закричал он.

И его утянуло.

Санёк лежал на полу. Он огляделся.

Дома, конечно же, он дома! Вот недавно купленный новый диван, вон трюмо и тумбочка, вон стол с остатками пиршества, за ним свисает родной обрывок обоев, у стены шеренга пустых бутылок, они стоят навтыжку, как оловянные солдатики. И запах, тяжёлый запах застоявшегося воздуха, пустоты и одиночества.

Санёк вскочил. За окном виднелась звёздная ночь, фонари не горели. На полу лежал квадрат лунного света, в углу валялся одинокий носок.

Санёк поспешил открыть окно, впустить в комнату ночную прохладу и свежесть. За стеной негромко играла музыка, приглушённо звучали голоса. Санёк вдохнул полной грудью. Значит, он хотел домой?

Он перегнулся через подоконник, посмотрел вниз. Куда теперь его тянет?

Седьмой этаж. Под ним, почти у самого подъезда, стоит круглосуточный ларёк. Если высунуться подальше, то можно разглядеть чёрную крышу и полоску света на асфальте.

Раздался нерешительный тихий стук в дверь. Санёк отпрыгнул от подоконника.

— Да! — крикнул он. Сердце бешено колотилось. Что его притягивало, когда он выглядывал, — киоск с водкой или земля?

Дверь приоткрылась, показалось мягкое лицо. Музыка стала громче. Пьяный, будто простуженный, голос произнёс:

— Я не поме... шала? Санёк, у тебя не оста... лось водочки? После друзей-то...

— Одни пустые бутылки, можешь посмотреть. — Санёк пропустил мать в комнату.

Она вошла, пошатываясь, с виноватым лицом. Придерживая подол полурасстёгнутого грязного халата, надетого поверх спортивных штанов, мать присела на корточки около посуды. Она приподнимала бутылку и разглядывала в свете тусклой лампы, просачивающемся через щель в дверях, наклоняла каждую и трясла. Но все были пусты.

— Ничего... нет, — запинаясь, произнесла мать и поглядела жадно на стол, но там только расплывалось пятно от пролитого вина. — Ниче... го. — Держась за стенку, она с трудом поднялась. — Прости, сынок. Я не помеша... ла? Ты же знаешь, что я тебя... оч... очень люб... ик! Тебе не скучно? Приходи к нам...

— Нет, не хочу, иди!

Она покинула комнату, осторожно, двумя руками прикрыв дверь. Санёк залез на подоконник. Уж лучше земное притяжение, чем беспросветная тоска.

И шагнул в окно. Земля стремительно затягивала, ветер свистел в ушах...

Санёк вспомнил. Вот как он там оказался, в том странном мире! Вот так же просто сошёл с подоконника. Но не умер, а... Куда его затянуло? Эх, жаль, что он не успел там ничего сделать! Наверное, это прикольно — изучать в небе перелётных птиц...

На городской свалке было тихо, только ветер шуршал старыми пакетами. Одна из куч мусора приподняла голову, приставила руку к уху, оттопыренному заметно более другого. Ни звука не доносилось от мусорного вала, ни звука, свидетельствующего, что тут есть люди. Тогда старик, кряхтя и постанывая, выбрался из-под завала.

Он отлежал себе ногу, однако переждал стычку в безопасности. Милиционеры и бандиты столкнулись прямо над его головой, схватка была жаркой и быстро закончилась. Почти все участники были повержены, один оставшийся в сознании раненый милиционер вызвал по рации подмогу. Никто из приехавших служителей порядка старика не заметил, как и водитель старенькой санитарной линейки, что следовала за тачками милиции. Тела погрузили и увезли; люди в форме ещё долго стояли, переговариваясь, а бомж всё лежал под перевернутым диваном, куда заполз в самом начале столкновения, лежал и прижимал к груди две бутылки.

И вот наконец всё стихло. Старик выждал ещё для верности, затем вылез, поднялся, оглядываясь. Мусор вокруг был изрыт, потревожен, на высыпавшихся из пакета исписанных рваных бумагах виднелась кровь.

— От так, — сипло пробормотал бомж, поглаживая наполненные ярко-оранжевой жидкостью сосуды.

Сел, вытянув ноги в безразмерных кедах, и начал терпеливо выколупывать пробки. Как только справился с этим — перевернул каждую из бутылок. Жидкость, пузырясь, с журчанием пролилась в мусор, впиталась в него, как в песок, просочилась вниз, к земле. Старик пристально, придирчиво осмотрел бутылки, глянул на просвет — стекло блестело в густых маслянистых лучах заходящего солнца. Поднялся, покряхтывая, и побрёл в глубь свалки.

За горами старой, изъеденной жучками и грибком мебели стояла сколоченная из обломков шифера хижина.

Из-за неё высунулась трясущаяся голова с длинными седыми космами.

— Ну что, есть добыча? — пропитым тенором спросила голова.

— Таких у меня ещё нету! — ответил бомж, светясь от неприкрытой радости. — Ты глянь тока, шо за экземплярчики! — И продемонстрировал бутылки, в том числе похожий на стеклянную лампу Аладдина сосуд.

— Блеск... — протренькала голова, выходя из-за хижины. Она принадлежала худой высохшей старухе, длинной, но согнутой почти вдвое. И потому едва достающей бомжу до плеча. — Ну покажь, покажь всё-то...

Бомж бережно, любовно отодвинул грязную тряпку, прикрывающую маленькую хижину. Там оказалось много полок — и все они были заставлены самыми разными бутылками: богатство форм, размеров и окраски поражали воображение.

— Знатная коллекция... — вздохнула старуха. — А этикетки мне, да?

Старик добавил новоприобретённые экземпляры в коллекцию и отступил на шаг, любясь.

— А то, — просипел он.

И они замолчали, погрузившись в лицезрение. Низкое тёмное солнце играло на стеклянных боках и горлышках.

Доктор задёрнул занавески, но окно закрывать не стал. Белая ткань шевелилась на ветру. Доктор выкинул одноразовый шприц, снял халат и повесил в платяной шкаф у двери, вымыл руки. Перед тем как выключить свет, он обвёл кабинет долгим взглядом. Он проработал здесь пятьдесят лет и ни минуты не пожалел о том. Но сейчас... сейчас он больше не чувствует тяги. Полвека он почти не выходит из клиники, даже квартиру купил в доме напротив, чтобы ни секунды не отрывать от дела, от работы. Неужели вся жизнь была ошибкой?

Тяжело как никогда спускался доктор по лестнице. Ему показалось даже, что он ощущает ту неведомую силу земного притяжения. Как будто на плечи навалилась глыба, к

ногам привесили чугунные гири...

Тяга не ошибается!

Но человек меняется.

И, в конце концов, возраст. Наверное, пришла старость.

Доктор вышел из клиники, запер дверь. Опустил ключ в карман и медленно зашагал через улицу домой. Просто сейчас его зовёт постель, и ужин нашептывает что-то заманчивое...

Остановившись на середине улицы, по которой тянулись первые прохожие, доктор понял, что он прямо сейчас может повернуться и уйти куда глаза глядят — и даже не вспомнит о постели. Если тяги больше нет, он стал свободен. И может распоряжаться своим временем как хочет!

Тогда он развернулся и пошёл. Тяжело переставляя нога, направился вдоль улицы. Куда? Его ничто не держало и не тянуло — ни назад, ни вперёд, ни вверх, ни вниз. Доктор просто шагал. Его обгоняли, кто-то неся навстречу, огибая грузную фигуру, бредущую посередине тротуара. Пять лет не ходил доктор ни в ту сторону, ни в другую, а только ровно поперёк. Три метра от крыльца до крыльца, от подъезда до подъезда — вот и вся улица. За это время появились новые магазины, вывески, даже, кажется, новый дом — или это старый отремонтировали?

Улица закончилась, началась другая — совсем незнакомая. Доктор шагал и шагал. Ещё одна улица, и ещё... и ещё... Да вот вроде и город кончился, а ведь есть и другие города. Там, впереди, не лес ли? Он не видел леса двадцать лет!

И доктор, покинув город, направился туда.

Как много деревьев! Трава, кусты, папоротник — это же папоротник? А что тут растёт? Да посмотрите, разве это не земляника? Доктор присел, осторожно сорвал толстыми пальцами крохотную алую ягодку и сунул в рот. Покатал языком, надавил... В груди, в районе солнечного сплетения, возникла давно забытая лёгкость. Она стремительно нарастала, охватывая тело целиком. Доктор не успевает распрямиться, повернуться — всё это он делает на лету.

— Хо-хо! — кричит доктор в восторге. Расталкивая замешкавшихся прохожих, он мчится по улицам к клинике.

— Совсем спятил! — кричат вслед.

Санёк поднимается, отряхивает колени. Он всё ещё жив — да сколько же можно! Сколько можно влачить это жалкое существование и когда же оно закончится? Обида и злость одолевают Санька...

И тут его больно толкнули в спину. Молодого человека закрутило, он зашатался, взмахнул руками, ища, за что бы схватиться, но его бережно поддерживали под локоть.

— Вы тут? — удивлённо спрашивает Иван Борисович. Он светится и движется дальше, не шевеля ногами, увлекая за собой и Санька. — Вы нашли то, что искали?

Глаза против воли наполнились слезами.

— Не только не нашёл ничего, но ещё и потерял! Себя! — пожаловался Санёк.

— Ну что ж, отлично! — вскричал доктор. — Это повод ещё раз обрести! Вам нужно срочно чем-нибудь заняться. Не хотите ли зайти со мной в клинику и за завтраком обдумать...

Его неудержимо влекло по улице.

— Быть может, я мог бы попробовать медбратором? — застенчиво спросил Санёк.

— Хо-хо! — воскликнул Иван Борисович и понёсся пузом вперёд.

Криво, шатко и валко, но Санёк тоже летит, поспевая следом.

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН, ГАЛИНА ЧЁРНАЯ

Монумент в честь Великого и Неповторимого

Нас с мужем лихорадило второй день... Алекс плохо спал и вертелся всё время, в результате я никак не могла спокойно притулиться ему под бочок, а всё из-за чего? Из-за того что приближался очередной день рождения агента 013...

Это знаменательное событие обычно ставило на уши всю Базу. Кот, как вы догадываетесь, не понимал дежурных поздравлений, был жутко привередлив и капризен, неугодный подарок мог принять буквально со слезами на глазах (как его обидели!), а если кто забывал о его празднике, то шёл и напоминал невеже, настырно требуя к себе внимания...

Вообще-то он у нас невероятно милый. Воспитанный, умный, образованный, толстый и крайне симпатичный, в обычное время — верный напарник и отличный друг! Просто один день в году его клинит по полной программе...

Короче, мы с Алексом долго думали, что бы ему подарить. И вот моего любимого осенило — он всё-таки знал Пусика дольше и лучше всех (ну, может, кроме Анхесенпы, наперсницы котика, которой он наконец обзавёлся, как и котятами), — что его может больше всего обрадовать. Его идея была великолепна! Я сразу признала, что это будет лучший подарок для нашего хвостатого героя, и бросилась Алексу на шею с поцелуями...

Сначала мы отыскивали старину Стива и попросили его на взаимовыгодных условиях об одной необременительной для него услуге; мы знали, что ему понравится наша идея, так оно и оказалось.

— Хороший способ сэкономить на подарке! — обрадовался он и побожился выдать готовый результат уже завтра.

Стив — биоробот, на которого можно положиться, а уж в том деле, которое он осуществил по нашей просьбе, ему и вовсе нет равных. Он редкий в своём роде специалист по изготовлению шикарных роз из космического лома. Но нам, как вы уже наверняка догадались, была нужна совсем не роза...

А когда настал знаменательный день, в любимой котом части оранжереи, где он частенько медитировал, развалясь на траве (это по его словам, а на самом деле просто дрых под благовидным предлогом!), собралось почти всё население хоббиточьего квартала. Уж кто-кто, а они ничьи дни рождения не пропускают! Прожорливый народец...

Следом подтянулись все наши друзья и коллеги, диджей Бэс помог с громкоговорителем для торжественных речей и поздравлений именинника, а заодно и благословил всё мероприятие от лица древних богов Египта.

Грифон Рудик привёл разномастную группу (людей и нелюдей) из кружка восточных танцев, приготовив с ними специальный номер для кота. Бессменный завкухней покойник Синелицкий с поварятами приволок большущий поднос пирожков с ливером и теперь затравленно огрызался на плотоядные шуточки неумолимых хоббитов.

Потом ещё был наш новый лесовод шурале, устаревший робот Эльгар, бывший монах с Ароби-ки, готовящийся к миссионерской службе, двое гоблинов из лаборатории и даже секретарша из отдела трудоустройства. Страшная-а, но добрая, она меня всегда кофе угощает, с конфетами...

Подошёл и шеф, которого пропустили в первый круг близких друзей и полезных знакомых. Многие стояли с цветами и поздравительными плакатами. Это я позаботилась для большего успеха мероприятия — раздала по гвоздичке десятку первопри-бывших хоббитов...

Чтобы все уместились, пришлось, правда, потесниться, в ботанических садах каждый клочок земли на вес золота. Последним, уже начав всех волновать задержкой, явился в сопровождении всего хвостатого семейства виновник торжества. Когда мы сказали, что ждём его во столько-то в обычном месте встречи в оранжерее, он даже усом не шевельнул, хитрец. Слухи на нашей Базе, как в деревне, просачиваются быстро, и он, скорее всего, уже догадывался в чём дело, а то и знал наверняка...

Ладно, теперь пришла пора открыть, что это был за сюрприз. В центре газона, на пяточке диаметром метра в два, возвышался памятник Профессору, укрытый простынёй, мы установили его под покровом ночи и, закрутив, завязали концы простыни на три узла, чтобы любопытствующие перетерпели до завтра. Стив сделал его из космического лома, как и свои знаменитые розы, которые теперь были во всех торговых ларьках Базы, но большинству наших сотрудников всё-таки удавалось выклянчить розу у Стива бесплатно. Говорили, что их продают и в космосе, в торговом центре на Эраспирусе, многие вылетающие на задания биороботы беззастенчиво ими спекулировали...

Но я отвлеклась. После жарких и продолжительных аплодисментов мне наконец удалось разрезать узлы маникюрными ножницами — и памятник открылся коту во всей красе!

Хоть статуя была сделана в примитивистском ключе, она вышла весьма реалистичной, Стив, как истинный художник, уловил внутренние устремления Пусика, изобразив его стоящим на задних лапках с прямой спиной и гордо выпяченной грудкой. Одну лапу он засунул за лацкан парадного мундира с полковничьими звёздочками, а другую вытянул по-кошачьи плавно вверх и устремил за ней пламенный взгляд, как бы символизируя, что душой он в новых свершениях и постоянно растёт и развивается.

Судя по морде обалдевшего кота, мы угодили просто стопроцентно! Агент 013 не сводил с памятника глаз, буквально тая от хвалебных речей. Не удержавшись, он искренно, крепко пожал руку Стиву, скульптура ему действительно понравилась, хотя такого въедливого критика ещё поискать, а здесь он и слова не сказал о недостатках...

Впрочем, что критического он мог сказать, присутствуя на открытии прижизненного памятника самому себе? Народу на мероприятие пришло видимо-невидимо, хотя большая часть (речь, конечно, о хоббитах!) только из корыстных побуждений, о чём самая светлая голова Базы и мозг команды не мог не догадываться. Но всё равно приятно, ведь все наконец признали его выдающиеся заслуги и таланты. У нашего хвостатого умнички были грамоты, звания, награды, даже устные благодарности, но монумента-то ещё не было. И до этого дня не было ни у кого, согласитесь!

Думаю, это был счастливейший день в его жизни! Кроме дня воссоединения с Анхесенпой и хулиганистыми котятами, конечно...

Мы с Алексом произнесли одну речь на двоих, сумбурно, но от души, добавляя и поправляя друг друга, так что чуть не поцапались. Потом захотел высказаться шеф. Как ему положено по должности, он был краток, но демократичен:

— Классная статуйка, парни! Кот словно живой, вот-вот попросит повышения жалованья... Это шутка!

Когда все натужно отсмеялись, взял слово сам Профессор:

— Я глубоко тронут, друзья мои! И должен признать, ещё никогда мои скромные заслуги не были оценены так искренно и так честно... Право, я смущён. Однако даже смущение не мешает мне выразить глубокое удовлетворение стараниями моих друзей, которые наконец-то поняли...

Ну, дальше, я думаю, можно не конспектировать, получасовая самовосхвалительная речь агента 013 могла довести до кондратия кого угодно. Лично мы с мужем улизили первыми, хоббиты держались до конца. И лишь верная Анхесенпа смотрела на него глазами влюблённой кошки, позабыв о котятах, которые, наслаждаясь свободой, самозабвенно кусали и царапали вежливого Рудика за птичьи лапы и тянули к себе его танцевальный платок с монетками. Праздник плавно перерос в затянутое мероприятие с холодными пирожками в финале...

Но хуже всего было утро. Нас разбудил настойчивый стук в дверь. Шесть утра?! Какого-всякого лешего, бормотала я, пытаюсь укрыться с головой, но мой супруг пошёл открывать... В комнату важно втиснулся наш кот:

— Вчера не все пришли на открытие памятника, я считаю совершенно необходимым

устроить повторное открытие! И кстати, вчерашние цветы уже завяли, а сегодня ещё никто не положил к пьедесталу свежих. Я проверял, это очень горько...

Мы с Алексом тупо уставились друг на друга, не зная, что сказать.

— Может быть, цветы будут приносить по выходным и большим праздникам? Не спеши так расстраиваться.

— А я вовсе не расстроен, скорее удивлён, но подожду до вечера. И про повторное открытие не забудьте, нельзя лишать жителей Базы такого праздника лишь потому, что кто-то был на задании...

Видимо, спросонья мы плохо соображали, послушно решив подчиниться капризу котика. Как нам удалось подкупить хоббитов и согнать тех несчастных, которые, вернувшись с задания, жаждали одного — отоспаться, это уже отдельная песня...

Кот был доволен! Что не помешало ему явиться следующим утром с той же бредовой идеей. Хвала Аллаху, я проявила твёрдость и не позволила мужу встать, Профессор долго и гнусаво орал из-за двери, а потом куда-то слинял...

Конечно, приятно, что ему так понравился наш подарок, но надо ведь и совесть иметь! К тому же основная заслуга всё-таки принадлежала Стиву. После успеха своей статуи он стал ходить в измазанном машинным маслом и жидкой сваркой вязаном свитере плюс небрежно перекинутый через плечо шарф — явный закос под свободного художника. У него даже походка изменилась, стала небрежной и шаркающей, а взгляд — задумчиво-созерцательным, как будто он уже видит свои новые шедевры на персональной выставке в вестибюле.

— Теперь я хочу сделать статую нашего шефа, метров шесть в высоту! Мне интересно прочувствовать величие этого гнома...

Наивный Эльгар от него теперь просто не отходил, он восхищался Стивом ещё больше, чем раньше, когда тот создавал розы, — теперь оказалось, что его кумир ещё и скульптуры умеет делать. Он подавал ему инструменты, приносил железки, убирал мусор, а вчера я застала его в столовой с плакатом «Мы любим Стива!». Сам зазнавшийся биоробот, поджигая абсент и делая большой глоток, произнёс небрежно: «Кажется, я ви-ител эт-ти слофа ище тва тая наса-ат?» Эльгар тут же убежал и вернулся с новым транспарантом: «Стив великий робот-творец!»

Кот, когда об этом услышал, едва не удавился от зависти. Но всего один вызов к шефу поставил концептуального биоробота на прежнее место. Начальник довольно резко напомнил Стиву, что он борец с космическими чудовищами, на каковой работе ему и нужно максимально сосредоточить свои шестерёнки, а не расслаблять их каждодневной бензинно-абсентной подзаправкой. «Исключительно для вдохновения и заглушения экзистенциального страха перед реальностью», — пытался оправдаться Стив, откуда-то понабравшийся таких слов, хотя его мнение никого не интересовало...

Конечно, со стороны шефа это было жестоким подавлением творческого потенциала сотрудника, забиванием таланта, но, подчинившись приказу, наш биоробот отнюдь не выглядел страдающим. Он снова ходил в форме, с армейской выправкой, речь его стала скупой, а мозги — строго направленными на уничтожение галактических монстров и скрытой угрозы атаки клонов.

— Это всё было не моё, эта... как её... богни... богеня... богуневная жизнь, тьфу! Я только сейчас понял, какой золотой у нас шеф, — прямолинейно рубил он в лицо каждому встречному.

Сияющий рядом Эльгар всей душой поддерживал и это...

А агент 013 тем временем каждый свободный от работы день устраивал сборища у своего памятника, чтобы народ не забывал его величия, и пристрастился (тенденция к этому и раньше чувствовалась) произносить длинные речи с трибуны. Ему было неважно, на какую тему, кто и почему вынужден его слушать и прочие второстепенные моменты.

Хоббиты приходили, молчали и аплодировали, а их подозрительно-хитрые глазки выражали одно — нетерпение, когда наконец начнётся обещанная раздача конфет! И откуда

у семейного Профессора столько денег на прокорм всей этой оравы?! К тому же агент 013 уже начал копировать своего металлического двойника, всё чаще засовывая лапу за лацкан полковничьей формы, которую теперь стал носить почти не снимая, хотя раньше всегда жаловался, что она сковывает его естественную природу.

Буквально через неделю, возвращаясь одна из гостей от Боббера, я, проходя мимо столовой поздним вечером, увидела крадущуюся тень в маске. Тень была приземистая, толстая, с поджатым хвостом и мешком на плече и выходила из кухни. Обрадовавшись неожиданному развлечению, а последние дни выдались очень скучные — каждый день выслушивать речи кота у памятника, я приняла боевую стойку... Тень замерла.

— Ага, попался! — С восторженным криком я бросилась душить вора.

Он сопротивлялся, пока с него не свалилась тряпичная маска.

Надо ли говорить, что это оказался наш Профессор?! Когда у него не осталось средств, чтобы покупать конфеты, проплачивая мохноногому народу присутствие у памятника, «наркоман славы» пошёл на кражу пилёного сахара.

— Я уже весь в долгах, мне никто больше не одалживает! Даже Алекс вчера отказал, сказав, что ты теперь отбираешь у него зарплату до копейки. Это правда? — прижатый к стенке, стонал кот, пока я по привычке выворачивала ему за спину лапу. А как ещё, по-вашему, задерживают грабителей?

— Так, значит, он брал у меня деньги не для морских свинок, пострадавших от землетрясения, а отдавал тебе, на конфеты этим прожорливым бездельникам! — взревела я.

Ну, с мужем я ещё поговорю, пусть не портит мою репутацию выдумками, хотя его находчивостью и тем, что хоть этим сохранил деньги из семейного бюджета, горжусь.

— Прости, Алиночка, — опустил голову пухлый горе-воришка.

Как я люблю его в эти моменты, когда из него уходит спесь, он такой трогательный и беззащитный... Хотя иногда подозреваю, что так он просто манипулирует мной и Алексом, чтобы получить, что ему требуется. Эта трезвая мысль тут же получила подтверждение.

— Алиночка, раз ты не сердишься, так, может, сама одолжишь мне? Я верну, честное слово, через... полгода... или...

— Позор на твою голову, ты же теперь глава семейства! Какой пример для твоих котят: их папа в долговой тюрьме! Тебе Анхесенпе в глаза смотреть не стыдно?!

— Вот именно, именно, что стыдно, — продолжал ныть Пусик. — Я должен кормить семью, а денег нет, мои бедные дети два дня не видели молока! Прояви сострадание, одолжи, а?

Уж это наглое враньё! Котята каждый день в столовке получают молочную кухню, кефир, манную кашу пять раз в день, как положено растущему организму. Единственное, чем я могла помочь этому бесстыжему толстуну, так только тем, что отпустила его восвояси... Сахар я отнесла на кухню сама, чтобы кот два раза не светился. Но Профессор не внял и на следующий день был задержан на краже уже Синелицым. Связанного сосисками кота привели к шефу, где его уже ждала делегация хоббитов с долговыми расписками.

— Ладно, когда у меня воруют хоббиты, это понятно. Мы все знаем, какое они жульё, ещё со времён Бильбо Бэггинса, — перекрывая возмущённый вой хоббитов, начал Синелицкий, — но чтобы Профессор, образованный интеллигент, назанимавший у меня горю продуктов, а потом, когда я впервые отказал ему, ночью пришёл красть?! Куда катится этот мир...

Агента 013 заключили под стражу, заперев до суда в сауне — естественно, отключив отопление. Справедливый суд был назначен на завтра, как минимум нашему другу грозила отправка в отставку! Вроде и в рифму, а неприятно...

Мы с мужем отупело сидели в столовке. Компот не радовал, Синелицкий его пересахарил, видимо, от раскаянья в том, что запальчиво подставил хорошего человека. То есть кота...

— Идиотская ситуация, — наконец резюмировал командор. — Сделали подарок другу...

— Они точно его уволят? Пусика можно понять, у каждого есть свои слабости, неужели шеф не понимает...

— Любимая, шеф и сам рад бы замять это дело, но как?! Агент 013 под арестом, хоббиты трясут его долговыми расписками, а этот треклятый памятник... Чтоб он провалился!

— И... что тогда будет? — едва сдерживая слёзы, уточнила я.

— Что будет?! — не понял мой муж. — Ничего не будет, нет памятника — нет и...

Мы одновременно встали из-за стола и, не сговариваясь, метнулись к выходу.

— Я — в оранжерею, ты — на космодром! Найди Хекет, не захочет сотрудничать — пообещай сунуть свёклу в дюзы...

— Слушаюсь, милый! Захочет, у меня ой как захочет... — восторженно прорычала я, чмокнула любимого в щёку, на ходу засучивая рукава. Главное — успеть...

Суд проходил прямо в коридоре. Там с утра выставили пластиковые стульчики, их заполнили все желающие и свободные от службы. Привели задержанного; котик выглядел небритым и похудевшим, как матёрый уголовник. Анхесенпа прикрывала голову кружевной чёрной вуалью и скорбно придерживала резвящихся котят. Поскольку детали данного дела были известны всем и каждому, слово сразу предоставили мне как добровольно вызвавшемуся адвокату:

— Не понимаю суть вопроса, о чём вообще речь?! Какие обвинения в нарциссизме могут быть выдвинуты против моего клиента? Во-первых, памятник делался не для него, а для жителей Аробики, по их неофициальной просьбе, но поскольку скульптор местный, мы решили продемонстрировать его сначала на Базе. Да, было два открытия, по желанию тех, кто не смог прийти в первый раз. Остальные пятнадцать агент 013 провёл на свой страх и риск, ему как учёному была важна статистика, и наш самоотверженный кот взял на себя адский труд выяснить мнение каждого жителя Базы. Всё-таки подарок пойдёт в другую галактику, и надо быть уверенным в качестве продукта...

— Но хоббиты... — попробовал прервать меня шеф. Я усмехнулась:

— Кто не знает, как способны врать хоббиты? Ради лишней конфеты они и Толкина из гроба выкопают... Пусик был вынужден подкармливать их, иначе они ни за что не дали бы ему свои голоса для социального опроса по поводу пригодности памятника как дара для Аробики! Уверена, что долговые расписки они написали сами, а подпись кота подделали. Держу пари, что и Синелиций готов взять обратно свои обвинения...

Глава нашей столовой помахал высунутым языком и радостно закивал.

— Все в сад! — громко предложила я.

Естественно, народ дунул в оранжерею, прихватив под конвоем подавленного и присмирившего за день сидки кота. Впереди всех бежали ещё на что-то надеющиеся хоббиты...

Разумеется, никакого памятника и близко не было, а на освободившемся постаменте уже вольготно устроились горшки с цветами-людоедами. Первая половина нашего плана реализована удачно...

— Итак, агент Сафина-Орлова, вы утверждаете, что ваш напарник оказался жертвой шантажа и вымогательства? — задумчиво протянул шеф. — Но я всё равно не понимаю, зачем какой-то Аро-бике...

Он явно собирался сказать, что всё шито белыми нитками, но к нему подскочил курьер-лепрехун и подал какое-то письмо. У нашего начальства блеснули глаза, когда он увидел адрес, он тут же вскрыл конверт и, пробежав послание глазами, хмыкнул и зачитал вслух:

— «Монастырь роботов-холмогорианцев искренне благодарит руководство Базы за столь бесценный подарок. Для нас большая честь установить у себя великолепный памятник работы самого известного скульптора, единственного добившегося успеха и получившего межгалактическое признание, биоробота Стива. Блистательный кот озарил нашу жизнь светом истины! Теперь мы можем каждый день возносить ему молитвы и класть к его

подножию металлические розы. Убедительно просим разрешения сделать этот ритуал ежедневным! С уважением, отец-настоятель, преподобный РВ-125». Ну что же, считаю вопрос исчерпанным. Все свободны. Кроме хоббитов, разумеется...

Как вы поняли, хоббитов сдуло в первую очередь. Остальные расходились не торопясь.

Профессор, с которого тут же сняли наручники, гордо вскинув голову, вернулся к жене и детям. На мгновение он соизволил заметить и нас...

— Алиночка, Алекс, друзья мои! Как вы смотрите на предложение завтра посетить Аrobiку? Мне кажется, что ежедневное проведение ритуала в моё отсутствие может привести к нежелательным...

Я показала ему кулак. Он мне — язык! Вэк... и кто он после этого?! Мы с Пусиком посмотрели друг на друга и расхохотались как сумасшедшие! Какие-то вещи остаются неизменными, оборотни своих не бросают...